

ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

IZVESTIYA
OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

www.ssc.smr.ru

Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки
Social, humanitarian, medicobiological sciences

Издательство
Самарского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

**Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»**

Том 27 № 1(100), 2025

Основан в 2002 году в составе Известий СамНЦ РАН. Выходит 6 раз в год. ISSN 2413-9645 (print)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ № ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: Э.А. Радаева. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Заместитель главного редактора: О.М. Буранок

Редакционная коллегия: А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, А.С. Бакалов, Дж.Ф. Бейлин,
О.М. Буранок, Е.Я. Бурлина, А.Л. Бусыгина, В.П. Бездухов, Н.И. Воронина,
Й. Догнал, Д.А. Дятлов, В.И. Ионесов, Т.В. Каракова, Л.А. Колыванова, О.А. Кострова,
М.А. Кулинич, Э.А. Куруленко, В.Б. Малышев, А.А. Масленникова, И.Д. Немировская,
В.И. Немцев, О.К. Позднякова, И. Рёблинг, М.Б. Сабыр, И.Л. Сиротина, С.В. Соловьева,
О.Н. Солдатова, М.М. Халиков, В.Д. Шевченко

Электронная версия журнала: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Адрес издательства: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. 443001 Самара, Студенческий переулок, 3а.

Тел.: 8 (846) 337-53-81, факс 8(846) 332-66-79. E-mail: presidium@ssc.smr.ru

**Founder: Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences
«IZVESTIYA SAMARSKOGO NAUCHNOGO TSENTRA ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK.**

Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki»

[IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.

Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences]

Volume 27, no 1(100), 2025

Published since 2002. Issued 6 times a year. ISSN 2413-9645 (print)

Founder: Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Sciences

The journal is registered with Roskomnadzor, certificate PI № FS77-64960, 04.03.2016

Editor-in-chief: E.A. Radaeva. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Deputy editor-in-chief: O.M. Buranok

Editorial board: A.Yu. Agafonov, G.V. Akopov, A.S. Bakalov, John Frederick Bailyn,
O.M. Buranok, E.Ya. Burlina, A.L. Busy`gina, V.P. Bezduxov, N.I. Voronina, J. Dohnal,
D.A. Dyatlov, V.I. Ionesov, T.V. Karakova, L.A. Kolyvanova, O.A. Kostrova, M.A. Kulinich,
E.A. Kurulenko, V.B. Malyshev, A.A. Maslennikova, I.D. Nemirovskaya, V.I. Nemtsev,
O.K. Pozdnyakova, Irmgard Roebeling, M.B. Sabyr, I.L. Sirotnina, S.V. Solovyova,
O.N. Soldatova, M.M. Khalikov, V.D. Shevchenko.

Electronic version of the journal: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Address of the Publishing House: Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences.
443001 Samara, Studenchesky pereulok, 3a.

Ph.: 8 (846) 337-53-81, fax 8(846) 332-66-79. e-mail: presidium@ssc.smr.ru

СОДЕРЖАНИЕ	
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»	
Том 27, номер 1 (100), 2025	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Летняя филологическая школа как форма профориентационной работы <i>Абрамовских Е.В., Смоленская М.А.</i>	3
Проблема формирования профессионального имиджа преподавателя высшей школы <i>Бейлина Н.С., Чеканушкина Е.Н.</i>	9
Способы мотивации проектной деятельности обучающихся <i>Бенгина Т.А., Лиманова Л.В.</i>	17
Роль Soft Skills в развитии конструктивного взаимодействия субъектов образовательного процесса <i>Дмитриенко О.В., Колыванова Л.А., Лазарев А.В.</i>	23
Роль определенного артикля в английском языке и способы его передачи при переводе на русский язык <i>Журавлев А.П.</i>	31
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Традиции Серебряного века в книге В.Ф. Дударева «Ветла»: проблема энтелехии культуры (онтологический аспект) <i>Дударева М.А., Морозова С.М.</i>	36
Апофатика художественного мышления В.С. Высоцкого: фольклорные фреймы в стихотворении «Мои Похороны» <i>Дударева М.А., Яковлева Т.С.</i>	41
Музыкальный код поэзии Варлама Шаламова <i>Некрасова И. В.</i>	48
Антонимия как безальтернативный коммуникативный ресурс (на примере романа Лиона Фейхтвангера «Изгнание») <i>Халиков М.М.</i>	56
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Особенности законодательных систем, ограничивающих распространение литературы в библиотеках США и России <i>Дёмкина Д.С.</i>	70
Макроалгоритмы повествования: 24-элементный цикл смены реальностей (на материалах романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») <i>Денисов Д.В.</i>	81
Предметный мир как область визуализации и переклассификации культуры <i>Ионесов В.И.</i>	89
«Свои и чужие» в творческой мастерской Киры Коваленко <i>Орищенко С.С.</i>	99
Общественная скульптура как фактор формирования эстетического опыта и городской идентичности <i>Плескачевская А.П.</i>	105
Философско-культурологический анализ театральной интерпретации <i>Титова В.Н.</i>	111

CONTENTS	
«IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences»	
Volume 27, number 1 (100), 2025	
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Summer Philological School as a Form of Career Guidance Work <i>Abramovskih E.V., Smolenskaya M.A.</i>	3
The Problem of Forming a Professional Image of a Higher Education Teacher <i>Beylina N.S., Chekanushkina E.N.</i>	9
Ways to Motivate Students' Project Activities <i>Bengina T.A., Limanova L.V.</i>	17
The Role of Soft Skills in The Development of Constructive Interaction of Subjects of The Educational Process <i>Dmitrienko O.V., Kolyvanova L.A., Lazarev A.V.</i>	23
The Role of The Definite Article in English and Some Ways to Reproduce it in Russian Translation <i>Zhuravlev A.P.</i>	31
PHILOLOGICAL SCIENCES	
Traditions of The Silver Age in The Book of V.F. Dudarev «Vetla»: The Problem of The Entelechy of Culture (Ontological Aspect) <i>Dudareva M.A., Morozova S.M.</i>	36
Apophatics of Artistic Thinking of V.S. Vysotsky: Folklore Frames in The Poem «My Funeral» <i>Dudareva M.A., Yakovleva T.S.</i>	41
The Musical Code of Varlam Shalamov's Poetry <i>Nekrasova I.V.</i>	48
Antonymy as Unreplaceable Kommunikative Resource (Case Study of L. Feuchtwanger's Novel «Exile») <i>Khalikov M.M.</i>	56
CULTURAL SCIENCES AND ART HISTORY	
Peculiarities of Legislative Systems Limiting The Distribution of Literature in Libraries in The USA and Russia <i>Demkina D.S.</i>	70
Macro-narrative Algorithms: 24-element Cycle of Describing Reality (Using The Novel by L. Tolstoy "Anna Karenina") <i>Denisov D.V.</i>	81
The Object World as a Field of Visualization and Reclassification of Culture <i>Ionesov V.I.</i>	89
«Friends and Strangers» in Creative Workshop Kira Kovalenko <i>Orishchenko S.S.</i>	99
Public Sculpture as a Factor in Shaping Aesthetic Experience and Urban Identity <i>Pleskachevskaya A.P.</i>	105
Philosophical and Cultural Analysis of Theatrical Interpretation <i>Titova V.N.</i>	111

УДК 378.147 (Методы обучения. Формы преподавания)

**ЛЕТНЯЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
КАК ФОРМА ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ**

© 2025 Е.В. Абрамовских, М.А. Смоленская

*Абрамовских Елена Валерьевна, профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения*

E-mail: abramovskih@pgsga.ru

*Смоленская Мария Александровна, аспирант, ассистент кафедры литературы, журнали-
стики и методики обучения*

E-mail: ilcheva.mariya@psga.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 15.01.2025

В статье описан опыт проведения летних филологических школ для старшеклассников на базе Самарского государственного социально-педагогического университета. Определены цель реализации программы (духовное, эстетическое и гражданское развитие обучающихся, формирование мотивации к изучению литературы и других видов искусства), задачи, основные стратегии реализации и образовательные результаты. Показаны возможности использования летних школ в профориентации обучающихся. Авторы статьи предлагают оригинальную концепцию каждой смены; тематическое планирование занятий, содержание модулей обучения, формулируют результаты обучения и способы их достижения. Формат летней филологической школы позволяет использовать самые разнообразные методы и технологии обучения для формирования читательской культуры ребенка: лекции и практические занятия, мастер-классы, литературные прогулки и литературные экскурсии, кинолаборатории по написанию сценария, творческие мастерские по созданию авторского текста, тематические квесты. Показано, как интенсивное летнее обучение на площадке вуза влияет на выбор будущей профессии, позволяет выстроить стратегию подготовки к предметным олимпиадам и государственным экзаменам и определиться с тематикой индивидуального научного проекта в школе.

Ключевые слова: летняя школа, профориентационная деятельность, метод проектов, одаренность, культура читателя, интермедийность

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-3-8

EDN: UADEEB

Введение. Сегодня многие школьники заинтересованы в раннем вхождении в профессиональную среду. Ученики среднего подросткового возраста задумываются о выборе профессии и хотят сознательно определиться с будущей специальностью и высшим учебным заведением. Кроме того, многие из них заинтересованы в интеллектуальном проведении летних каникул. Как правило, наиболее мотивированные школьники – в течение года активно участвуют в олимпиадах, научных конференциях различного уровня, посещают клубы по интересам. Однако во время летних каникул такие занятия недоступны. Показать значимость профессии учителя-филолога и обеспечить интеллектуальный летний досуг учащимся может летняя школа.

Летняя школа – площадка, создаваемая университетом для обучающихся среднего и старшего школьного возраста. Формат летней школы позволяет удовлетворить индивидуальные потребности ребенка, создать условия для его самореализации, развития творческих способностей. Как отмечает Н.Я. Паскевич, летняя филологическая школа представляет собой «одну из форм интеллектуально-развивающих мероприятий, призванных обеспечить ребенку дополнительные возможности для духовного, интеллектуального и социального развития, удовлетворения его творческих и образовательных потребностей в каникулярное время» [Паскевич Н.Я., с. 277-278].

История вопроса. В методической литературе опыт проведения подобных школ описан как положительный. Как указывают Т.В. Щурская и И.В. Гогис, «современный этап развития общества и образования заострил проблему работы с высоко мотивированными школьниками, создания условий для

их развития и адекватного использования их способностей» [Щурская Т.В., Гогис И.В., с. 152]. Обеспечить высокоэффективную работу с одаренными детьми позволяют олимпиадное движение и работа летних филологических школ. Подобные школы могут создать условия для формирования «одаренной личности с филологической подготовкой» [Щурская Т.В., Гогис И.В., с. 153], способствовать «адаптации одаренного ребенка в выборе жизненной траектории» [Щурская Т.В., Гогис И.В., с. 153]. Формат летней школы позволяет использовать различные активные и пассивные методы обучения: «лекции, семинары, практические работы (лабораторные практикумы, экспедиции, полевые работы, деловые игры, проектные сессии, рассмотрение кейсов, построение моделей), конференции, круглые столы, дискуссии, тренинги, мастер-классы, мастерские, встречи с представителями местных органов власти, региональных фондов и ассоциаций и т.д.; посещение различных организаций (предприятий, центров, бизнес-инкубаторов и т. д.), индивидуальные и групповые презентации» [Назарова И.Б., с. 59]. Научно-исследовательские статьи описывают опыт организации летних филологических школ на базе общеобразовательных школ и гимназий [Щурская Т.В., Гогис И.В.], центров дополнительного образования детей [Паскевич Н.Я.], института развития образования [Казарина В.В., с. 17]. Описан опыт проведения «Школы юного исследователя» в летнем туристическом лагере с формированием «лингвистического отряда» [Федотова Н.А., с. 222].

Авторы настоящей статьи предпринимают попытку описать опыт работы летней филологической школы с выполнением научно-исследовательского проекта для старшеклассников на филологическом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ).

Результаты исследования. На базе СГСПУ прошли две смены Летних филологических школ: «Чтение как труд и творчество», «Литература и другие виды искусства: интермедиаальный подход».

Целью реализации программы является духовное, эстетическое и гражданское развитие обучающихся, формирование мотивации к изучению литературы и других видов искусства. Педагогическая целесообразность программы состоит в том, что в процессе её реализации обучающиеся овладевают профессиональными знаниями, умениями, навыками, происходит формирование устойчивого интереса к профессиональной деятельности в области филологии, создаются условия для творческого самовыражения личности. Авторы программы исходили из представлений В.Б. Сергеевой и В.И. Тюпы о цели литературного образования, заключающейся «не в изучении определенного набора текстов и не в накоплении литературоведческих знаний, а в формировании культуры художественного восприятия как становления читательской личности» [Сергеева В.Б., Тюпа В.И., с. 78-79].

Специфика дополнительной программы в том, что она адресована обучающимся в возрасте от 15 до 17 лет (ученики 8-10 классов). Вопрос выбора будущей профессии для школьников в этот период становится наиболее актуальным: приходит время выбирать предметы для прохождения аттестации в рамках ОГЭ и ЕГЭ, профиль обучения в старших классах. В этом возрасте ученик выбирает будущую сферу деятельности, а общение с профессиональным сообществом позволит обеспечить интеллектуальное и творческое развитие. Площадка вуза для проведения летних школ становится оптимальной, поскольку школьники не только погружаются в пространство вуза, но и могут познакомиться с историей факультета и кафедры, научными школами, действующими в университете, кафедральными научными изданиями и кругом научных интересов, а также преподавателями, обеспечивающих обучение по специальностям 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профиль: «Русский язык» и «Литература»), 45.04.01 «Филология».

При формировании дополнительной общеразвивающей программы в 2023 г. для проведения смены «Чтение как труд и творчество» было запланировано достижение следующих результатов:

1. Образовательные (предметные): знать основные этапы литературного процесса, термины из области теории литературы, необходимые для анализа текста: родовую и жанровую специфику произведения, средства художественной выразительности текста и их роль в идейном содержании текста; особенности сюжета, фабулы, композиции произведения; пути анализа литературного произведения; основы творческого процесса и особенности литературного творчества; авторская позиция текста и средства ее выражения; уметь выполнять филологический анализ художественного текста;

2. Воспитательные (личностные): воспитывать нравственные ориентиры при обращении к русской литературе; формировать коммуникативную компетенцию благодаря созданию авторского текста.

3. Развивающие (метапредметные): уметь публично представлять результаты творческой деятельности.

В дополнительной общеразвивающей программе, разработанной в 2024 году для проведения смены «Литература и другие виды искусства: интермедиаальный подход», планируемые результаты обучения изменились в связи с расширением содержания программы до разных видов искусства:

1. Образовательные (предметные): знать специфику литературы как вида искусства; определять место литературы в ряду других искусств; понимать сходства и различия в ряду «литература – театр – кино»; знать понятие «экфрасис» и его функции, анализировать интермедиаальные включения в литературный текст, их функции и особенности; выполнять интермедиаальный анализ текста.

2. Воспитательные (личностные): нравственное воспитание учащихся через приобщение к культуре и литературе; формирование коммуникативных навыков; формирование культуры общения и поведения в социуме.

3. Развивающие (метапредметные): владеть навыком смыслового чтения; публично представлять результаты деятельности; владеть навыком ведения научной дискуссии; иметь мотивацию к профессиональной деятельности филолога.

Новизна программы «Чтение как труд и творчество» заключалась в том, что обучающиеся не только узнают пути анализа текста, но и попробуют себя в роли автора-создателя собственного произведения. Вторая программа была направлена на обучение учащихся интермедиаальному подходу к литературе, а также анализу текста. Интермедиаальный анализ текста предполагает изучение в художественном тексте образов других видов искусства. Овладение навыком такого анализа позволяет ученикам выйти на более глубокую интерпретацию художественного произведения.

Программа реализуется в последнюю неделю июня или первую неделю июля, когда девятиклассниками уже сданы обязательные государственные экзамены. Объем программы – 50 часов. Программа реализуется в течение одной недели, с понедельника по субботу. Занятость в будний день – с 10.00 до 17.30. С понедельника по пятницу обучающиеся слушают курс лекций и проходят курс практических занятий, посещают музеи, кинотеатры, выставки в соответствии с расписанием смены. Заключительный день сокращенный, предполагает прохождение промежуточной аттестации в форме защиты итогового проекта. Метод проектов зарекомендовал себя как высокоэффективный на заключительном этапе изучения тематического модуля или в качестве формы итоговой аттестации [Абрамовских Е.В., Смоленская М.А., с. 6].

Обучение в летней филологической школе ведется в малых группах от десяти до двадцати человек. В 2023 г. обучение прошли восемнадцать школьников, в 2024 – тринадцать.

Дополнительная общеразвивающая программа предполагает обучение по нескольким модулям. В рамках смены «Чтение как труд и творчество» состоялось погружение в модули:

Модуль 1. «Литература как вид искусства» с изучением тем «Литература как вид искусства. Литературный процесс. Чтение как труд и творчество. Родовая и жанровая специфика произведения»;

Модуль 2. «Из теории литературы: художественный мир произведения» со следующим тематическим содержанием: «Литературное произведение как художественное целое. Сюжет. Композиция. Конфликт. Художественная деталь. Художественное время и пространство. Понятие хронотопа. Понятие художественного образа. Автор – текст – читатель. Точка зрения. Понятие художественного образа. Герой, персонаж, характер, тип. Способы создания образа героя: портрет, речевая характеристика, интерьер. Понятие психологизма». Самостоятельная работа по модулю предполагает создание авторского текста – рассказа определенной жанровой модификации (психологический, фантастический, авантюрный, готический, мистический, юмористический и др.).

Модуль 3. «Анализ художественного текста: пути, подходы, разработка плана» с углублением в пути анализа текста: «Понятие «анализ» и «интерпретация». Филологический анализ текста. Интерпретация художественного текста. План анализа художественного текста. Сравнительно-сопоставительный анализ. Анализ прозаического и лирического текста. Сущность и особенности анализа текста. Алгоритм анализа текста. Способы выражения авторской позиции в художественном тексте».

Модуль 4. «Из истории литературы XVIII – XX вв.» с погружением в понятия литературного направления, течения.

Модуль 5. «Современная литература: имена, тексты, тенденции» с изучением основных направлений, тем и проблем русской литературы второй половины XX – начала XXI века.

Все обучающиеся справились с программой школы.

Изучение материала выстраивалось с использованием разнообразных методов и технологий: мастер-классы по анализу текста, литературные прогулки с изучением городского пространства исторического центра г. Самары, экскурсия «Литературная Самара». В течение недели слушатели Летней школы посетили два музея – Музей почты и Музей-усадьбу А.Н. Толстого.

Для погружения в проблематику смены была использована технология тематического квеста по мотивам детективного рассказа Артура Конан Дойла «Пестрая лента». Квест состоялся на площадке Струковского сада.

Завершилось обучение в школе представлением итогового проекта – презентацией замысла и идеи текста и прочтением отрывков из своих рассказов. Прозвучали идеи психологических, мистических, детективных, сатирических рассказов, новелл, девичьей повести, университетской прозы, фантастического романа, символистской драмы.

Темой смены в 2024 г. стала проблема взаимодействия литературы и других видов искусства, а также интермедийный анализ текста – «Литература и другие виды искусства: интермедийный подход». Обучение строилось по четырем модулям:

Модуль 1. «Литература и виды искусства» с кругом тем: «Литература как вид искусства. Виды искусств. Литература и живопись. Литература и кино. Литература и театр. Кино и театр».

Модуль 2. «Литература и кино», во время которого происходило погружение в теорию кино и специфику его языка, изучение терминов «кадр, план, монтаж», механизмов взаимодействия литературы и кино: проблема экранизации, подходы к анализу и созданию экранизаций и адаптаций литературных произведений, экранизация как интерпретация, русская классика на экране.

Модуль 3. «История искусств» с изучением искусства как вида деятельности человека, его особенностей, значения искусства в жизни человека.

Модуль 4. «Литература и театр», во время которого школьники изучали особенности театрального искусства и драматургию как род литературы и как основу сценического действия. Отдельное внимание уделялось взаимодействию литературы и театра, в частности, литературной классики на сцене: истории, подходам, интерпретациям.

Формы обучения были также разнообразны: мастер-классы по анализу текста, лекционные и практические занятия по экфрасису и проблеме репрезентации визуального в художественном тексте, творческая лаборатория по созданию авторского киносценария, просмотр кинофильма с параллельным анализом с помощью инструментария теории кино, литературная экскурсия. Помимо занятий в корпусе университета, слушатели школы посетили основные экспозиции Музея Эльдара Рязанова и Музея Модерна. Кроме того, на свежем воздухе в Сквере Рязанова проходило консультирование школьников по итоговым проектам. Традиционным событием в программе школы стал квест в Струковском саду, посвященный проблеме интермедийности.

Завершилось обучение в школе обсуждением итогового проекта по интермедийному анализу текста. Были представлены научные доклады, посвященные гамлетовским реминисценциям в кинофильме «Останься» (2005 г.), экфрасису в повести Н.В. Гоголя «Портрет»; усадебному тексту в русской литературе, анализу сюжета «Ленинградской» симфонии Д. Шостаковича; анализу постановок пьесы «Дачники» М. Горького и романа В. Каверина «Два капитана»; проблеме «перевода» романа в стихах «Евгений Онегина» в оперу П.И. Чайковского. Помимо научных были и творческие выступления: стихотворение, вдохновленное картиной «Рождение Венеры» Боттичелли; песня на стихи собственного сочинения; стихотворение, ставшее основой для рисунка; театральный перформанс по фрагменту из авторской драмы.

Выводы. Итоговые проекты слушателей Летней филологической школы показывают, что ученики успешно осваивают методологию, определяющую тематическую основу смены, а также умело применяют ее на практике. Представленные работы становятся основой для выполнения индивидуального проекта в школе, а творческие выступления развивают креативные способности учащихся и формируют риторическую культуру.

Одним из главных итогов работы Летней филологической школы можно считать формирование читательского клуба для подростков на базе филологического факультета СГСПУ. По итогам работы

первой школы учениками было выдвинуто предложение организовать читательский клуб в течение нового учебного года. На протяжении двух лет школьный клуб продолжает свою работу. На заседаниях клуба ребята не только читают классические тексты русской и зарубежной литературы, но и постигают специфику лирики и драмы как родов литературы, занимаются изучением обзорных тем (зимние тексты русской культуры, детская литература), а также осуществляют подготовку ко Всероссийской олимпиаде школьников.

Литература:

1. Абрамовских, Е. В., Смоленская, М. А. Проектная деятельность в обучении филологическим дисциплинам теоретического цикла // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2024. – № 95. – С. 5-15.
2. Казарина, В. В. Организация психолого-педагогического сопровождения одарённых детей в летних интеллектуальных школах // Педагогический ИМИДЖ. – 2018. – №3 (40). – С. 16-24.
3. Назарова, И. Б. Летние школы университетов: технологии организации // Высшее образование в России. – 2017. – №8-9. – С. 57-63.
4. Паскевич, Н. Я. Формирование читательской активности подростков в условиях летней филологической школы // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – № 13. – С. 277-282.
5. Сергеева, В. Б., Тюпа, В. И. Инновационная технология литературного образования школьников: системно-деятельностный подход // Филологический класс. – 2014. – №1 (35). – С. 78-84.
6. Федотова, Н. А. Развитие исследовательских компетенций старшеклассников в условиях летней школы // Исследователь/Researcher. – 2009. – № 3-4. – С. 222-226.
7. Щурская, Т. В., Гогис, И. В. Организация работы летней школы // Современные подходы к работе с высокомотивированными старшеклассниками : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 27–28 октября 2016 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016. – С. 152-155.

SUMMER PHILOLOGICAL SCHOOL AS A FORM OF CAREER GUIDANCE WORK

© 2025 E.V. Abramovskih, M.A. Smolenskaya
*Elena V. Abramovskih, Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods
E-mail: abramovskih@pgsga.ru
Mariya A. Smolenskaya, Postgraduate Student,
Assistant of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods,
E-mail: ilcheva.mariya@psga.ru
Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia*

The article describes the experience of holding summer philological schools for school students on the basis of Samara State University of Social Sciences and Education. The possibilities of using summer schools in career guidance of students are shown. The authors of the article offer an original concept for each shift: thematic planning of classes, the content of training modules, formulate learning outcomes and ways to achieve them. The format of the summer philological school allows to use the most diverse methods and technologies of education for the formation of reading culture of a child: lectures and practical classes, master classes, literary walks and literary excursions, film laboratories on script creation, creative workshops on author's text creation and thematic quests. It is shown how intensive summer training at the university site allows to build a strategy of preparation for subject olympiads and state examinations, to determine the subject of individual scientific project at school, and also promotes career guidance of students.

Key words: summer school, career guidance, project method, giftedness, reader's culture, intermediality

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-3-8

EDN: UADEEB

References:

1. Abramovskih, E. V., Smolenskaya, M. A. Proektnaja dejatel'nost' v obuchenii filologicheskimi disciplinami teoreticheskogo cikla [Project Activities in Teaching Philological Disciplines of the Theoretical Cycle] // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2024. – №95. – С. 5-15.

2. Kazarina, V. V. Organizacija psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdenija odarjonnyh detej v letnih intellektual'nyh shkolah [Organization of Psychological and Pedagogical Support for Talented Children in Summer Intellectual Schools] // Pedagogicheskij IMIDZh. – 2018. – №3 (40). – S. 16-24.
3. Nazarova, I. B. Letnie shkoly universitetov: tehnologii organizacii [University Summer Schools: Organization Technologies] // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2017. – №8-9. – S. 57-63.
4. Paskevich, N. Ja. Formirovanie chitatel'skoj aktivnosti podrostkov v uslovijah letnej filologicheskoy shkoly [Formation of Reading Activity of Adolescents in the Aonditions of a Summer Philological School] // Psihologija i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primenenija. – 2010. – № 13. – S. 277-282.
5. Sergeeva, V. B., Tjupa, V. I. (2014) Innovacionnaja tehnologija literaturnogo obrazovanija shkol'nikov: sistemno-dejatel'nostnyj podhod (Innovation Technology of Literature Education at School: Active and Sytematical Approach) // Filologicheskij klass. – 2014. – №1 (35). – S. 78-84.
6. Fedotova, N. A. Razvitie issledovatel'skih kompetencij starsheklassnikov v uslovijah letnej shkoly [Development of Research Competencies of High School Students in a Summer School] // Issledovatel'/Researcher. – 2009. – №3-4. – S. 222-226.
7. Shhurskaja, T. V., Gogis, I. V. Organizacija raboty letnej shkoly [Organization of the Summer School] // Sovremennye podhody k rabote s vysokomotivirovannymi starsheklassnikami : Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnojarsk, 27–28 oktjabrja 2016 goda. – Krasnojarsk: Krasnojarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.P. Astaf'eva, 2016. – S. 152-155.

УДК 378.4 (Университеты)

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© 2025 Н.С. Бейлина, Е.Н. Чеканушкина

*Бейлина Наталья Семеновна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент
кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный»*

E-mail: nabelina@yandex.ru

*Чеканушкина Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент
кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный»*

E-mail: elenacheka@mail.ru

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 16.02.2025

Динамичные изменения в мировом пространстве, увеличение заинтересованности иностранных граждан в получении высшего профессионального образования в России обуславливает актуальность формирования профессионального имиджа преподавателя высшей школы. Именно преподаватель вуза формирует у обучающихся из разных стран коммуникативные компетенции, обеспечивающие продуктивное усвоение устной, письменной речи, понимание выразительности текста, адекватное использование в деловом общении. Наиболее эффективной дисциплиной, в рамках изучения которой преподаватель формирует у студентов-инофонов не только коммуникативные, но и социокультурные компетенции, является русский язык как иностранный. В статье проанализировано понятие «имидж преподавателя», рассмотрены уровни его формирования, «референтность преподавателя», которое тесно связано с термином «имидж», а также особенности имиджа преподавателя русского языка как иностранного. Представлены результаты исследования, которые помогают составить актуальный профессиональный портрет преподавателя русского языка как иностранного. Диагностика проводилась с использованием авторского опросника. Результаты показали, что для большинства студентов-иностранцев важны личностные качества преподавателя (чувство юмора, отзывчивость, коммуникабельность, тактичность и др.), а также высокий уровень речевой компетентности. В работе отмечено, что преподавателям необходимо формировать в первую очередь коммуникативный имидж. Авторами проанализированы основные составляющие грамотной речи преподавателя русского языка как иностранного и сделаны выводы о том, что он является проводником иностранных студентов в мир русского языка и культуры посредством реализации современных подходов и технологий.

Ключевые слова: студенты-инофоны, имидж, профессиональный имидж преподавателя, речевой имидж преподавателя русского как иностранного, референтность, качества правильной речи

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-9-16

EDN: VKLCPY

Введение. Одной из значимых педагогических проблем XXI в. является формирование профессионального имиджа современного преподавателя образовательной организации, поскольку он отражает уровень его профессиональной компетентности и культуры.

Глобальные перемены, которые происходят в мире, повлияли на преподавание русского языка как иностранного в учебных группах вузов с иноязычными обучающимися. В России и за рубежом все чаще стали проводиться исследования, посвященные данному вопросу (Н.А. Кокошников, Н.В. Кондрашова, Т.Ф. Сизова [2]; Н.А. Майор, Н.Н. Овчаренко [4]; В.С. Мокрищева [6]; Л.Г. Петрова, К.С. Травкин [8]; В.С. Скрыбина, Ф.М. Монгина, Ю.А. Говорухина [10]). В связи с этим все более остро встает проблема создания эффективного имиджа преподавателя высшей школы.

Современная образовательная система, основывающаяся на тенденциях информатизации, цифровизации и гуманизации процесса обучения, поднимает актуальный вопрос о необходимости обоснования новых требований к личности педагога как активного субъекта деятельности, а также к его профессиональным компетенциям.

История вопроса. В современной науке все чаще стали появляться исследования, посвященные вопросам профессиональной компетентности и значимых личностных качеств преподавателя, которые

начинают формироваться в период обучения в вузе и совершенствуются в дальнейшем непосредственно в педагогической деятельности. Так, А.А. Федоров, Г.А. Папуткова, Е.Ю. Илалтдинова и др. в коллективной монографии «Портрет педагога: основа моделирования образовательных программ» экспонировали модель портрета преподавателя с детальным описанием содержания её структурных элементов, на основе глубокого анализа отечественных образовательных парадигм, профессионально личностных концептов педагогической профессии, зарубежного опыта подготовки, а также представили инновационные решения в проектировании образовательных программ, ориентированных на выпускников-педагогов новой формации.

В научной литературе отсутствует четкое представление о компонентном составе имиджа педагога. Часто акцентируется внимание на внешних данных, психологических характеристиках, стиле поведения и коммуникации.

Имидж педагога, по мнению Т.Н. Пасечкиной, включает в себя следующие компоненты: «профессиональные компетенции, психолого-педагогические и методические знания, личностно-моральные качества, ценностная система, природные способности, владение гибкими стилями коммуникации, владение основами мимической и пантомимической выразительности, в соответствии с педагогической ситуацией и задачей, а также взгляды, убеждения, социально-перцептивные умения» [Пасечкина Т.Н.].

Ученые выделяют два основных уровня создания имиджа:

1. Формирование – на данном уровне изучаются причины, способствующие восприятию собеседника в процессе коммуникации.
2. Реализация – здесь рассматриваются непосредственно индивидуальные компоненты имиджа личности.

Имидж современного педагога должен соответствовать требованиям быстро меняющегося общества. Исследователь теории и практики построения имиджа В.М. Шепель в своих научных трудах выделяет три группы качеств, которые способствуют наиболее эффективному формированию профессионального имиджа.

«Первая группа включает качества, которые автор назвал «умение нравиться другим людям», т. е. характеристики личности, определяющие способность человека выстраивать взаимоотношения в коллективе, проявлять эмпатию к людям.

Вторая группа содержит качества личности, характеризующие её с точки зрения образования и воспитания, т. е. нравственные ценности, психологическое здоровье, стрессоустойчивость, умение бесконфликтно выстраивать взаимоотношения» [Шепель В.М.].

В третью группу качеств входят профессиональные качества, жизненный опыт и интуиция личности.

Для формирования эффективного имиджа педагога необходимо ясно осознавать имиджевые цели педагогической деятельности. Так, исследователи указывают на следующие имиджевые цели педагогической деятельности:

- заинтересованность, концентрация и поддержание внимания обучающихся;
- понятность смысловых конструктов, ясность этимологии категорий, доступность представленной информации;
- формирование доверия и симпатии, значимости как к личности, профессионалу.

В диссертационном исследовании Л.Ю. Донской «Психологические условия формирования имиджа преподавателей высшей школы» показана динамическая модель имиджа преподавателя высшей школы, которая состоит из трёх уровней:

1. «Первый уровень – ядро, содержащее природный компонент – внешний облик преподавателя, психофизиологические, гендерные особенности.

2. Второй уровень – внутренний, состоит из следующих компонентов:

- а) личностный: коммуникативные компетенции, особенности интеллектуальных, волевых, ценностных, лидерских качеств и харизма и др., формирующиеся под влиянием многочисленных факторов;
- б) поведенческий: ситуационная поведенческая реакция педагога, выражение собственной гражданской позиции и др.;
- в) профессиональный: профессиональная компетентность, значимые профессионально-личностные качества, индивидуальный стиль деятельности.

3. Третий уровень – внешний, включает такие компоненты как:

а) визуальный: поза, выраженная жестикуляция, темп речи, эстетически привлекательный внешний вид и др.;

б) аудиальный: тембральные и интонационные особенности голоса, склонность к коммуникациям, требовательность к речи и т. д.;

в) кинестетический: жесты, мимика, взгляд, пантомимика и т. д.);

г) ольфакторный: воздействие на собеседника, создание образа личности, впечатлений и отношений посредством запахов» [Донская Л.Ю., с. 12].

Проведённый теоретический анализ представленной модели имиджа преподавателя вуза [Донская Л.Ю.], выявил, что структурные компоненты её отражают имидж преподавателя русского языка как иностранного (РКИ) в высшей школе.

Обратим внимание, что первый уровень, содержащий «природный» компонент, имеет значимость для преподавателя РКИ, поскольку создаёт при первом знакомстве с обучающимися «эффект ореола», что влияет на формирование начальных впечатлений, представлений, стереотипов, позитивного или негативного имиджа у студентов-иностранцев.

Компоненты второго уровня (внутренние) направлены непосредственно на потребности зарубежных слушателей в освоении ими коммуникативных компетенций, обеспечивающих результативное взаимодействие в межкультурном пространстве образовательной организации, развитие индивидуального стиля общения, благополучную адаптацию, социализацию и мотивацию к дальнейшей профессиональной подготовке.

Структурные компоненты третьего (внешнего) уровня, содержащие динамичные личностные образования, которые могут стать эталоном для обучающихся, ориентированы на создание гармоничной образовательной среды, условий эффективного взаимодействия в процессе обучения иностранных студентов, их личностного роста, а также уважение традиций, имея представления об особенностях национальных культур, придерживаться нейтрального стиля в преподавательской деятельности.

Отметим, исходя из анализа психолого-педагогической литературы: понятие «имидж» тесно связано с понятием «референтность преподавателя».

Референтность, в психолого-педагогической литературе, интерпретируется как качество личности, которое определяется мерой значимости для окружающих людей. Согласно исследованиям учёных на референтность, в первую очередь, оказывает влияние субъективное отношение обучающихся к личности преподавателя. Для части студентов может быть преподаватель референтным, так как испытывают к нему положительные эмоции, а для другой этот же преподаватель не будет референтным потому, что значимы другие профессиональные и личностные качества. Важно понимать, что референтность является неустойчивым качеством личности, в связи с этим может изменяться, исходя из определённых факторов и условий. Осуществлять продуктивно взаимодействие со студентами, реализовывать планируемые задачи референтному преподавателю несложно.

Методы исследования: обзор научной литературы по проблеме профессионального имиджа преподавателей дисциплины «Русский язык как иностранный» высшей школы; анализ сущностных характеристик базовых дефиниций модели имиджа преподавателя вуза; анкетирование студентов дальнего и ближнего зарубежья, с целью выявления значимых для них профессиональных качеств преподавателя дисциплины РКИ в техническом университете; беседа с преподавателями, осуществляющими обучение русскому языку студентов-инофонов на предмет значимости реализации на практике современных подходов.

А.В. Чулкова, опираясь на результаты опросов студентов, выделяет некоторые качества, которые необходимы преподавателю, чтобы быть референтным в глазах студентов:

- способность/готовность использовать современные технологии преподавания;
- способность/готовность доступно и аргументированно излагать учебную информацию.

Исследователь обращает внимание, что «преподавателю русского языка как иностранного важно проявлять заинтересованность в преподавании предмета, владеть педагогической эрудицией, коммуникативными способностями, проявлять доброжелательное и уважительное отношение к обучающимся, уметь создать благоприятный психологический климат в коллективе, обладать чувством юмора, быть ответственным, стремиться к саморазвитию» [А.В. Чулкова].

Безусловно, имидж преподавателя РКИ имеет большое значение для всех студентов-иностранцев, но особенную роль он играет для иностранных студентов подготовительного отделения и первого курса. Преподаватель русского языка как иностранного на подготовительных курсах и/или первом курсе становится одним из важнейших людей в жизни студентов-иностранцев, так как он не только является транслятором знаний по русскому языку и культуре русской речи, но еще и посредником между студентом-иностранцем и новой для него культурой, человеком, готовым прийти на помощь в решении насущных проблем. Важно заметить, что именно преподаватель РКИ является человеком, во многом формирующим отношение студентов к России и их восприятие русской культуры.

Результаты исследования. Авторами проведено анкетирование (авторский опросник) студентов-иностранцев, которое позволило составить образ преподавателя РКИ референтного для данной категории обучающихся. В исследовании приняли участие 66 студентов-иностранцев (1-5 курсы) Самарского государственного технического университета (СамГТУ), обучающиеся на разных факультетах, являющиеся представителями разных стран: Индии, Алжира, Египта, Колумбии, Палестины, Судана, Туркменистана, Китая, Анголы. Возраст 95% респондентов – от 18 до 25 лет.

Большинство студентов-иностранцев (80,5%) считают, что преподаватель должен владеть иностранным языком (языком-посредником, например, английским), хотя данный вопрос достаточно долгое время является дискуссионным.

Исследователи заметили, что те студенты-инофоны, которые изучали дисциплины и общались с преподавателями на английском языке, быстро теряют заинтересованность и мотивацию к изучению русского языка, поэтому преподавателю РКИ необязательно владеть иностранным языком (языком-посредником), а весь учебный процесс должен строиться на русском языке. Ученые, поддерживающие данную точку зрения, полагают, что, проживая в России, студентам-иностранцам необходимо хорошо владеть русским языком, для того чтобы быстро и эффективно адаптироваться в социуме.

Многие известные учёные, напротив, выступают в защиту языка-посредника, так, например, Л.В. Щерба высказал мысль о том, что родной язык можно полностью убрать из общения со студентами и учебного процесса, но это не решит проблему, поскольку их родной язык заложен у них в сознании [Л.В. Щерба, с. 63].

О.Д. Митрофанова, В.Г. Костомаров в своей работе «Методика преподавания русского языка как иностранного» придерживались такой же точки зрения: «Поскольку русский язык при изучении его иностранцами выступает как второй, неродной, а мышление учащихся тесно связано с родным языком, постольку нецелесообразно обходиться без учета родного языка» [Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г., с. 137].

Проанализировав результаты опроса, можно сделать вывод о том, что иностранные студенты отводят особую роль преподавателю РКИ. Для студентов-иностранцев важно, чтобы преподаватель русского языка умел налаживать взаимоотношения в коллективе, выслушивать студентов, помогать в разрешении различных проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты. Говоря о профессиональных качествах педагога, многие студенты делали акцент на речевой составляющей имиджа преподавателя (умение точно и четко выражать мысли, правильно пользоваться интонацией и т. д.), то есть на коммуникативном имидже преподавателя.

Одну из основных составляющих имиджа преподавателя РКИ представляет коммуникативный имидж, под которым понимается «совокупность вербально-невербальных актов, создающих полное представление о языковой личности; долговременную коммуникативную роль человека. Коммуникативный имидж связан с внешним и поведенческим имиджем» [Пасечкина Т.Н.].

Основные требования к устной профессиональной речи преподавателя РКИ обусловлены необходимостью максимально эффективной коммуникации преподавателя со студентами-иностранцами. В.В. Добровольская подчеркивает важность дозирования речи, грамотного подбора техники произнесения речи (темпа, тембра речи), необходимость использования в речи преподавателя однозначных конструкций, уместного и точного использования научных терминов, а также значимость использования на учебных занятиях навыков активного слушания и умения контролировать свои эмоции [Е.Н. Тарасова].

Качества правильной речи, которыми должен владеть преподаватель РКИ, являются следующие: уместность, доступность и выразительность.

Уместность является одним из значимых коммуникативных качеств речи, влияющей на ее эффективность. Уместной считается речь, соответствующая всем компонентам коммуникативной ситуации. В широком смысле уместность является отражением этических и коммуникативных норм, принятых в том или ином коллективе. В связи с этим важно обратить внимание на двусторонность ситуации преподавания русского языка как иностранного: с одной стороны, речь должна быть уместной, с точки зрения русской культуры и системы ценностей, но, с другой стороны, соотноситься с ценностными представлениями иностранных студентов. Если рассматривать уместность речи с данной позиции, то можно утверждать, что только имея высокий уровень сформированности межкультурной компетенции, можно свободно владеть этим качеством речи.

Процесс педагогической коммуникации предполагает постоянную оценку преподавателем уровня уместности выбранного им того или иного компонента коммуникации, особое внимание уделяется выбору уместного речевого жанра.

С требованием уместности непосредственно связано еще одно важное качество речи – доступность.

Доступность речи заключается в том, что уровень сложности построения речевой композиции должен в полной мере соответствовать уровню понимания студентов-инофонов. Достаточно часто в учебном процессе педагоги не соблюдают принцип доступности или совершают ошибки в применении данного принципа, что объясняется рядом причин: недостаточное знание языка, на котором происходит общение, или непонимание предмета речи; различие в понимании научной терминологии собеседниками; возрастные и психологические факторы, отрицательно влияющие на взаимодействие с преподавателем РКИ; проблемы, с которыми сталкиваются студенты в процессе межкультурного общения и др. Для того чтобы речь преподавателя РКИ была доступной, необходимо использовать часто употребляемые слова, опираясь на языковой опыт и практику иностранных обучающихся, оперировать наиболее понятными синонимами, различными фигурами речи, а также наиболее простыми грамматическими формами.

Следующим немаловажным требованием к устной речи преподавателя РКИ является выразительность.

«Выразительной называется такая речь, в которой выражение своего отношения к предмету и/или форме речи соответствует коммуникативной ситуации, а речь в целом оценивается как удачная и эффективная» [Тарасова Е.Н.].

К средствам выразительности устной речи относят исполнительские, лексические, синтаксические единицы, тропы, различные техники и приёмы, направленные на привлечение внимания собеседника. Выразительность обусловлена оригинальностью стиля речи, импровизацией преподавателя русского языка как иностранного. Использование выразительных средств в речи должно соответствовать ситуации общения.

Основой профессионально-коммуникативной компетентности преподавателя РКИ является правильность речи. Правильность речи позволяет понять принадлежность человека к национальной культуре.

Исследователи выделяют несколько уровней правильности речи по уровню сложности.

Наиболее сложный, но самый важный для иностранных студентов уровень – это орфоэпический уровень, связанный с произношением речи.

Следующим уровнем является грамматическая правильность, которая заключается в соблюдении правил выбора форм слов и форм связи слов в словосочетании и предложении, а также знании синтаксических норм русского языка.

Важно, чтобы речь преподавателя РКИ была чистой, то есть необходимо избегать слова, не относящиеся к русскому литературному языку: варваризмы, жаргонизмы, слова-паразиты, просторечия и т. д.

Существенным требованием к речи преподавателя РКИ можно отнести богатство речи, которое является примером для студентов-инофонов.

В прагматическом аспекте богатая речь способствует повышению статуса преподавателя. С точки зрения коммуникации, богатая речь является инструментом повышения эффективности в общении, поскольку разнообразие речи позволяет подобрать уместные, наиболее подходящие средства передачи необходимой информации (тропы и фигуры речи).

Студенты-инофоны не всегда способны полностью оценить все особенности языкового стиля конкретного преподавателя или используемые им выразительные средства, поэтому важно, чтобы

богатство речи определялось целесообразностью. В данном контексте необходимо учитывать еще одно требование к речи преподавателя РКИ: точность.

Точной считается речь, если значение высказывания в полной мере соответствует смыслу и предмету речи.

С помощью точности речи люди не только понимают общий контекст речи, а достигают понимания языковой сути рассматриваемого явления или предмета и т. д.

Для достижения точности речи преподавателю необходимо грамотно отбирать языковые средства, а также понимать коммуникативную цель и структуру фразы.

Б.Н. Головин «выделил два основных вида речевой точности: точность понятийная (терминологическая) и точность предметная (фактическая точность)» [Головин Б.Н.].

Понятийная и терминологическая точность является одним из главных требований к речи преподавателя РКИ, так как речь, которую произносит педагог, является обучающей: благодаря речи педагога студенты обогащаются знаниями, поэтому речь должна содержать точные термины и научные факты.

Речь преподавателя РКИ должна быть также логичной. В процессе взаимодействия со студентами-инофонами преподавателю следует быть готовым к тому, чтобы некоторой части студентов дополнительно объяснить непонятную русскую логику – как предметную, так и понятийную – а также обосновать высказанную мысль, тезис.

Важной составляющей профессиональной компетентности преподавателя русского языка как иностранного является соблюдение совокупности этических и этикетных норм в процессе общения со студентами-иностранцами: умение корректно эксплицировать особенности национальных различий, традиций, своеобразие невербального общения, специфику речевого поведения, что позволит обучающимся осознанно освоить данные нормы, правила и использовать их адекватно сложившейся ситуации.

Выводы. Таким образом, для студентов-инофонов в первую очередь важен речевой имидж преподавателя русского языка как иностранного, который с помощью правильной, эмоционально насыщенной, богатой речи сможет создать атмосферу доверия и открытости для обучающихся, что будет содействовать положительной адаптации к условиям профессиональной подготовки в России. Кроме того, речевой имидж преподавателя является образцом для студентов-инофонов, которые стремятся научиться правильному произношению слов и точному формулированию мыслей на русском языке.

Литература:

1. Головин, Б. Н. Основы культуры речи. – URL: https://imwerden.de/pdf/golovin_boris_osnovy_kultury_rechi_1980_ocr.pdf (дата обращения: 06.01.2025).
2. Донская, Л. Ю. Психологические условия формирования имиджа преподавателей высшей школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. Ю. Донская. – Ставрополь, 2004. – 22 с.
3. Кокошников, Н. А. Роль преподавателя РКИ в процессе адаптации иностранных студентов [Текст] / Н.А. Кокошников, Н. В. Кондрашова, Т. Ф. Сизова // Научное мнение. – 2022. – № 1-2. – С. 120-125.
4. Майор, Н. А. Особенности работы с иностранными студентами на подготовительном факультете / Н. А. Майор, Н. Н. Овчаренко // Велес. – 2020. – № 4-2 (82). – С. 82-91.
5. Митрофанова, О. Д. Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 268 с.
6. Мокрищева, В. С. Роль эмоционального интеллекта преподавателя в процессе обучения китайских слушателей русскому языку / В. С. Мокрищева // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-4. – С. 225-228.
7. Пасечкина, Т. Н. Коммуникативный имидж педагога в контексте виртуальной коммуникации. – URL: <https://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Pasechkina.pdf> (дата обращения: 08.01.2025)
8. Петрова, Л. Г. Речевой этикет как важная составляющая в коммуникации между преподавателями РКИ и студентами иностранцами / Л. Г. Петрова, К. С. Травкин // МедиаВектор. – 2023. – № 9. – С. 122-126.
9. Портрет педагога. Основа моделирования образовательных программ: монография / А. А. Федоров, Г. А. Папуткова, Е. Ю. Илалтдинова и [др.]; под ред. А. А. Федорова; Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина". – Нижний Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2017. – 200 с.
10. Скрыбина, В. С. Компетенции преподавателя РКИ: новые требования поликультурной образовательной среды / В. С. Скрыбина, Ф. М. Монгина, Ю. А. Говорухина // Нижегородское образование. – 2021. – № 3. – С. 72-77.

11. Трасова, Е. Н. Устная речь преподавателя русского как иностранного – определяющий компонент личностно-ориентированной технологии обучения русскому языку учащихся-инофонов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnaya-rech-prepodavatelya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-opredelyayuschiy-komponent-lichnostno-orientirovannoy-tehnologii> (дата обращения: 18.01.2025).
12. Чулкова, А. В. Личностная референтность преподавателя как средство целостного педагогического процесса в вузе. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnaya-referentnost-prepodavatelya-kak-sredstvo-tselostnogo-pedagogicheskogo-protsessa-v-vuze> (дата обращения: 21.01.2025).
13. Шепель, В. М. Имиджелогия. Как нравиться людям. – URL: <https://textarchive.ru/c-1417508-pall.html> (дата обращения 10.01.2025).
14. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / Л. В. Щерба. – М.: Высшая школа, 1974. – 112 с.

THE PROBLEM OF FORMING A PROFESSIONAL IMAGE OF A HIGHER EDUCATION TEACHER

© 2025 N.S. Beylina, E.N. Chekanushkina

*Natalya S. Beylina, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language
E-mail: nabelina@yandex.ru*

*Elena N. Chekanushkina, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language
E-mail: elenacheka@mail.ru*

Samara State Technical University
Samara, Russia

Dynamic changes in the global space, increasing interest of foreign citizens in obtaining higher professional education in Russia determine the relevance of forming a professional image of a higher education teacher. It is the university teacher who forms communicative competencies in students from different countries, ensuring productive acquisition of oral and written speech, understanding of the expressiveness of the text, adequate use in business communication. The most effective discipline, within the framework of which the teacher forms not only communicative, but also socio-cultural competencies in foreign students, is Russian as a foreign language. The article analyzes the concept of "teacher image", considers the levels of its formation, "teacher reference", which is closely related to the term "image", as well as the features of the image of a teacher of Russian as a foreign language. The results of the study are presented, which help to create an up-to-date professional portrait of a teacher of Russian as a foreign language. Diagnostics was carried out using the author's questionnaire. The results showed that for most foreign students, the personal qualities of the teacher (sense of humor, responsiveness, sociability, tact, etc.) are important, as well as a high level of speech competence. The work notes that teachers need to form, first of all, a communicative image. The authors analyzed the main components of competent speech of a teacher of Russian as a foreign language and concluded that he is a guide for foreign students into the world of Russian language and culture through the implementation of modern approaches and technologies.

Keywords: foreign students, image, professional image of a teacher, speech image of a teacher of Russian as a foreign language, referentiality, qualities of correct speech

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-9-16

EDN: VKLCPY

References:

1. Golovin, B. N. Osnovy kul'tury` rechi (Fundamentals of speech culture). – URL: https://imwerden.de/pdf/golovin_boris_osnovy_kultury_rechi_1980_ocr.pdf (data obrashheniya: 06.01.2025).
2. Donskaya, L. Yu. Psixologicheskie usloviya formirovaniya imidzha prepodavatelej vysshey shkoly (Psychological conditions for the formation of the image of higher school teachers): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / L. Yu. Donskaya. – Stavropol', 2004. – 22 s.
3. Kokoshnikova, N. A. Rol` prepodavatelya RKI v processe adaptacii inostrannykh studentov (The role of the teacher of Russian as a foreign language in the process of adaptation of foreign students) / N.A. Ko-koshnikov, N. V. Kondrashova, T. F. Sizova // Nauchnoe mnenie. – 2022. – № 1-2. – S. 120-125.
4. Major, N. A. Osobennosti raboty s inostrannymi studentami na podgotovitel'nom fakul'tete (Peculiarities of working with foreign students at the preparatory faculty) / N. A. Major, N. N. Ovcharenko // Veles. – 2020. – № 4-2 (82). – S. 82-91.

5. Mitrofanova, O. D. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo (Methods of teaching Russian as a foreign language) / O. D. Mitrofanova, V. G. Kosto-marov. – M.: Russkij yazyk, 1990. – 268 s.
6. Mokrishheva, V. S. Rol' emocional'nogo intellekta prepodavatelya v processe obucheniya kitajskix slushatelej russkomu yazyku (The role of teacher's emotional intelligence in teaching russian language to chinese students) / V. S. Mokrishheva // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2022. – № 76-4. – S. 225-228.
7. Pasechkina, T. N. Kommunikativnyy imidzh pedagoga v kontekste virtual'noj kommunikacii (Communicative image of a teacher in the context of virtual communication). – <https://naukavestnik.ru/doc/2020/07/Pasechkina.pdf> (data obrashheniya: 08.01.2025).
8. Petrova, L. G. Rechevoy etiket kak vazhnaya sostavlyayushhaya v kommunikatsiyakh mezhdu prepodavatelyami RKI i studentami inostrancami (Speech etiquette as an important component in communication between teachers of Russian as a foreign language and foreign students) / L. G. Petrova, K. S. Travkin // MediaVektor. – 2023. – № 9. – S. 122-126.
9. Portret pedagoga. Osnova modelirovaniya obrazovatel'nyx program (Portrait of a teacher. The basis for modeling educational programs): monografiya / A. A. Fedorov, G. A. Paputkova, E. Yu. Ilaltdinova i [dr.]; pod red. A. A. Fedorova; Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoy Federacii, FGBOU VO "Nizhegorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet im. Koz'my Minina". – Nizhny Novgorod: Izd-vo NGPU im. K. Minina, 2017. – 200 s.
10. Skryabina, V. S. Kompetencii prepodavatelya RKI: novye trebovaniya polikul'turnoy obrazovatel'noy sredy (Competencies of a teacher of Russian as a foreign language: new requirements of a multicultural educational environment) / V. S. Skryabina, F. M. Mongina, Yu. A. Govoruxina // Nizhegorodskoe obrazovanie. – 2021. – № 3. – S. 72-77.
11. Trasova, E. N. Ustnaya rech' prepodavatelya russkogo kak inostrannogo – opredelyayushhiy komponent lichnostno-orientirovannoy tekhnologii obucheniya russkomu yazyku uchashtsya-inofonov (Oral speech of a teacher of Russian as a foreign language is a defining component of the personality-oriented technology of teaching Russian to foreign students). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnaya-rech-prepodavatelya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-opredelyayushchiy-komponent-lichnostno-orientirovannoy-tehnologii> (data obrashheniya: 18.01.2025).
12. Chulkova, A. V. Lichnostnaya referentnost' prepodavatelya kak sredstvo celostnogo pedagogicheskogo processa v vuze (Personal reference of a teacher as a means of a holistic pedagogical process in a university). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnaya-referentnost-prepodavatelya-kak-sredstvo-tselostnogo-pedagogicheskogo-protsessa-v-vuze> (data obrashheniya: 21.01.2025).
13. Shepel', V. M. Imidzhelogiya. Kak nravit'sya lyudyam (Imageology. How to please people). – URL: <https://textarchive.ru/c-1417508-pall.html> (data obrashheniya: 10.01.2025).
14. Shherba, L. V. Prepodavanie inostrannykh yazykov v sredney shkole. Obshchiye voprosy metodiki (Teaching foreign languages in secondary school. General methodological Issues) / L. V. Shherba. – M.: Vysshaya shkola, 1974. – 112 s.

УДК 378.147.88 (Лабораторные работы. Самостоятельные исследования.
Практика вне учебного заведения)

СПОСОБЫ МОТИВАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© 2025 Т.А. Бенгина, Л.В. Лиманова

*Бенгина Татьяна Алексеевна, кандидат технических наук,
доцент кафедры «Высшая математика»*

E-mail: bengina1@mail.ru

*Лиманова Лариса Владимировна, доцент, кандидат технических наук,
доцент кафедры «Высшая математика»*

E-mail: llv-1@mail.ru

Самарский государственный технический университет
Россия, г. Самара

Статья поступила в редакцию 07.02.2025

Современные тенденции в развитии образования нацелены на формирование гармоничной личности, всесторонне эрудированной, способной к самообразованию. Огромный информационный поток предполагает умение обучающегося выделить главное, провести анализ, структурировать, обобщить входящую информацию и сделать верные выводы. В настоящее время педагогика располагает достаточным запасом образовательных технологий, но именно проектная деятельность позволяет решать большое количество разносторонних задач. Основная идея проектов – самостоятельная поисковая, исследовательская, проблемная, творческая деятельность учащихся. Для успешной реализации такой работы необходимо активное привлечение школьников и студентов в проектную деятельность, поэтому так важна мотивационная составляющая этого процесса. Создание благоприятных условий, соблюдение определенных факторов и причинных связей послужат хорошей мотивацией для планирования и реализации проекта. В данной статье приведены этапы выполнения проектов, рассмотрены виды проектной работы, проанализированы способы мотивации обучающихся для участия в такой деятельности. Обобщением результатов проведенного исследования по тематике проектной деятельности является их практическая реализация и успешное выполнение многих проектов, отмеченных различными наградами, итоги проектной работы опубликованы в международных журналах и сборниках трудов конференций.

Ключевые слова: мотивация, проектная деятельность, процесс обучения, классификация проектов, способы мотивации

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-17-22

EDN: YFTNST

Введение. Образовательные стандарты последнего поколения ставят перед преподавателем задачу по формированию у обучающихся мотивации к творческому обучению, а также умения постоянно совершенствовать свои знания и хорошо ориентироваться в информационном пространстве. Среди множества образовательных технологий можно выделить компетентно-ориентированное направление, способствующее формированию определенных компетенций, развитию творческих способностей и навыков самостоятельной работы. Проектная деятельность обучающихся является составляющей такого направления и подразумевает не только получение новых знаний, но и развитие исследовательских умений, самореализацию, осмысление практической значимости полученных результатов, формирование информационной культуры [Головенко А.Г., с. 150].

Методы исследования. Объектом данного исследования является проектная деятельность обучающихся. Анализ большого количества методических разработок и учебной литературы по данной тематике, а также педагогические эксперименты в процессе обучения и обобщение опыта преподавания в школе и ВУЗе позволили получить определенные выводы об организации проектной деятельности и способах формирования мотивации обучающихся для привлечения к такому роду деятельности, и выработать рекомендации для практического использования.

История вопроса. Несмотря на то что впервые идея использования проектов в обучении появилась в начале XX в. в трудах Дж. Дьюи, У. Килпатрика, Е. Пархерст, Э. Коллингса и многих других, до сих пор метод проектов является одним из важных способов активизации образовательного процесса.

Более того, в настоящее время актуальность данной методологии становится все более очевидна. Необходимы систематизация и обобщение опыта вовлечения обучающихся в проектную деятельность, анализ способов мотивации исследователей [Абросимова С.А., с. 54].

Основными задачами данной работы являются:

1. Проанализировать виды проектной деятельности.
2. Рассмотреть способы формирования мотивации проектной деятельности, сформулировать рекомендации по их использованию.

В современном мире необходимо постоянно совершенствовать свои знания и умения, роль самообразования возрастает, увеличивается информационный поток, открываются возможности для личностно ориентированного обучения [Бенгина Т.А., с. 28 б]. Поэтому как никогда становится важна роль педагога в привлечении различных педагогических технологий, в умении организовать образовательный процесс, направить учебно-познавательную деятельность обучающихся для получения результата при решении различных теоретических и практических задач [Атутов П.Р., с. 71, Бекренев А.Н., с. 119, Бенгина Т.А., с. 28 в, Бондаревская Е.В., с. 15, Буряк В.К., с. 71].

Результаты исследования. Проектная деятельность – это специально организованный процесс, когда под руководством преподавателя обучающимся выполняется определенное исследование по выбранной тематике. Реализация проекта включает несколько этапов: поиск и анализ проблем проектной деятельности, постановка задачи исследования, принятие, уточнение и конкретизация цели и задач проекта, обзор литературы по выбранной теме, формулировка основной рабочей гипотезы исследования, составление плана работы, теоретическая часть исследования, практическая часть исследования, выводы и заключения, защита проекта.

В основе классификаций проектов лежат различные критерии: доминирующая деятельность учащегося, монопроект или междисциплинарный, продолжительность. К первой категории относятся:

1. Практико-ориентированный проект. В качестве конечного продукта выступают разработанные рекомендации по использованию результатов исследования.
2. Исследовательский проект. Научное исследование с использованием моделирования, анализа, синтеза и других научных методов.
3. Информационный проект. Статистический анализ данных исследуемого процесса или явления.
4. Творческий проект. Выставка картин, скульптур, театральный спектакль, спортивное соревнование.
5. Ролевой проект. Разработка и реализация какого-либо мероприятия¹.

Монопроекты нацелены на решение, как правило, одной большой задачи, междисциплинарные проекты направлены на установление межпредметных связей, что благотворно сказывается на понимании каких-либо процессов в системе. В зависимости от масштаба поставленной проблемы и перспективы ее развития проекты могут существенно отличаться по продолжительности [Бенгина Т.А., с. 27 в].

Какой бы вид проекта ни был выбран, одно из главных составляющих успеха состоит в создании таких условий работы, когда у обучающегося есть заинтересованность в участии, когда он нацелен на результат. В силу загруженности школьников и студентов по основному профилю учебы, перед преподавателем стоит особая задача создания мотивации для их участия в проекте.

Одним из важных элементов мотивации проектной деятельности является мотивация самого преподавателя. Человек, имеющий огромный кругозор знаний, эрудированный, компетентный в своей области, увлеченный своим предметом, не может не стать примером для студента или ученика. Его желание помочь преодолеть потенциальные трудности, спланировать и организовать время, увлечь интересным анонсом темы помогут обучающемуся определиться с исследованием.

¹ Мотивация обучающегося к выполнению учебного проекта. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/biologiya/library/2021/10/28/motivatsiya-obuchayushchegosya-k-vypolneniyu-uchebnogo-proekta> (дата обращения: 05.03.2025).

Энтузиазм преподавателя поможет вовлечь обучающегося в процесс, но необходимо сохранить интерес к проекту. Поэтому очень важно уже на этапе выбора темы прислушаться к увлечениям и предпочтениям школьников и студентов. Четкий план взаимодействия, конкретно поставленные цели и задачи исследования, слова поддержки в ситуациях оценивания помогут в работе над проектом.

Одним из факторов мотивации обучающегося для участия в проекте является осознание собственной выгоды от этого процесса. Получение и совершенствование знаний, демонстрация результатов, проявление таланта, возможность погрузиться в новую область познания, оттачивание лидерских качеств, получение высоких оценок, материальные призы и многое другое – каждый выбирает что-то свое, что стимулирует его к участию в новом виде деятельности.

Начиная работу над проектом, сформулировав рабочую гипотезу, необходимо понимать предполагаемые результаты. Как правило, готовые проекты участвуют в конкурсах, конференциях и прочих мероприятиях и получают оценку выполненного исследования. Важна конечная оценка результата, это может быть диплом, приз, возможность практической реализации проекта или просто опыт участия в научных, спортивных или творческих мероприятиях. Поэтому привлекая школьников и студентов к проектной деятельности, следует мотивировать их к участию в конкретном конкурсе.

Опыт работы в школе и ВУЗе по выполнению и реализации проектов позволил сформулировать рекомендации по способам мотивации обучающихся для участия в проектной деятельности. Практикуя все изложенное выше, авторам неоднократно приходилось принимать участие в различных конкурсах проектов разного уровня. Авторы статьи являются научными руководителями и научными консультантами научно-образовательной программы «Взлет» конкурсного отбора школьников Самарской области в Губернаторский реестр творчески одаренной молодежи в сфере науки, техники и технологий. Программа реализуется с 2015 г., и каждый год имена школьников, выполнивших проекты под руководством преподавателей кафедры «Высшая математика» Самарского государственного технического университета, вносятся в Губернаторский реестр (фото 1).

В 2024 г. проект учащегося Самарского лицея информационных технологий (научный руководитель Бенгина Т.А.) занял второе место в Менделеевском международном конкурсе для школьников, проводимом Российской Академией Наук.

Фото 1. Дипломы участников конкурсов
(Diplomas of participants of competitions)

В Самарском государственном техническом университете (СамГТУ) уделяется большое внимание проектной деятельности студентов, создана Высшая научная школа, в которой одаренные студенты занимаются углубленным изучением отдельных предметов с профессиональной направленностью, а в качестве отчетной работы на бирже проектов выбирают тему проекта (фото 2). Также в университете ежегодно проводится студенческая научная конференция «Дни науки», в которой обобщаются до-

стижения студентов вузов в области научных исследований по естественным, техническим, гуманитарным и общественным дисциплинам. Эта конференция призвана повышать профессиональный уровень подготовки молодых специалистов. Результаты своих научных работ студенты могут опубликовать в сборниках тезисов и материалов докладов конференции или различных журналах периодической печати [Асцатрян К.Ш., с. 37, Бенгина Т.А. с. 168 а, Галиуллина И.И., с. 8, Лиманова Л.В., с. 111, Судакова С.А., с. 1794, Bengina T.A., с. 722].

Фото 2. Темы проектов СамГТУ на бирже проектов
(Topics of SamSTU projects on the project exchange)

Проекты университета					
Создать проект университета					
Показаны записи 1-20 из 75.					
#	Наименование проекта	Заинтересованные кафедры	Статус проекта	Тип проекта	Мой проект
1	Элементы линейного программирования при решении практических задач и их экономический анализ		Действующий	Высшая научная школа	
2	Математическая модель сети общественного транспорта		Действующий	Высшая научная школа	
3	Применение линейной алгебры в практико-ориентированных задачах строительного профиля		Действующий	Высшая научная школа	
4	Методы математического моделирования при бурении скважин	ММ	Действующий	Высшая научная школа	
5	Оптимизация выбора варианта обустройства месторождения в соответствии с технологическими и экономическими показателями	ММ	Действующий	Высшая научная школа	
6	Применение дифференциальных уравнений в популяционной экологии		Действующий	Высшая научная школа	
7	Теплотехнический расчет здания		Действующий	Высшая научная школа	
8	Практическое применение интегральных исчислений в		Действующий	Высшая научная школа	

Выводы. Обобщая результаты исследования по вопросу мотивации проектной деятельности, а также опираясь на опыт работы с различными категориями обучающихся, можно выделить несколько принципиально значимых способов активации подобной работы:

- мотивация преподавателя (желание делиться опытом, знаниями, повышение статуса, материальная заинтересованность);
- выбор темы исследования исходя из личных предпочтений, увлечений и особенностей обучающегося;
- четкий план взаимодействия руководителя и исполнителя, с подробной формулировкой целей и задач исследования;
- определение пользы, выгоды для обучающегося от участия в проекте (получение новых знаний, расширение кругозора, демонстрация компетентности, таланта, бонусные баллы, статус, награды);
- конечная оценка результата, его практическая значимость, ориентация на презентацию проекта в конкретном конкурсе, соревновании.

Вопрос мотивации проектной деятельности обучающихся не теряет своей важности, вовлечение нового поколения школьников и студентов в научную деятельность, расширение горизонтов новых знаний обеспечивает в будущем выстраивание стратегии жизни, формирует умение самостоятельно конструировать свои знания, креативно мыслить, свободно ориентироваться в информационном пространстве.

Литература:

1. Абросимова, С. А. Историографический обзор проектной деятельности в педагогическом образовании России / С.А. Абросимова, Н.В. Рыжкова // Педагогический журнал. – 2021. – Т. 11. – № 5А. – С. 53-61.
2. Асцатрян, К. Ш. Моделирование процесса биодegradации нефтеотходов / К.Ш. Асцатрян, Л.Ш. Асцатрян // Международный журнал «Символ науки». – 2024. – Вып. 12-2-1. – С. 35-39.
3. Атутов, П. Р. Политехническая подготовка учащихся в условиях непрерывного образования. – М., 1990. – 84 с.

4. Бекренев, А. Н. Интегрированная система многоуровневого высшего технического образования / А.Н. Бекренев, В.Н. Михелькевич // Высшее образование в России. – 1995. – №2. – С. 111-121.
5. Бенгина, Т. А. Генерация простых чисел / Т.А. Бенгина, М.А. Чеховских // Математика и математическое моделирование. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2023. – С. 163-169.
6. Бенгина, Т. А. Методическое обеспечение самостоятельной работы студентов / Т.А. Бенгина, Л.В. Лиманова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 87. – С. 27-33.
7. Бенгина, Т. А. Профессиональная направленность курса математики в техническом вузе / Т.А. Бенгина, Л.В. Лиманова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2024. – Т. 26. – № 2(95). – С. 24-30.
8. Бондаревская, Е. В. Гуманистическая парадигма личностно-ориентированного образования / Е.В. Бондаревская // Педагогика. – 2009. – №12. – С. 12-16.
9. Буряк, В. К. Активность и самостоятельность учащихся в познавательной деятельности / В.К.Буряк // Педагогика. – 2012. – № 8. – С. 71-78.
10. Галиуллина, И. И. Математические модели рискованных ситуаций при проектировании трубопроводов / И.И. Галиуллина // Международный научный журнал «Символ науки». – 2023. – Вып. 11-2-1. – С. 8-11.
11. Головенко, А. Г. Обучение решению творческих задач в профессиональной подготовке инженера. Дисс. канд. пед. наук. – М., 1993. – 192 с.
12. Лиманова, Л. В. Анализ использования математических методов решения расчетных химических задач / Л.В. Лиманова, Г.О. Голиков, Е.А. Моисеенко // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Гуманитарные и социальные науки, образование. Актуальные проблемы экологии и охраны окружающей среды. В 3-х томах. Том 2. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2021. – С. 111-113.
13. Судакова, С. А. Исследование надежности педагогического теста «Операционное исчисление» / С.А. Судакова, Л.В. Лиманова // Научный электронный журнал «Инновации. Наука. Образование». – Тольятти, 2021. – № 46 (ноябрь). – С. 1794-1800.
14. Bengina, T. A. Formation Of Skills Of Research Activity Among Junior Students / T.A. Bengina, L.V. Limanova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. V. 119, International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021), 21-23 October, 2021. – Article 89. – P. 722-727.

WAYS TO MOTIVATE STUDENTS' PROJECT ACTIVITIES

© 2025 T.A. Bengina, L.V. Limanova

*Tatyana A. Bengina, Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics
E-mail: bengina1@mail.ru*

*Larisa V. Limanova, Associate Professor, Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics
E-mail: lv-1@mail.ru*

**Samara State Technical University
Russia, Samara**

Modern trends in the development of education are aimed at forming a harmonious personality, comprehensively erudite, capable of self-education. A huge information flow presupposes the ability of a student to highlight the main thing, analyze, structure, summarize incoming information and make correct conclusions. Currently, pedagogy has a sufficient stock of educational technologies, but it is project activities that allow solving a large number of diverse tasks. The main idea of projects is independent search, research, problem-solving, creative activities of students. For the successful implementation of such work, it is necessary to actively involve schoolchildren and students in project activities, therefore the motivational component of this process is so important. Creating favorable conditions, observing certain factors and causal relationships will serve as a good motivation for planning and implementing a project. This article provides stages of project implementation, considers types of project work, analyzes ways of motivating students to participate in such activities. The results of the conducted research on the topic of project activities are summarized in their practical implementation and successful completion of many projects, which have received various awards; the results of the project work have been published in international journals and conference proceedings.

Keywords: motivation, project activities, learning process, project classification, motivation methods

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-17-22

EDN: YFTNST

References:

1. Abrosimova, S. A. Istoriograficheskiy obzor proyektnoy deyatel'nosti v pedagogicheskom obrazovanii Rossii (Historiographic review of project activities in pedagogical education in Russia) / S.A. Abrosimova, N.V. Ryzhkova // *Pedagogicheskiy zhurnal*. – 2021. – T. 11. – № 5A. – S. 53-61.
2. Astsatryan, K. SH. Modelirovaniye protsessa biodegradatsii nefteotkhodov (Modeling the process of biodegradation of oil waste) / K.SH. Astsatryan, L.SH. Astsatryan // *Mezhdunarodnyy zhurnal «Simvol nauki»*. – 2024. – Vyp. 12-2-1. – S. 35-39.
3. Atutov, P. R. Politekhnikeskaya podgotovka uchashchikhsia v usloviakh nepreryvnogo obrazovaniia (Polytechnic training of students in the context of continuous education) / P.R. Atutov. – M., 1990. – 84 s.
4. Bekrenev, A. N. Integrirovannaya sistema mnogourovnevnogo vysshego tekhnicheskogo obrazovaniia (Integrated system of multi-level higher technical education) / A.N. Bekrenev, V.N. Mikhel'kevich // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. – 1995. – № 2. – S. 111-121.
5. Bengina, T. A. Generatsiya prostykh chisel (Generation of prime numbers) / T.A. Bengina, M.A. Chehovskih // *Matematika i matematicheskoe modelirovanie*. – Samara: Samar. gos. tehn. un-t, 2023. – S. 163-169.
6. Bengina, T. A. Metodicheskoe obespechenie samostoiatel'noi raboty studentov (Methodological support of independent work of students) / T.A. Bengina, L.V. Limanova // *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. – 2022. – T. 24. – № 87. – S. 27-33.
7. Bengina, T. A. Professional'naya napravlenost' kursa matematiki v tekhnicheskoy vuz (Professional orientation of mathematics course in technical university) / T.A. Bengina, L.V. Limanova // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. – 2024. – T. 26. – № 2(95). – S. 24-30.
8. Bondarevskaya, Ye. V. Gumanisticheskaya paradigma lichnostno-oriyentirovannogo obrazovaniya (Humanitarian paradigm of personality-oriented education) / Ye.V. Bondarevskaya // *Pedagogika*. – 2009. – №12. – S. 12-16.
9. Buryak, V. K. Aktivnost' i samostoyatel'nost' uchashchikhsya v poznatel'noy deyatel'nosti (Activity and independence of students in cognitive activity) / V.K.Buryak // *Pedagogika*. – 2012. – № 8. – S. 71-78.
10. Galliulina, I. I. Matematicheskie modeli riskovykh situatsii pri proektirovanii truboprovodov (Mathematical models of risk situations in pipeline design) / I.I. Galliulina // *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Simvol nauki»*. – 2023. – Vyp. 11-2-1. – S. 8-11.
11. Golovenko, A. G. Obuchenie resheniiu tvorcheskikh zadach v professional'noi podgotovke inzhenera (Training in solving creative problems in the professional training of an engineer). Diss. kand. ped. nauk. – M., 1993.
12. Limanova, L. V. Analiz ispol'zovaniya matematicheskikh metodov resheniya raschetnykh khimicheskikh zadach (Analysis of the use of mathematical methods for solving computational chemical problems) / L.V. Limanova, G.O. Golikov, Ye.A. Moiseyenko // *Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tatishchevskiy chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki»*. Gumanitarnyye i sotsial'nye nauki, obrazovaniye. Aktual'nye problemy ekologii i okhrany okruzhayushchey sredy. V 3-kh tomakh. Tom 2. – Tol'yatti: Volzhskiy universitet imeni V.N. Tatishcheva, 2021. – S. 111-113.
13. Sudakova, S. A. Issledovanie nadezhnosti pedagogicheskogo testa «Operatsionnoe ischislenie» (Research on the reliability of the pedagogical test "Operational Calculus") / S.A. Sudakova, L.V. Limanova // *Nauchnyi elektronnyi zhurnal «Innovatsii. Nauka. Obrazovanie»*. – Tol'yatti, 2021. – № 46 (noiabr'). – S. 1794-1800.
14. Bengina, T. A. Formation Of Skills Of Research Activity Among Junior Students / T.A. Bengina, L.V. Limanova // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. V. 119, International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021), 21-23 October, 2021. – Article 89. – P. 722-727.

УДК 378.4 (Университеты)

РОЛЬ SOFT SKILLS В РАЗВИТИИ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

© 2025 О.В. Дмитриенко¹, Л.А. Колыванова¹, А.В. Лазарев²

Дмитриенко Олеся Валерьевна, аспирант

E-mail: olesya.dmitrienko.1985@mail.ru

*Колыванова Лариса Александровна, доктор педагогических наук, профессор
кафедры биологии, экологии и методики обучения*

E-mail: larisaleksandr@yandex.ru

Лазарев Анатолий Владимирович, директор

E-mail: anatolii_lazarev@mail.ru

¹Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

²Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Школа № 26»
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 26.01.2025

В современном мире профессиональное образование будущих педагогов переходит на новый уровень, где развитие гибких навыков в процессе обучения в вузе становится важной составляющей их дальнейшей реализации в трудовой деятельности. В статье особое внимание уделяется вопросам внедрения компетенций, таких как soft skills и hard skills, в образовательную деятельность студентов, что способствует их личностному и профессиональному становлению. Авторы рассматривают влияние soft skills на создание благоприятной образовательной среды, эффективное обучение и воспитание подрастающего поколения, а также их роль в развитии конструктивного взаимодействия субъектов образовательного процесса. Подчеркивается значимость гибких навыков, таких как коммуникация, сотрудничество, саморазвитие и ориентация на результат, для успешного взаимодействия между педагогами, обучающимися и родителями, которое особенно важно при построении эффективного образовательного процесса. Приводится анализ исследований, демонстрирующих взаимосвязь между уровнем развития soft skills и качеством взаимодействия в образовательной сфере. Статья обосновывает необходимость формирования soft skills у студентов педагогических вузов как важного условия успешной профессиональной деятельности, направленной на улучшение образовательной среды и участие всех субъектов образовательного процесса в создании комфортной системы взаимодействия.

Ключевые слова: soft skills, hard skills, универсальные компетенции, студенты, профессиональное обучение, вуз, конструктивное взаимодействие

DOI: DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-23-30

EDN: VTJPCG

Введение. Интеграция в профессиональном образовании в последние годы привела к кардинальной трансформации системы высшего профессионального образования. Согласно закону «Об образовании в Российской Федерации», целью высшего профессионального образования является обеспечение «подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогического воспитания»¹, что определяет в дальнейшем стратегию и тактику образовательной деятельности вуза в системе непрерывного многоуровневого образования.

На данный момент, в условиях изменяющегося современного мира, работодатели формируют требования к потенциальным кандидатам на вакантные должности. Как показывает опрос, проведенный

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) – URL: https://nrsa.ru/upload/pages/abitur/bak/Fed_zak_N_273.pdf (дата обращения: 18.01.2025).

Society for Human Resource Management в 2019 г., «три четверти работодателей с большим трудом находят молодых специалистов с гибкими навыками «soft skills», в которых так нуждаются организации» [Wilkie D.]. Именно поэтому вопрос формирования данных навыков особенно актуален на сегодняшний день.

По утверждению президента Российской Федерации В.В. Путина, принимавшего участие в сессии «Молодежь 2030. Образ будущего», «конкурентоспособный специалист – это не тот, кто обладает набором определенных знаний и умений, а тот, кто обладает soft skills, как креативными, так и плановыми, и другими видами мышлений»¹.

XXI в. – век развития гибких технологий, а именно soft skills-компетенций. Перестройка системы общества на новый уровень приводит к тому, что начинающие специалисты обязаны обладать не только «профессиональными навыками» (hard skills), но и «универсальными компетенциями» (soft skills), которые в дальнейшем будут направлены на их личностное развитие в области трудовой деятельности.

История вопроса. Набор навыков, как отмечают не только исследователи (Е.А. Гайдученко, А.В. Марушева [2], В.А. Давидова [3] и др.), но и работодатели, трудоустраивающие выпускников вузов, разделяется на soft skills (мягкие навыки) и hard skills (твердые навыки). При анализе учебно-методической литературы было выявлено, что универсальной трактовки soft skills и hard skills на данный момент не существует. Изучением развития «мягких» и «твердых» навыков в разное время занимались как отечественные (С.В. Мамаева [6], О.В. Сосницкая [7], Д.А. Татаурщикова [8]), так и зарубежные (D. Wilkie [11]) ученые, которые по-разному трактовали данное понятие. Это объясняется тем, что у каждого ученого существует своя область исследования проблемы, и именно с этой точки зрения каждый из них дает такое определение, которое им ближе (табл. 1).

Таб. 1. Контент-анализ трактовок «soft skills» и «hard skills»
(Content analysis of interpretations of «soft skills» and «hard skills»)

Авторы	Трактовка soft skills	Трактовка hard skills
Е.А. Гайдученко, А.В. Марушева	Понятие «soft skills» связано с тем, «каким образом люди взаимодействуют между собой, эти навыки в равной степени необходимы как для повседневной жизни, так и для профессиональной деятельности».	
В.А. Давидова	Soft skills (мягкие навыки) рассматриваются как «приобретенные навыки, которые получил будущий специалист через дополнительное образование и свой жизненный опыт с целью дальнейшего развития в профессиональной деятельности».	Hard skills – это «навыки, связанные непосредственно с ремеслом и той деятельностью, которой занимается человек».
С.В. Мамаева	Soft skills – это «личностные качества, которые обеспечивают самостоятельность принятия решений и управление».	
О.В. Сосницкая	Soft skills – это «коммуникативные и управленческие таланты человека, к которым относятся: умение убеждать, лидировать, управлять, делать презентации, находить нужный подход к людям, способность разрешать конфликтные ситуации, ораторское искусство - в общем, те качества и навыки, которые можно было бы назвать общечеловеческими, а не те, который присущи людям определенной профессии».	

¹ Выступление В.В. Путина на сессии «Молодежь – 2030. Образ будущего», прошедшей в рамках XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55890> (дата обращения: 20.01.2025).

Д.А. Татаурщикова	Soft skills (мягкие навыки) – это «унифицированные навыки и личные качества, которые повышают эффективность работы и взаимодействия с другими людьми. К этим навыкам относятся: управление личным развитием, умение оказать первую помощь, умение грамотно управлять своим временем, умение убеждать, навык ведения переговоров, лидерство и т.д.».	Hard skills – это «навыки, связанные с техникой исполнения, которые можно наглядно продемонстрировать».
В.И. Шипилов	Soft skills – это «социально-психологические навыки: коммуникативные, лидерские, командные, публичные и др., которые могут пригодиться в большинстве жизненных ситуаций, связаны с тем, каким образом люди взаимодействуют между собой».	

Таким образом, контент-анализ трактовок «soft skills» и «hard skills» показал, что soft skills или мягкие навыки – это умение выстраивать рабочие процессы, оценивать свои возможности и работать в команде, а hard skills или жесткие навыки – это профессиональные и технические умения.

Стоит отметить, что данные аспекты взаимосвязаны: специалист может быть организованным и ответственным, но если он не обладает специальными техническими навыками, то не сможет полностью реализоваться как высококвалифицированный. Это подтверждают статистические данные, приведенные Ч.Р. Манном и опубликованные в 1918 г. Фондом Карнеги, которые показывают, что 75% успеха на работе достигается благодаря хорошо развитым мягким навыкам, и только 25% успеха обусловлено техническими (жесткими) навыками и знаниями [Клаус П., с. 1-9]. Итак, почти на протяжении 100 лет мягкие навыки специалиста имеют решающее значение для развития его успеха. И.В. Канардов [Канардов И.В.] приводит свою сравнительную характеристику soft skills и hard skills (табл. 2).

Таб. 2. Сравнительные характеристики soft skills и hard skills
(Comparative characteristics of soft skills and hard skills)

Компетентность	Компетенции
Экспертиза	Ценности
Технические знания/квалификация	Релевантный действиям поведенческий паттерн
Критичны в краткосрочной перспективе	Критичны в долгосрочной перспективе
Развитие происходит быстрее	Развитие происходит медленнее
С меньшим усилием и гарантированным результатом (при соблюдении базовых критериев: мотивации и др.)	С большим усилием, достижение требуемого уровня не гарантировано («предел» компетенций, глубокая интеграция в структуре личности)
	В специфических условиях подвержены обратному развитию

По мнению С.Н. Бацунова, «hard skills – это способности, благодаря которым возможно решение задач техническими навыками, демонстрируемыми наглядно, а soft skills – это качества, описывающие готовность специалистов к труду в любой ситуации, произошедшей на рабочем месте» [Бацунова С.Н., с. 198-207] (рис. 1).

В своих исследованиях Д.Д. Татаурщикова отмечает, что «чем выше специалист поднимается по карьерной лестнице, тем большее количество мягких навыков, ему необходимо использовать» [Татаурщикова Д.Д.], в то время, как Ф.А. Лукьянов подчеркивает, что «мягкие навыки – это одно из определений эмоциональных компетенций (эмоционального интеллекта), без которых никогда не добиться успеха ни в жизни, ни в работе и soft skills относится к жизненным навыкам» [Лукьянов Ф.А.].

Целью исследования является обоснование эффективности внедрения soft skills в современные системы профессионального образования с целью применения их в дальнейшей трудовой деятельности.

Рис. 1. Сравнительная характеристика hard skills и soft skills компетенций, которыми должны обладать будущие специалисты (Comparative characteristics of hard skills and soft skills competencies that future specialists should possess)

Методы и материалы исследования. Как известно, центральное место в процессе развития soft skills будущих педагогов занимает внеучебная деятельность, которая позволяет создать условия для их самореализации и развития командной работы в коллективе, формируя, таким образом, между ними бесконфликтные и доверительные отношения. В Самарском государственном социально-педагогическом университете (СГСПУ) внеучебной деятельности уделяется особое внимание, в результате чего создаются все необходимые условия для ее реализации студентами в самых различных направлениях, что приводит к развитию определенных качеств личности, необходимых для их дальнейшей профессиональной практики. Студенты получают возможность раскрыть свой потенциал в следующих направлениях:

- творческая деятельность (постановка творческих номеров, участие в фестивалях и т. д.);
- общественная деятельность (волонтерство, членство в студенческих отрядах и т. д.);
- научная деятельность (разработка научных проектов, участие в кружках и т. д.);
- медиадеятельность (фото/видео-сопровождение мероприятий, ведение групп в соцсетях и т.д.);
- спортивная деятельность (участие в спортивных событиях университета и т. д.).

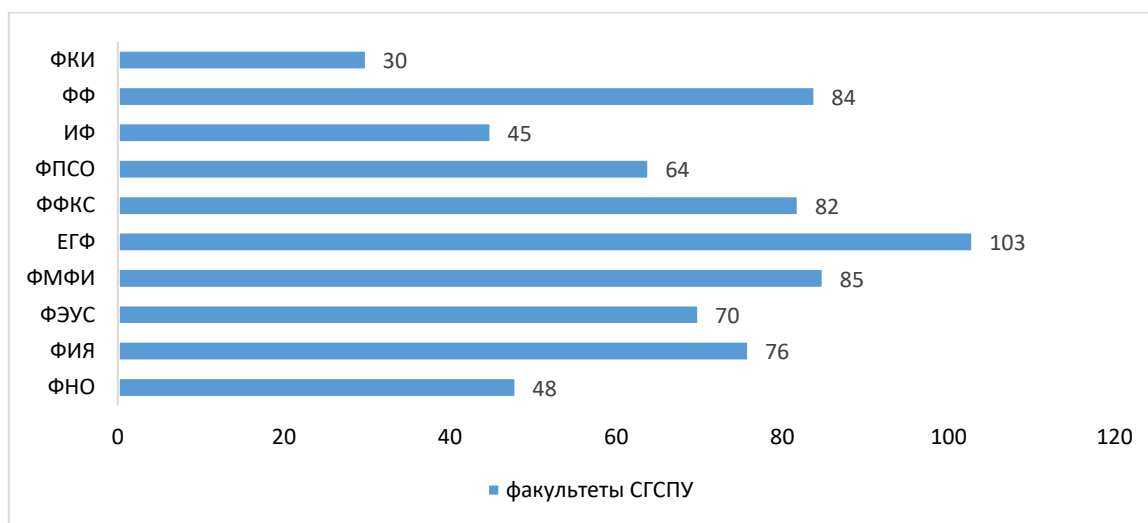
С целью достижения обозначенной выше цели была проведена диагностика среди студентов университета, в которой приняли участие 687 студентов III курсов с 10 факультетов.

В ходе исследования была разработана анкета оценки уровня развития soft skills студентов III курсов по следующим направлениям внеучебной деятельности: творческой, общественной, научной, спортивной и медиадеятельности. Анкета содержала 38 вопросов с различными вариантами ответов, которые студенты выбирали на свое усмотрение. В результате проведенного исследования было выявлено, что наиболее активными в опросе являются студенты естественно-географического факультета (ЕГФ) – 103 чел., факультета математики, физики и информатики (ФМФИ) – 85 чел. и факультета физической культуры и спорта (ФФКС) – 82 чел. (рис. 2). На начальном этапе исследования приоритетными направлениями внеучебной деятельности для будущих педагогов являлись творческая – 28% и общественная – 26% деятельности, в то время как спортивной и медиадеятельностью были заинтересованы по 16% студентов; желание заниматься научной деятельностью проявили всего лишь 14% опрошенных.

Результаты исследования. Наиболее творческими студентами среди всех факультетов, оказались респонденты филологического (ФФ) (59%) и естественно-географического (ЕГФ) (55%) факультетов.

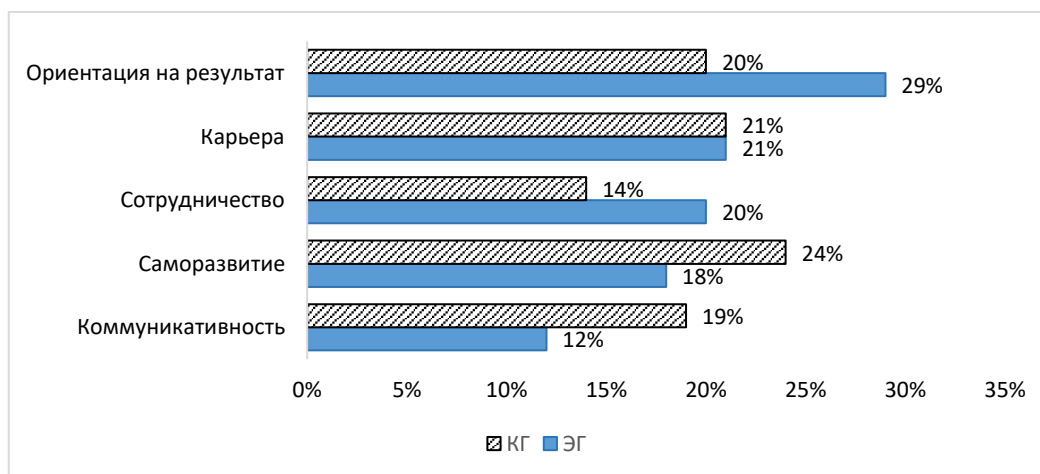
Кроме того, студенты данных факультетов также проявили повышенный интерес к научной деятельности, 27% и 52% соответственно, в то время как медийная деятельность была развита у респондентов с факультета экономики, управления и сервиса (ФЭУС) (36%) и филологического факультета (42%). Наиболее ориентированными на спортивную деятельность студентами, как и предполагалось, оказались обучающиеся факультета физической культуры и спорта – 74%, а также факультета математики, физики и информатики – 39%. Лидирующие позиции в общественной деятельности были отмечены среди студентов факультета психологии и специального образования (ФПСО) (49%) и естественно-географического факультета (52%).

Рис. 2. Результаты анкетирования студентов очной формы обучения СГСПУ (Results of the survey of full-time students of Samara State University of Social Sciences and Education)

На итоговом этапе экспериментальной работы, включающем проведение диагностического исследования будущих педагогов после применения в образовательном процессе гибких технологий (адаптивных и интерактивных платформ, коллаборации, технологий VR/AR и др.), ориентированных на студентов педагогического вуза, с целью обеспечения эффективного взаимодействия между всеми участниками учебно-воспитательного процесса в соответствии с индивидуальными контекстами обучающихся были определены сформированные профессиональные качества, необходимые для дальнейшей их трудовой деятельности (рис. 3).

Рис. 3. Показатели сформированных профессиональных качеств, необходимых для дальнейшей трудовой деятельности студентов (Indicators of formed professional qualities necessary for further work activity of students)

Из полученных результатов можно констатировать, что у будущих педагогов контрольной группы на высоком уровне сформировано профессиональное качество, направленное на саморазвитие (24%), в то время как респонденты экспериментальной группы ориентированы на результат (29%), что демонстрирует различия в их внутренней мотивации и целеполагания, а также различия в процессе самосовершенствования и достижения конкретных целей в рамках профессиональной подготовки.

Исходя из того, что студенты естественно-географического факультета, обучающиеся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), проявляют повышенный интерес к общественной и творческой деятельности, было решено применить полученные гибкие навыки на практике с целью развития коммуникативного взаимодействия между субъектами образовательного процесса. Педагогическая практика студентов СГСПУ проводилась в школе № 26 г.о. Самара, в которой принимали участие обучающиеся среднего звена. Одной из задач будущих педагогов стало организация эффективного взаимодействия школьников среднего возраста с субъектами образовательного процесса.

Взаимодействие с родителями студентов, проходящими педагогическую практику в школе, осуществлялось различными способами, с учетом применения гибких технологий, таких как моделирование реальных ситуаций и развитие навыков решения проблем, с которыми наиболее часто сталкиваются их дети в процессе обучения; привлечение к совместной деятельности (проектной, общественной, творческой и др.); использование цифровых инструментов для проведения различных опросов с целью получения обратной связи и др.

В процессе проведенного исследования будущими педагогами было выявлено, что родители школьников охотно принимают участие в организации образовательной деятельности своих детей, что говорит об их заинтересованности в конструктивном взаимодействии с ними. Особое внимание родители уделяют помощи классному руководителю (участие в мероприятиях, проводимых в классе и школе, организация выездных мероприятий, соревнований, конкурсов, конференций, работа с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации и др.); улучшению успеваемости школьников; социально-эмоциональному развитию детей для формирования благоприятную атмосферу в классе. Родители активно взаимодействуют с преподавателями как в очном формате, так и с применением цифровых технологий.

Выводы. Таким образом, практическое применение soft skills в современном профессиональном образовании обусловлено стремлением повысить эффективность профессиональной деятельности будущих педагогов, их способностью к командной работе, управлению проектами и решению конфликтных ситуаций. Кроме того, важное значение в организации современного образовательного процесса имеет развитие у студентов таких качеств, как коммуникабельность, ответственность, критическое мышление и умение своевременно решать актуальные вопросы, возникающие в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Источники:

1. Выступление В.В. Путина на сессии «Молодежь – 2030. Образ будущего», прошедшей в рамках XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55890> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) – URL: https://nca.ru/upload/pages/abitur/bak/Fed_zak_N_273.pdf (дата обращения: 18.01.2025).

Литература:

1. Бацунов, С. Н. Современные детерминанты развития soft skills / С.Н. Бацунов, И.И. Дереча, И.М. Кунгурова // Концепт. – 2018. – № 4. – С. 198-207. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-determinanty-razvitiya-soft-skills> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Гайдученко, Е. А. Марушев, А. В. Эмоциональный интеллект. – URL: <http://1-a-b-a.com/lecture/show/99> (дата обращения: 11.01.2025).
3. Давидова, В. А. Слушать, говорить и договариваться: что такое soft skills и как их развивать. – URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/11719-soft-skills> (дата обращения: 11.01.2025).

4. Канардов, И. В. Soft skills и Hard skills - в чем разница? – URL: <http://www.znai.su/statya/soft-skills-i-nard-skills-%E2%80%93-v-chem-raznica> (дата обращения: 11.01.2025).
5. Лукьянов, Ф. А. Твёрдые и мягкие навыки. – URL: <https://delovoyimir.biz/2013/02/19/tverdye-i-myagkie-navyki.html> (дата обращения: 11.01.2025).
6. Мамаева, С. В. Предпринимательство как особый вид деятельности. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3063776/> (дата обращения: 08.01.2025).
7. Сосницкая, О. В. SOFT SKILLS: мягкие навыки твердого характера. – URL: <http://be-st.ru/ru/blog/13> (дата обращения: 11.01.2025).
8. Тараурщикова, Д. А. Soft Skills. – URL: <https://4brain.ru/blog/soft-skills/> (дата обращения: 18.01.2025).
9. Шипилов, В. И. Перечень навыков soft-skills и способы их развития – URL: http://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml (дата обращения: 11.01.2025).
10. Klaus, P. Communication breakdown // California Job Journal. – 2010. – № 28. – P. 1-9.
11. Wilkie, D. Employers Say Students Aren't Learning Soft Skills in College. SHRM – The Voice Of All Things Work. October 21, 2019. – URL: <https://www.shrm.org/resourcesandtools/hr-topics/employee-relations/pages/employers-say-students-arent-learningsoft-skills-in-college.aspx> (дата обращения: 20.01.2025).

THE ROLE OF SOFT SKILLS IN THE DEVELOPMENT OF CONSTRUCTIVE INTERACTION OF SUBJECTS OF THE EDUCATIONAL PROCESS

© 2025 O.V. Dmitrienko¹, L.A. Kolyvanova¹, A.V. Lazarev²

Olesya V. Dmitrienko, graduate student

E-mail: olesya.dmitrienko.1985@mail.ru

*Larisa A. Kolyvanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Biology,
Ecology and Teaching Methods*

E-mail: larisaleksandr@yandex.ru

Anatoly V. Lazarev, Director

E-mail: anatolii_lazarev@mail.ru

¹Samara State University of Social Sciences and Education

²Municipal budgetary educational institution «School No. 26»

Samara, Russia

In the modern world, professional education of future teachers is moving to a new level, where the development of soft skills during the study process at a university becomes an important component of their further implementation in work. The article pays special attention to the issues of introducing competencies, such as soft skills and hard skills, into the educational activities of students, which contributes to their personal and professional development. The authors consider the influence of soft skills on the creation of a favorable educational environment, effective teaching and education of the younger generation, as well as their role in the development of constructive interaction between the subjects of the educational process. The importance of soft skills, such as communication, cooperation, self-development and focus on results, for successful interaction between teachers, students and parents is emphasized. An analysis of studies demonstrating the relationship between the level of soft skills development and the quality of interaction in the educational sphere is provided. The article substantiates the need to develop soft skills in students of pedagogical universities as an important condition for successful professional activity.

Keywords: soft skills, hard skills, universal competencies, students, professional training, university, constructive interaction

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-23-30

EDN: VTJPCG

References:

1. Vystupleniye V.V. Putina na sessii «Molodezh' – 2030. Obraz budushchego», proshedshey v ramkakh XIX Vsemirnogo festivalya molodezhi i studentov (Speech by V. V. Putin at the session «Youth – 2030. Image of the Future», held as part of the XIX World Festival of Youth and Students). – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55890> (data obrashcheniya: 20.01.2025).
2. Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 25.12.2023) «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2024) (Federal Law of 29.12.2012 N 273-FZ (as amended on 25.12.2023) «On Education in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2024) – URL: https://nrsa.ru/upload/pages/abitur/bak/Fed_zak_N_273.pdf (data obrashcheniya: 18.01.2025).

1. Batsunov, S. N. Sovremennyye determinanty razvitiya soft skills (Modern determinants of soft skills development) // S.N. Batsunov, I.I. Derecha, I.M. Kungurova // Kontsept. – 2018. – № 4. – С. 198-207 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-determinanty-razvitiya-soft-skills> (data obrashcheniya: 20.01.2025).
2. Gayduchenko, Ye. A. Marushev, A. V. Emotsional'nyy intellekt (Emotional intelligence). – URL: <http://1-a-b-a.com/lecture/show/99> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
3. Davidova, V. A. Clushat', govorit' i dogovarivat'sya: chto takoye soft skills i kak ikh razvivat' (Listen, speak and negotiate: what are soft skills and how to develop them). – URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/11719-soft-skills> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
4. Kanardov, I. V. Soft skills i Nard skills - v chem raznitsa? (Soft skills and Hard skills – what's the difference?) – URL: <http://www.znai.su/statya/soft-skills-i-nard-skills-%E2%80%93-v-chem-raznica> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
5. Luk'yanov, F. A. Tvordyye i myagkiye navyki (Hard and soft skills). – URL: <https://delovoymir.biz/2013/02/19/tverdye-i-myagkie-navyki.html> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
6. Mamayeva, S. V. Predprinimatel'stvo kak osobyiy vid deyatel'nosti (Entrepreneurship as a special type of activity). – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3063776/> (data obrashcheniya: 08.01.2025).
7. Sosnitskaya, O. V. SOFT SKILLS: myagkiye navyki tverdogo kharaktera (SOFT SKILLS: soft skills of a hard character). – URL: <http://be-st.ru/ru/blog/13> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
8. Tataurshchikova, D. A. Soft Skills (Soft Skills). – URL: <https://4brain.ru/blog/soft-skills/> (data obrashcheniya: 18.01.2025).
9. Shipilov, V. I. Perechen' navykov soft-skills i sposoby ikh razvitiya (List of soft skills and ways to develop them) – URL: http://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml (data obrashcheniya: 11.01.2025).
10. Klaus, P. Communication breakdown (Communication breakdown Communication breakdown) // California Job Journal. – 2010. – № 28. – P. 1-9.
11. Wilkie, D. Employers Say Students Aren't Learning Soft Skills in College (Employers Say Students Aren't Learning Soft Skills in College). SHRM – The Voice Of All Things Work. October 21, 2019. – URL: <https://www.shrm.org/resourcesandtools/hr-topics/employee-relations/pages/employers-say-students-arent-learningsoft-skills-in-college.aspx> (data obrashcheniya: 20.01.2025).

УДК 372.881.111.1 (Обучение языкам (английскому))

РОЛЬ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ЕГО ПЕРЕДАЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

© 2025 А.П. Журавлев

Журавлев Александр Павлович, старший преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: palych32@rambler.ru

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.02.2025

Данная статья посвящена способам передачи определенного артикля при переводе текста с английского языка на русский. Поскольку в русском языке прямой эквивалент определенного артикля отсутствует, в переводной литературе часто наблюдается ситуация с опущением этого артикля, что ведет к искажению смысла высказывания и нарушению связности текста. По этой причине при преподавании английского языка и теории перевода необходимо уделять больше внимания изучению функций определенного артикля, а также объяснять обучающимся, какими способами его можно передавать при переводе на русский язык. На основе анализа научной литературы по данной теме была выявлена основная функция определенного артикля, а именно обозначение ранее упомянутого в тексте объекта. Таким образом, определенный артикль обеспечивает связность текста на разных уровнях. Для сохранения этой связности переводчик должен уметь подбирать эквивалентные средства выражения определенного артикля в языке перевода. На материале рассмотренных в статье примеров было продемонстрировано, какими конкретно способами можно адекватно передать значение определенного артикля, чтобы повысить качество перевода текста и облегчить его восприятие читателем.

Ключевые слова: определенный артикль, связность текста, указательное местоимение

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-31-35

EDN: XAHYLU

Введение. Не будет преувеличением сказать, что практически для каждого человека, изучающего английский язык, артикль становится первым, на что важно обратить внимание. Главной причиной тому является факт отсутствия в русском языке прямого эквивалента английского артикля. В результате, не имея конкретного аналога артикля в родном языке и, как следствие, не понимая его функции, обучающиеся склонны совсем не употреблять его в своей письменной и устной речи. Более того, на этой почве часто возникают ошибки в процессе перевода и межкультурной коммуникации. В современной педагогике повсеместно принят компетентностный подход, под которым подразумевается образовательный процесс, ориентированный на формирование компетенций [Тучкова А.С., с. 38]. Преподавание иностранного языка не является исключением. Отсутствие понимания функции артикля и неправильное его применение в речи отрицательно влияет на формирование одной из универсальных компетенций, входящей в перечень УК ФГОС ВО 3++ для всех направлений подготовки, а именно УК-4 – «Способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)». В этой связи очень важно объяснять учащимся, как важно «видеть» артикль в тексте, понимать его значение и выбирать правильный способ его передачи при переводе на русский язык.

Данная статья посвящена анализу роли определенного артикля в английском языке и рассмотрению способов его передачи при переводе с английского языка на русский.

Соответственно, задачами нашего исследования являются следующие:

1. рассмотреть функцию определенного артикля и его роль в англоязычном тексте;
2. проанализировать несколько фрагментов из перевода англоязычных произведений на предмет оценки адекватности способов, примененных переводчиками для передачи определенного артикля;
3. выявить наиболее адекватные способы передачи определенного артикля при переводе на русский язык.

Практическая ценность данного исследования обусловлена тем, что полученные в нем результаты и выводы могут представлять интерес в плане методологии преподавания иностранного языка и прикладного переводоведения.

Материалом исследования являются романы «Uncle Tom's cabin» и «Hex and the City», а также их перевод на русский язык.

В исследовании применялись следующие *методы*: сопоставительный анализ текстов, демонстрация визуальных материалов, комментированное чтение.

История вопроса. Будучи охарактеризован как одно «из наиболее часто употребляемых языковых средств» [Кашпирева Т.Б., с. 55], артикль служит «сигналом о характере референциальной отнесенности имени» [Арская Ю.А., с. 71]. С.И. Герасина отмечает, что «основными доминирующими факторами употребления артиклей в современном английском языке является сознание говорящего и его связь с определенной культурой данного языкового сообщества [Герасина С.И., с. 104].

Многими исследователями отмечается, что категория определенности/неопределенности имени существительного представлена во всех языках, но средства ее выражения различаются: «В каждом языке существует логическое понятие определенности и неопределенности, являющееся категорией мышления. Однако не во всех языках эти два понятия передаются грамматическими средствами при помощи служебного слова, как например артиклями, как это имеет место в английском языке» [Гаджиева Х.Д., с. 102]. Е.В. Колыбелкина тоже отмечает, что категория определенности/неопределенности «присуща всем языкам, но средства выражения и типология этих средств неодинакова. По своей внутренней структуре и функциональной семантике средств выражения категория определённости/неопределенности различается от языка к языку» [Колыбелкина Е.В., с. 125].

Во многом именно разницей в средствах выражения категории определенности/неопределенности в разных языках объясняются затруднения, возникающие как при изучении артиклевых языков (например, английского), так и в процессе перевода на безартиклевые языки (в т. ч. на русский). По нашему мнению, для ответа на вопрос о том, как именно передавать определенный артикль при переводе, необходимо в первую очередь опираться на его основную функцию.

Этой функцией является обеспечение такого важного аспекта текста, как связность [Котиева А.А., с. 9]. При этом А.А. Котиева отмечает очень важный момент относительно того, что «для более полного описания функционирования артикля требуется выход за рамки отдельного предложения» [Котиева А.А., с. 10]. Р.Н. Жаворонкова также отмечает, что «коммуникативная семантика артикля может быть выявлена только в тексте» [Жаворонкова Р.Н., с. 32]. Это же мнение разделяет и Е.В. Горбунова, которая считает, что «вне конкретной коммуникативной ситуации невозможно судить о корректности использования в ней артикля» [Горбунова Е.В., с. 52].

Если говорить более предметно, то упомянутая выше функция определенного артикля реализуется помимо прочего в том, что он является «самым важным грамматическим средством идентификации предмета», в том смысле, что этот элемент «сигнализирует, что говорящий и слушающий имеют в виду один и тот же предмет» [Девдариани Н.В., с. 251]. А.А. Кравченко также называет одной из функций определенного артикля «указание на ранее упомянутый объект» [Кравченко А.А., с. 176].

Результаты исследования. Итак, рассмотрим несколько отрывков из англоязычных художественных произведений, содержащих определенный артикль, и проанализируем, насколько корректно этот артикль был передан при переводе.

В романе «Uncle Tom's cabin» один из персонажей в диалоге упоминает некую девочку, которую видел когда-то. В ответной реплике его собеседница сообщает, что это была она:

«Yes, indeed! I am **the** one», – said Madame de Thoux [Beecher Stowe H].

«Неужели? **вот это** я и есть!» – сказала г-жа де Ту [Бичер-Стоу Г].

Как можно увидеть, в данном случае для передачи определенного артикля переводчик выбрал указательную частицу «вот».

Рассмотрим другой пример:

«He walked out on us when she was two. Only decent thing **the selfish bastard** ever did for us» [Green S.].

«Он ушел от нас, когда ей было два года. Единственный хороший поступок **этого подонка** [Грин С.].

При переводе данного фрагмента переводчик передал определенный артикль посредством указательного местоимения. Такой выбор вполне оправдан, поскольку считается, что определенный артикль в английском (и не только) языке произошел именно от указательного местоимения. В результате связь между двумя идущими друг за другом предложениями сохранена путем прямого указания на один и тот же объект.

Аналогичный подход к передаче определенного артикля можно увидеть в другом примере:

*But the door had opened, so I made a point of walking in like I owned **the place*** [Green S.].

*Но дверь все-таки открылась, поэтому я вошел с таким видом, словно я хозяин **этого заведения*** [Грин С.].

Вместе с тем в переводной литературе встречаются случаи, когда определенный артикль не передан никакими средствами. Такая ситуация наблюдается довольно часто, что позволяет сделать вывод о системном характере этой проблемы:

*A battered desk <...> and **a rickety couch** pushed back against the wall. Rumped blankets and a dented pillow on **the couch** showed someone had been sleeping on it regularly* [Green S.].

*Кроме облупленного стола <...> комната могла похвалиться лишь ветхим **диванчиком** у стены. Скомканная простыня и смятая подушка красноречиво свидетельствовали о том, что **диванчик** – мое спальное место* [Грин С.].

В оригинальном тексте присутствуют артикли, функционирующие в полном соответствии с правилами английского языка: сначала неопределенный артикль «заявляет» некий объект, а далее уже определенный артикль недвусмысленно указывает, что речь идет о том же самом диване. В русском переводе определенный артикль не передан. Вследствие этого ситуация выглядит так, будто посреди абзаца в повествовании неизвестно откуда появляется еще один диван.

Для полноты картины необходимо отметить один важный факт: довольно часто при переводе с английского языка на русский передача определенного артикля, собственно, и не требуется:

*She dug in her bag again and came out with cigarettes and lighter. **The cigarettes** were French, **the lighter** was gold with a monogram* [Green S.].

*Она снова полезла в сумку и на этот раз достала сигареты и зажигалку. **Сигареты** оказались французскими, **зажигалка** – золотой, с монограммой* [Грин С.].

Как можно увидеть, в оригинальном тексте определенные артикли имеются, однако переводчик справедливо рассудил, что наличие в переводе средств, выражающих их, было бы излишним, поскольку нарушало бы нормы языка перевода.

Выводы. Выбор способа передачи определенного артикля при переводе является серьезной задачей для переводчика. Эта задача усложняется, когда перевод осуществляется с артиклевых языков на безартиклевый – например, с английского на русский.

На основе рассмотренных примеров можно сделать вывод о том, что наиболее корректным способом передачи определенного артикля является использование его функционального аналога в русском языке – указательного местоимения или частицы со схожей функцией. Нами было показано также и то, что определенный артикль не всегда нуждается в каком-либо воспроизведении в тексте перевода.

Все сделанные в данной работе выводы могут быть применены при преподавании английского языка, а также теории и практики перевода, для того чтобы сформировать у обучающихся правильное восприятие определенного артикля и выработать у них грамотный подход к его воспроизведению теми или иными средствами при переводе.

Источники:

1. Бичер-Стоу, Г. Хижина дяди Тома [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/b/bicherstou_g/text_1852_uncle_toms_cabin-annenskaya.shtml (дата обращения: 24.02.2025).
2. Грин, С. Темное сердце Лондона (The Dark Heart of London) [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/sf/sf-heroic/1055628-8-sajmon-grin-temnoe-serdce-londona.html#book> (дата обращения: 20.02.2025).
3. Beecher Stowe, H. Uncle Tom's Cabin [Электронный ресурс]. – URL: <https://litka.ru/english/library/3190-uncle-tom-s-cabin#1> (дата обращения: 19.02.2025).
4. Green, S. Something from the Nightside [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/Green_Simon/Something_from_the_Nightside.html#0 (дата обращения: 26.02.2025).

Литература:

1. Арская, Ю. А. Конструирование художественного мира в поэтическом тексте: о некоторых функциях артиклей в лирике Дурса Грюнбайна // *Немецкий язык в Томском государственном университете: 120 лет истории успеха. Материалы III Международного научного форума.* – 2021. – С. 68-74.
2. Гаджиева, Х. Д., Рзаева, Н. А. Особенности перевода английских артиклей на родной язык // *Велес.* – 2017. – №6-3 (48). – С. 100-108.
3. Герасина, С. И. Неопределённый артикль в языке компьютерного общения (на материале английского языка) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение.* – 2009. – № 4. – С. 102-104.
4. Горбунова, Е. В. Артикль в ситуациях общения // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика.* – 2017. – № 4. – С. 50-57.
5. Девдариани, Н. В., Рубцова, Е. В. Многофункциональность категориального значения артикля в английском языке // *Балтийский гуманитарный журнал.* – 2020. – № 4 (33). – С. 250-252.
6. Жаворонкова, Р. Н. Текстобразующие функции артикля в английском языке // *Вестник Московского государственного университета леса.* – 2003. – № 4. – С. 32-35.
7. Кашпирева, Т. Б. Особенности вариантного употребления артиклей с именами нарицательными в английском языке // *Начала русского мира.* – 2024. – № 2. – С. 54-61.
8. Колыбелкина, Е. В. Сопоставительный анализ категории определенности / неопределенности и способов ее выражения во французском, английском и русском языках // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика.* – 2015. – № 3. – С. 125-130.
9. Котиева, А. А. Английский артикль и его роль в грамматике текста // *Взгляд ученого.* – 2020. – № 2. – С. 9-16.
10. Кравченко, А. А., Какжанова, Ф. А. Семантика и прагматика английских артиклей и его особенности перевода на русский язык // *Актуальные вопросы теории и практики перевода в контексте межкультурного взаимодействия. Сборник научных статей XXXVI Международной научно-практической конференции.* – 2024. – С. 174-178.
11. Тучкова, А. С. Основные методологические подходы к формированию универсальных компетенций студентов технических университетов // *Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Психолого-педагогические науки».* – 2022. – № 4. – С. 31-46.

**THE ROLE OF THE DEFINITE ARTICLE IN ENGLISH
AND SOME WAYS TO REPRODUCE IT IN RUSSIAN TRANSLATION**

© 2025 A.P. Zhuravlev

Alexander P. Zhuravlev, Senior Lecturer of The Department of Foreign Languages

E-mail: palych32@rambler.ru

Samara State Technical University

Samara, Russia

The paper deals with the ways of reproduction of the definite article in translation from English into Russian. The definite article has no translation equivalent in Russian; as a result, it is often omitted in translation. Thus, the meaning of a sentence gets distorted and the text coherence is broken. This is the reason why it is important to pay more attention to the article's functions and the ways of its reproduction in translation when teaching English and translation theory to students. On the basis of analysis of scientific papers devoted to the topic we have identified the main function of the definite article, namely the denotation of a previously mentioned object. This way the definite article maintains the text coherence. In order to preserve this coherence in translation a translator must be able to choose the proper ways to reproduce the function of the definite article; this improves the quality of the translation and makes it easier for a reader to understand it.

Key words: definite article, text coherence, demonstrative pronoun

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-31-35

EDN: XAHYLU

References:

1. Bicher-Stou, G. Khizhina diadi Toma (Uncle Tom's Cabin) [Elektronnyi resurs]. – URL: http://az.lib.ru/b/bicher-stou_g/text_1852_uncle_toms_cabin-annenskaya.shtml (data obrashcheniia: 24.02.2025).
2. Grin, S. Temnoe serdtse Londona [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://libking.ru/books/sf-sf-heroic/1055628-8-sajmon-grin-temnoe-serdce-londona.html#book> (data obrashcheniia: 20.02.2025).

3. Beecher Stowe, H. Uncle Tom's Cabin [Электронный ресурс]. – URL: <https://liteka.ru/english/library/3190-uncle-tom-s-cabin#1> (дата обращения: 19.02.2025).
4. Green, S. Something from the Nightside [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/Green_Simon/Something_from_the_Nightside.html#0 (дата обращения: 26.02.2025).
1. Arskaya, Yu. A. Konstruirovaniye hudozhestvennogo mira v poeticheskom tekste: o nekotorykh funkciyakh artikley v lirike Dursa Gryunbajna (Constructing a fictional world in a poetic text: on some functions of articles in Durs Grünbein's lyrics) // Nemeckij yazyk v Tomskom gosudarstvennom universitete: 120 let istorii uspekha. – 2021. – P. 68-74.
2. Gadzhieva, H. D., Rzaeva, N. A. Osobennosti perevoda anglijskih artikley na rodnoj yazyk (Features of translation of English articles into a native language) // Veles. – 2017. – P. 100-108.
3. Gerasina, S. I. Neopredelyonnyj artikl' v yazyke komp'yuternogo obshcheniya (na materiale anglijskogo yazyka) (The indefinite article in the language of computer communication) // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – P. 102-104.
4. Gorbunova, E. V. Artikl' v situatsiyah obshcheniya (The article in communicative situations) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – 2017. – P. 50-57.
5. Devdariani, N. V., Rubcova, E. V. Mnogofunkcional'nost' kategorial'nogo znacheniya artiklya v anglijskom yazyke (Multifunctionality of the categorial significance of the article in the English language) // Baltijskij humanitarnyj zhurnal. – 2020. – P. 250-252.
6. Zhavoronkova, R. N. Tekstoobrazuyushchie funktsii artiklya v anglijskom yazyke (Text-forming functions of an article in English) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa. – 2003. – P. 32-35.
7. Kashpireva, T. B. Osobennosti variantnogo upotrebleniya artikley s imenami naricatel'nyimi v anglijskom yazyke (Features of variant use of articles with denial names in the English language) // Nachala russkogo mira. – 2024. – P. 54-61.
8. Kolybelkina, E. V. Sopostavitel'nyj analiz kategorii opredelennosti / neopredelennosti i sposobov ee vyrazheniya vo francuzskom, anglijskom i russkom yazykah (Comparative analysis of definiteness vs. Indefiniteness and its expression in French, English and Russian languages) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – 2015. – P. 125-130.
9. Kotieva, A. A. Anglijskij artikl' i ego rol' v grammatike teksta (English article and its role in text semantics) // Vzgl'yad uchenogo. – 2020. – P. 9-16.
10. Kravchenko, A. A., Kakzhanova, F. A. Semantika i pragmatika anglijskih artikley i ego osobennosti perevoda na russkij yazyk (Semantics and pragmatics of English articles and peculiarities of its translation into Russian) // Aktual'nye voprosy teorii i praktiki perevoda v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodejstviya. – 2024. – P. 174-178.
11. Tuchkova, A. S. Osnovnye metodologicheskie podhody k formirovaniyu universal'nykh kompetencij studentov tekhnicheskikh universitetov (The main methodological approaches to the formation of universal competencies of students of technical universities) // Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. – 2022. – P. 31-46.

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература / Гуманитарные науки. Культурология)

**ТРАДИЦИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В КНИГЕ В.Ф. ДУДАРЕВА «ВЕТЛА»: ПРОБЛЕМА
ЭНТЕЛЕХИИ КУЛЬТУРЫ (ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

© 2025 М.А. Дударева^{1,2}, С.М. Морозова³

*Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии,
доктор филологических наук,*

¹*заведующий кафедрой общей и славянской филологии
Института славянской культуры,*

²*профессор кафедры журналистики*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Морозова Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков*

E-mail: morozovasm@mngri.ru

¹*РГУ им. А.Н. Косыгина
Москва, Россия*

²*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия*

³*Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе
Москва, Россия*

Статья поступила в редакцию 12.01.2025

В работе предпринята попытка показать феномен энтелехии культуры в современной поэзии. Материалом для онтогерменевтики стало поэтическое наследие поэта, деятеля культуры, главного редактора журнала «Юность» В.Ф. Дударева. Объектом исследования является феномен энтелехии культуры, проявленный в творчестве поэта, предметом выступают художественные реализации кодов предшествующей культуры XX в., периода Серебряного века, диалогически срабатывающие в поэзии В.Ф. Дударева. Подробно рассматривается понятие «энтелехия» в онтологическом аспекте в неразрывной связи с понятием «диалог культур». Авторы обращаются к прецедентным именам в поэтике В.Ф. Дударева, к образу Анны Ахматовой, который создает современный поэт в стихотворении «Поэты». Лирический герой В. Дударева наблюдает за появлением Ахматовой в Санкт-Петербурге, онтологически осмысляя ее повторный приход в этот мир. Результаты исследования заключаются в выявлении культурфилософского потенциала современной поэзии для дальнейшего изучения категории энтелехии как феномена русской художественной культуры, национального бытия нашей литературы. Настоящая работа будет интересна литературоведам, включающим литературу в пространство большого бахтинского диалога культур, а также преподавателям курсов культурологии и философии.

Ключевые слова: современная русская культура и литература, энтелехия, творчество Валерия Дударева, онтологический, апофатика, цифровая память

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-36-40

EDN: XKKHZC

Введение. Русская литература носит принципиально протофилософский характер и существует в пространстве большого диалога культур, характеризующегося многоголосием. М.И. Цветаева объединяла поэтов в пары, показывая в художественном пространстве нашей культуры работу принципа сообщающихся сосудов: «Парные имена не новость: Гёте и Шиллер, Байрон и Шелли, Пушкин и Лермонтов. Братственность двух сил, двух вершин. И в этой парности тайны никакой»¹. У каждого писателя, и не только на ученическом этапе творчества, но и на протяжении всей его жизни,

¹ Цветаева М.И. Герой труда // Полн. собр. соч.: в 7 т. — М.: Эллис Лак, 1994. — Т. 4. — С. 51.

есть свои *вечные спутники*, выражаясь языком критика Д.С. Мережковского, которые его никогда не покидают. В современной поэзии, по нашим наблюдениям, проявляются традиции и золотого, и серебряного веков [Дударева М.А., Баранова И.В.; Дударева М.А., Черкашина Е.Л.] и какие-то имена превращаются в *код* культуры, начинают по-разному работать в поэтике авторов, представляющих различные школы и направления: «Она [поэзия] подобна мозаичному полотну, в котором каждая деталь самобытна, имеет свой цвет и форму, но, только соединяясь с другими, мелкие фрагменты мозаики создают уникальную картину» [Беляева Н.В., с. 125]. Это единое *художественное полотно* можно постараться собрать и осмыслить через герменевтическую реконструкцию имен поэтов серебряного века (еще онтологически близкого нам) в творчестве современных авторов.

История вопроса. Поэзии Валерия Федоровича Дударева (1965–2019) посвящена коллективная монография М.А. Дударевой, Д.А. Ариповой, В.В. Никитиной [6], в которой подробно рассматривается функционирование национальных кодов, культурологических априори в поэтике автора (герменевтической реконструкции подвергаются образы воды, земли, огня и воздуха). Литературоведы обращаются к стихам разных лет, уделяя также большое внимание социально-историческому контексту, повлиявшему на жизнь и творчество поэта. Однако в поэзии В.Ф. Дударева наблюдаются отсылки к именам художников слова предшествующих эпох, которые можно также понимать как национальные коды отечественной словесной культуры. Для современного поэта важны имена А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.А. Блока, С.А. Есенина, А.А. Ахматовой, которые создают привлекательное многоголосие для поэта.

Методы исследования. Эта статья обращена к поэтике В.Ф. Дударева, у которого в поэзии есть свои «вечные спутники». Возьмем для онтогерменевтической реконструкции имен поэтов серебряного века в творчестве современного автора его последнюю книгу «Ветла» (2016), в которой наблюдаются как прямые отсылки к именам А.А. Блока, С.А. Есенина, А.А. Ахматовой, А. Мариенгофа, так и имплицитное присутствие различных поэтических голосов минувшей эпохи (показательны в этом отношении, как мы выяснили ранее, стихотворение «Поэты» [Дударева М.А., Аталян Г.Б.], особняком стоящая поэма «Петушки — Кохма, далее нигде» [Дударева М.А., Кольцова Н.З.]). Целостный анализ художественного текста нам помогут осуществить онтогерменевтический метод и структурный.

Результаты исследования. Суггестивным в своем художественном объеме выступает стихотворение «Поэты» («Вот эта девочка — Ахматова»):

Вот эта девочка — Ахматова.
Из темноты.
Из глубины.
Начало века,
и полпятого,
И все мосты разведены [Дударев В.Ф., с. 155].

Для понимания этого образа в его целокупности мы должны использовать культурфилософское понятие «энтелехия», которое позволит нам проследить художественную логику В.Ф. Дударева. Понятие «энтелехия» мы встречаем еще у Аристотеля в значении «душа культуры». Потом к нему неоднократно обращались философы разных взглядов и направлений (в России Густав Шпет использовал указанное понятие, размышляя о телеологическом смысле предмета). Культурологически расширил его современный отечественный мыслитель Г.С. Кнабе, подчеркнув качество диалогичности, присущее энтелехии: «В энтелехии осуществляется принцип диалога: более общее, исходное и как бы рассеянное начало обретает пластическую завершенность и самостоятельную данность таким образом, что исходное начало в акте энтелехии не исчерпывается, оно продолжает действовать, и между ними и его воплощением устанавливается определенное двуголосие» [Кнабе Г.С., с. 141]. Под энтелехией вслед за ученым мы понимаем процесс перенимания одним временем и его носителями эстетической силы другого времени, поглощения ее, осваивания образов и кодов прежнего эона с частичным возвратом к ним. Именно этот процесс осваивания происходит в стихотворении Валерия Дударева, лирический герой которого не просто возвращается в начало двадцатого некалендарного, по выражению А.А. Ахматовой, века, не просто обращается к

фигуре поэтессы, а старается всю ее жизнь увидеть и осмыслить, именно по этим причинам поэтесса представлена «девочкой».

Исключительным являются и обстоятельства ее повторного прихода в этот мир — она появляется из темноты и глубины (веков, напластований времени) в преддверный апофатический час. В мировой апофатической традиции света различают явление невечернего света (так на именуют Христа) и вечернего [Брагинская Н.В., Шмаина-Великанова А.И.], и тот и другой свет связаны с мифологемой вневременности, с соположенностью жизни и смерти. Появление А. Ахматовой в стихотворении является профетическим, его предчувствует не только поэт, но и *волхвы*, которые предсказывали появление Спасителя:

Она.
Она — тут нет сомнения!
Так и пророчили волхвы:
То одиночество весеннее,
И повороты головы,
Вот четки — четче,
крепче локоны,
Крупны браслеты на руке.
А тень аптеки — чары блоковы
И душный спуск к Неве-реке [Дударев В.Ф., с. 155].

И у современного поэта Анна Ахматова, можно сказать, выступает в качестве Спасителя, Слово которой сегодня необходимо в условиях цифровой жизни «у обочины», чтобы разрешить экзистенциал одиночества:

Среди заборов у обочины
И сволочья
Мы будем жить.
Мы напророчены!
А жизнь — ничья [Дударев В.Ф., с. 156].

Так происходит процесс энтелехии в культуре: слово одного поэта доходит через слои времен до другого поэта, Валерий Дударев расслышал голос Анны Ахматовой, онтологически переосмыслил встречу с ее поэтическим голосом, Логосом в пространстве русской культуры. Здесь также необходимо поставить вопрос о проблеме памяти в онтологическом аспекте. Немецкий современный философ Андреас Буллер пишет об этом феномене в мировой культуре с позиций эпистемологии следа: «Следы позволяют нам различать между тем, что “есть” (Dasein), и тем, что “было” (Dagewesenes). Между этими понятиями, однако, имеется одно существенное различие: далеко не все, что “было”, оставило после себя “следы”, однако все, что оставило после себя “следы”, для нас “было” и по этой причине является прошлым» [Буллер А., с. 17]. Для современного поэта Валерия Дударева Логос Анны Ахматовой, представляющей культуру другого зона истории, культуру завершающегося Нового времени, не только оставляет «след» в его поэтической мастерской, но и позволяет поэту воссоздать и осмыслить вертикальную трансмиссию в отечественной художественной культуре, приобщиться к тому, что «было»: в стихотворении латентно проглядывает фигура А. Блока («чары блоковы»), являющегося также прецедентным именем для нашего современника. Поразителен с точки зрения онтологии следа Другого (здесь и Ахматовой, и Блока) итог стихотворения: «жизнь — ничья». С позиций себя сегодняшнего лирический герой смотрит на себя прошлого, даже возвращается в момент до своего физического рождения, а потом — обратно к себе новому, отсюда появляется и будущее время в стихотворении («будем жить», «напророчены»).

Выводы. Онтогерменевтическая реконструкция кодов другого зона истории в стихотворении «Поэты» современного художника слова Валерия Дударева позволяет не только выявить

культурфилософский потенциал современной поэзии, существующей в пространстве digital memory, но и проследить механизмы процесса энтелехии в русской художественной культуре, который дает возможность с онтологических позиций посмотреть на вопросы творчества. Процесс энтелехии в культуре на онтологическом уровне противостоит процессам цифровизации, десакрализирующим искусство, обесценивающим классическую поэзию, с которой конкурирует в условиях цифрового рынка сетевая литература.

Источники:

1. Дударев, В. Ф. Ветла и другие стихотворения. — М.: Художественная литература, 2016. — 196 с.
2. Цветаева, М. И. Герой труда // Полн. собр. соч.: в 7 т. Т. 4. — М.: Эллис Лак, 1994.

Литература:

1. Беляева, Н. В. Взгляд на современную поэзию // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2009. — № 2. — С. 111–126.
2. Брагинская, Н. В., Шмаина-Великанова, А. И. Свет вечерний и свет не вечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. — С. 73–92.
3. Буллер, А. Следы и слои времени (со статьями Райнхарта Козеллека). — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. — 208 с.
4. Дударева, М. А., Кольцова, Н. З. Апофатика края в поэме Валерия Дударева «Петушки — Кохма, далее нигде» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2021. — Т. 23, № 76. — С. 92–97.
5. Дударева, М. А., Баранова, И. В. Традиции Серебряного века в поэтической книге Нины Поповой «Я посадила сад»: фольклорный топос сада // Казанская наука. — 2023. — № 8. — С. 26–28.
6. Дударева, М. А., Арипова, Д. А., Никитина, В. В. Поэзия в цифровую эпоху. В художественном мире Валерия Дударева. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 116 с.
7. Дударева, М. А., Аталян, Г. Б. Поиск «иног царства»: образ поэта в лирике В. Дударева и Е. Гусева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2024. — Т. 26, № 5. — С. 51–56.
8. Дударева, М. А., Черкашина, Е. Л. Апофатическая традиция мировой культуры в поэзии Н. Гранцовой // Казанская наука. — 2024. — № 6. — С. 126–128.
9. Кнабе, Г. С. Энтелехия культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. — М.: Индрик, 1994. — С. 139–156.

**TRADITIONS OF THE SILVER AGE IN THE BOOK OF V.F. DUDAREV «VETLA»:
THE PROBLEM OF THE ENTELECHY OF CULTURE (ONTOLOGICAL ASPECT)**

© 2025 M.A. Dudareva^{1,2}, S.M. Morozova³

Marianna A. Dudareva, Doctor of Culturology, Doctor of Philology,

¹Head of The Department of General and Slavic Philology

Institute of Slavic Culture

²Professor of the Department of Journalism

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Svetlana M. Morozova, PhD of Pedagogical Sciences, Docent of The Department
of Russian and Foreign Languages*

E-mail: morozovasm@mgri.ru

*¹Russian State University named after A.N. Kosygin
Moscow, Russia*

*²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia*

*³Sergio Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting
Moscow, Russia*

The paper attempts to show the phenomenon of entelechy of culture in modern poetry. The material for ontohermeneutics was the poetic heritage of the poet, cultural figure, editor-in-chief of the magazine "Youth" V.F. Dudarev. The object of the article is the phenomenon of entelechy of culture, manifested in the poet's work. The subject of the study is the artistic implementation of the codes of the preceding culture of the 20th century, the Silver Age period, dialogically triggered in the poetry of V.F. Dudarev. The concept of "entelechy" is considered in detail in the ontological aspect in an inextricable connection with the concept of "dialogue of cultures". We turn to precedent names in the poetics of V.F. Dudarev, to the image of Anna Akhmatova, which the modern poet creates in the poem "Poets". The lyrical hero of V. Dudarev observes the appearance of Akhmatova in St. Petersburg, ontologically comprehending her repeated arrival in this world. The results of the study consist in identifying the cultural and philosophical potential of modern poetry for further study of the category of entelechy as a phenomenon of Russian artistic culture, the national existence of our literature. The results of the work may be of interest to literary scholars who include literature in the space of the great Bakhtinian dialogue of cultures, and can also be used in teaching courses on cultural studies and philosophy.

Keywords: modern Russian culture and literature, entelechy, the work of Valery Dudarev, ontological, apophatics, digital memory

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-36-40

EDN: XKKHZC

References:

1. Dudarev, V. F. *Vetla i drugie stikhotvoreniia (Vetla and other poems)*. — M.: Khudozhestvennaia literatura, 2016. — 196 s.
2. Tsvetaeva, M. I. *Geroi truda (Hero of Labor)* // *Poln. sobr. soch.: v 7 t. T. 4*. — M.: Ellis Lak, 1994.
1. Beljaeva, N. V. *Vzglyad na sovremennuju poeziju (Look at Contemporary Poetry)* // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. — 2009. — № 2. — S. 111–126.
2. Braginskaja, N. V., Shmaina-Velikanova, A. I. *Svet vechernij i svet nevechernij (Evening Light and Non-Evening Light)* // *Dva venka: Posvjashhenie Ol'ge Sedakovej*. — M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2013. — S. 73–92.
3. Buller, A. *Sledy i sloi vremeni (so stat'jami Rajnharta Kozelleka) (Traces and Layers of Time (with articles by Reinhart Koselleck))*. — M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2021. — 208 s.
4. Dudareva, M. A., Kol'cova, N. Z. *Apofatika kraja v pojeme Valerija Dudareva «Petushki — Kohma, dalee nigde» (Apophatics of the Region in Valery Dudarev's Poem "Petushki — Kokhma, Nowhere Further")* // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. — 2021. — T. 23, № 76. — S. 92–97.
5. Dudareva, M. A., Baranova, I. V. *Tradicii Serebryanogo veka v poeticheskoj knige Niny Popovoj «Ya posadila sad»: fol'klornyj topos sada (Traditions of the Silver Age in the poetic book of Nina Popova "I Planted a Garden": folklore topos of the garden)* // *Kazan Science*. — 2023. — No. 8. — P. 26–28.
6. Dudareva M. A., Aripova D. A., Nikitina V. V. *Poeziya v cifrovuyu epohu. V hudozhestvennom mire Valerija Dudareva (Poetry in the digital era. In the artistic world of Valery Dudarev)*. — Center for Humanitarian Initiatives M.; St. Petersburg, 2024. — 116 p.
7. Dudareva, M. A., Ataljan, G. B. *Poisk «inogo carstva»: obraz pojeta v lirike V. Dudareva i E. Guseva (Search for "Another Kingdom": the Image of the Poet in the Lyrics of V. Dudarev and E. Gusev)* // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. — 2024. — T. 26, № 5. — S. 51–56.
8. Dudareva M. A., Cherkashina, E. L. *Apofaticheskaja tradicija mirovoj kul'tury v poezii N. Grancevoj (Apophatic tradition of world culture in the poetry of N. Grantseva)* // *Kazanskaja nauka*. — 2024. — № 6. — S. 126–128.
9. Knabe, G. S. *Jentelehija kul'tury (Entelechy of culture)* // *Materialy k lekcijam po obshhej teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima*. — M.: Indrik, 1994. — S. 139–156.

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература / Гуманитарные науки. Культурология)

АПОФАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В.С. ВЫСОЦКОГО: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФРЕЙМЫ В СТИХОТВОРЕНИИ «МОИ ПОХОРОНА»

© 2025 М.А. Дударева^{1,2}, Т.С. Яковлева³

Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии,
доктор филологических наук,

¹заведующий кафедрой общей и славянской филологии
Института славянской культуры,

²профессор кафедры журналистики

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Яковлева Татьяна Сергеевна, старший педагог кафедры русского языка и лингвокультурологии

E-mail: tasha10.02.85@mail.ru

¹РГУ им. А.Н. Косыгина

Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

³Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 27.01.2025

Объектом статьи выступает феномен апофатики в современной художественной культуре, который проявляется в поэзии через фольклорные кейсы, национальные константы. Предметом научной работы является анализ взаимодействия фольклора и литературы, которое организует вертикальную трансмиссию в культуре, позволяет проследить процессы апофатизации творчества. Материалом послужило творчество русского поэта В.С. Высоцкого, представляющего феномен авторской песни. В центре герменевтического анализа — известное стихотворение «Мои похороны», переложенное автором на музыку и ставшее известной песней. Большое внимание уделяется поэтике сна, поскольку сон апофатичен по своей природе и приравнивается, по славянским народным представлениям, к смерти. Актуальность предпринятого исследования обусловлена нарастающей необходимостью осмыслить онтологические вопросы советской поэзии, которые долгое время в отечественном литературоведении прошлого века были табуированы. Авторы исследования уделяют большое внимание пограничным этосам в стихотворении поэта, феномену сна, связанного с пространством иного мира и антимира. Анализируются формы проявления фольклорной традиции в поэтике В.С. Высоцкого. Методология исследования сводится к целостному герменевтическому анализу художественного текста. Результаты работы могут быть интересны культурологам и литературоведам, рассматривающим литературу в пространстве большого диалога культур.

Ключевые слова: апофатика, творчество В.С. Высоцкого, русская поэзия XX века, фольклор, сон

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-41-47

EDN: XLDTZG

Введение. Апофатика как феномен культуры irradiровала во все исследовательские научные парадигмы (философские, филологические, культурологические) и связана со многими феноменами культуры, имеющими трансцендентную природу: смертью, болезнью, сном. Фольклор, древнее народное искусство, является богатейшим источником апофатических воззрений, «источком формирования семантики невыразимого в русском языке» [Михайлова М.Ю., с. 173]. Показательны в этом отношении фольклорные речения из русской волшебной сказки («иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что»), связанные с эйдологией пути-дороги культурного героя. В этом контексте апофатику понимаем культурологически широко, как невыразимое в художественной культуре, ризомно мерцающую сакральную реальность.

Занимаясь реконструкцией апофатической парадигмы художественной культуры советского времени 1960–1990-х гг., невозможно обойти вниманием явление авторской песни, которая, по

замечаниям специалистов, имеет глубоко синкретичный характер и латентно связана с фольклорной традицией, или, лучше сказать, с такими феноменами народной жизни, как балагурство, скоморошество и юродство [Кихней Л.Г., Сафарова Т.В.]. «Авторская песня в 1960–70-е годы переживает период становления в литературном качестве, ее поэтическая система складывается в родственном “поле тяготения” фольклорных жанров, служащих, скорее, не запасником поэтических приемов, а почвой для отталкивания...» [Свиридов С.В., с. 310]. В этой связи обратимся к яркому представителю феномена авторской песни В.С. Высоцкому в контексте фольклорной традиции, которая помогает проследить вертикальную трансмиссию в художественной культуре.

Методы исследования. Понятие «фольклор» культурологически расширяем до включения в него дожанровых образований, обряда, ритуала, мифа, которые образуют в словесном космосе диалектическую триаду «миф — фольклор — литература». Именно из этих теоретических представлений мы будем анализировать проявления фольклорной традиции в поэтике В.С. Высоцкого, уделяя внимание латентным формам фольклоризма, фреймам национальной культуры. Онтогерменевтическая реконструкция фольклорных кейсов художественного текста позволяет приблизиться к пониманию его апофатического горизонта и является эквивалентной апофатическому методу познания Божественного, который свойственен теологическому знанию.

История вопроса. По справедливому замечанию Л.Г. Кихней и Т.В. Сафаровой, «обращение Высоцкого к фольклору (в том числе к современному) происходит вследствие присущего поэту целостного народного мироощущения, во многом опирающегося на давние фольклорные традиции» [Кихней Л.Г., Сафарова Т.В.]. Авторы статьи о фольклоризме творчества поэта исходят из комплексного понимания менталитета, который предполагает разговор о народных духовных традициях, выраженных имплицитно и эксплицитно в творчестве разных художников слова. Подобных представлений придерживаются ученые и в современных исследованиях, посвященных функционированию фольклорной традиции в поэтике В.С. Высоцкого, но идут еще дальше в этом вопросе, заменяя понятие «традиция», часто предполагающее разговор о стилизациях и заимствованиях, на понятие «фрейм», под которым подразумевается определенный комплекс знаний о мире (фольклорная структура в данном случае), известных большей части общества: «Активизация фреймов при восприятии, и главное — при понимании, произведения может осуществляться как самим текстом, так и реципиентом» [Юдаева О.В., с. 154].

Масочное игровое начало, характерное для скоморошества, народного театра, присуще и песням В.С. Высоцкого, его лирическому герою. Здесь стоит обратить внимание на обрядовую сторону явления скоморошества на Руси, которая связана с «миром наыворот», ритуальным хаосом. Скоморохи *выворачивали* красоту поднебесную, чтобы донести простые истины до народа, публики, но это «была лишь форма ее бытования с “обратным” знаком» [Кузьмичев И.К., с. 98]. Скоморохи также были связаны, по наблюдению З.И. Власовой, с погребальной обрядностью, иномиром [Власова З.И.]. По существу, антимир часто трансформировался в иномир, когда скоморох занимался фарсовым умерщвлением плоти, что можно приравнять к состоянию *обмирания* (ср. с играми в покойника свадебной недели). Своеобразную художественную иллюстрацию данного явления можно наблюдать в стихотворении Высоцкого «Мои похороны» (1971), которое исследователями чаще всего воспринимается в трагическом пародийном ключе [Шаулов С.С., с. 69]. Однако этот текст много значимее по своей онтологической глубине, чем кажется.

Результаты исследования. Обратим внимание на первые строчки стихотворения:

*Сон мне снится — вот те на:
Гроб среди квартиры.
На мои похороны
Съехались вампиры.*

*Стали речи говорить —
Все про долголетие.
Кровь сосать решили погодить,
Вкусное — на третье [Высоцкий В.С., с. 83].*

Во-первых, читатель сразу же погружается вместе с героем в сонное состояние, сон здесь, выражаясь языком С.Г. Бочарова, носит объявленный характер (ср. с приемом сна и его видами в художественном мире А.С. Пушкина [Бочаров С.Г., с. 205]). Примечательно то, что у В.С. Высоцкого не только реципиент, но и сам герой осознает, что ему снится сон. В этой связи стоит обратить внимание на то, что для человека фольклорного сознания важен не столько сам факт сна и увиденного в нем, сколько *реакция* на явившееся во сне, что, собственно, и отражается в «устных сонниках»: «...сюжет сновидения неважен, он забывается, первостепенно само по себе чувство беспокойства и тревожный сон» [Лазарева А.А., с. 108]. В последние десять лет отечественной гуманитаристики исследователи также все чаще рассматривают сон с культурологических и философских позиций, справедливо указывая на связь сна с поступками человека: «Связь сновидческого опыта с этическим, точнее, нравственным, возможно, не столь наглядна, поскольку доминанта нравственного опыта — сфера поступков. Вместе с тем каждому человеку знакомо переживание нравственных коллизий во сне» [Карпов Л.М., с. 15]. Однако поступки осмысливаются не только во сне, но и *post factum*, после сна. Современные исследователи справедливо указывают на амбивалентный статус явления: «...сон как феномен ни физиологичен, ни нефизиологичен полностью, по своей сути и речь должна идти о каком-то “резонансе”, мозаичном сочетании объективного состояния мозга и остального организма с субъективным состоянием спящего человеческого духа, а того и другого — с культурными институтами соответствующего социума» [Щавелев С.П., с. 98]. Но сложность этого феномена культуры заключается в его апофатической для человека исключительно дневного сознания природе. В этом случае нам и необходимо рассматривать апофатику как феномен культуры, который иррадиировал во все исследовательские научные парадигмы и также связан со многими феноменами культуры, имеющими трансцендентную природу: смертью, болезнью, страхом. Этот ряд следует продолжить и размышлениями о феномене сна. В этом аспекте интересны наблюдения о. П. Флоренского о сновидениях, которые «соответствуют... мгновенному переходу из одной сферы душевной жизни в другую и лишь... в воспоминании... разворачиваются в наш, видимого мира, временной ряд; сами же по себе имеют особую меру времени — “трансцендентальную”» [Флоренский П.А., с. 4-5]. Сон априори непостижим, но это не значит, что мы не должны попытаться приблизиться к его апофатическому горизонту и понять его онтологическое назначение.

Во-вторых, на тонкую грань между сном и явью в стихотворении указывают реальные ощущения героя, связанные с разными рецепторами, с оптикой («чую взглядов серию»), с проявлением вкуса (рвотное «зелье приворотное»), с осязанием кожей («стукнул по колену», «мурашки по спине»):

И почетный караул
Для приличия всплакнул,
Но я чую взглядов серию
На сонную мою артерию.
А если кто пронзит артерию,
Мне это сна грозит потерю [Высоцкий В.С., с. 83].

По фольклорным представлениям, «неспособность сновидца совершить действие... и безуспешное повторение попыток... связываются с негативным прогнозом» [Лазарева А.А., с. 118]. Интересно то, что герой В.С. Высоцкого не может пошевелиться и сопротивляться надвигающейся нечистой силе:

Отчего же я лежу,
Дурака валяю?
Почему я не заржу,
Их не напугаю? [Высоцкий В.С., с. 83].

По какой же причине он не оказывает сопротивления? Средство спасения автору песни хорошо известно — смех. В этом случае как раз точно срабатывают механизмы проникновения фольклорной традиции в ее подлинном, не стилизованном виде. Нас интересует один из фольклорных фреймов — парадигма «смерть — смех», реализованная в стихотворении В.С. Высоцкого. Вслед за Л.Г. Кихней и Т.В. Сафаровой стоит «упомануть о присущем его мироощущению смеховом начале» [Кихней Л.Г.,

Сафарова Т.В.] а также еще раз указать на парадигматический характер отношений между смертью и смехом, с помощью которой отвергается, отторгается первое [Осипова Н.]. Неслучайным в этом национальном контексте кажется и как бы нарочито грубое сниженное у В.С. Высоцкого «заржать», семиотически значимое в контексте апофатки ситуации, в которую попадает герой:

Я б их мог прогнать давно
Выходкою смелою.
Мне бы взять пошевелиться, но
Глупостей не делаю [Высоцкий В.С., с. 84].

Кроме того, здесь выявляется еще один фольклорный фрейм, характерный для быличек, — «чудо / абсурд», суть которого, по наблюдению Л.Н. Виноградовой, заключается в удивлении антагониста, представителя нечистой силы: «демонстрация абсурдного поведения вынуждает нечистую силу разоблачить себя» [Виноградова Л.Н., с. 199]. У В.С. Высоцкого герой сам предлагает налить крови упырям, что является абсурдным с точки зрения здоровой логики:

Кровожадно вопия,
Высунули жалы,
И кровиночка моя
Полилась в бокалы.

Погодите, сам налью,
Знаю, знаю — вкусная.
Нате, пейте кровь мою,
Кровососы гнусные! [Высоцкий В.С., с. 84-85].

Сон здесь не только антими́р, сколько *иномир*, если прочитывать стихотворение в контексте *погребальной обрядности*. Именно с такими особенностями онейрического пространства сталкиваемся в «фольклорной» поэтике С. Есенина, творчество которого в значительной мере повлияло на Высоцкого [Чибриков В.Ю.]. Сон, по фольклорным славянским представлениям, приравнивается к смерти, которая носит временный характер [Толстой Н.И.]. Однако то, что происходит во сне, может быть актуальным и наяву, таким образом соединяются навь и явь, а также через трансцендентное прозревается реальное:

Вот мурашки по спине
Смертные крадутся,
А всего делов-то мне
Было, что — проснуться.

Что? Сказать чего боюсь?
А сновиденья тянутся —
Да того, что я проснусь,
А они останутся [Высоцкий В.С., с. 85].

Именно по этой причине не просыпается герой песни, для которого реальный мир — реальнейший. Ситуация, воспроизведенная В.С. Высоцким в песне «Мои похороны», напоминает по структуре быличку: «Быличка повествует о неожиданном контакте героя и антагониста: о вторжении антагониста в реальный мир или о перенесении героя в “антимир”» [Ефимова Е.С.]. Однако мы не подводим художника слова к присяге на верность фольклору и не обвиняем его в стилизациях или заимствованиях, а имеем в виду трансформацию фольклорной традиции, ее преломление, которое всегда более продуктивно и в исследовательском плане [Налепин А.Л.], и в отношении обогащения поэтики.

Выводы. Итак, «обращение Высоцкого к фольклору — это прежде всего обращение к нравственно-психологическим истокам, к мифопоэтическому мышлению в его национальном варианте» [Кихней Л.Г., Сафарова Т.В.]. Герменевтическая реконструкция песни «Мои похороны» высвечивает прежде всего не социальный подтекст, которого, конечно, не лишены произведения автора, а онтологический, этосы жизни и смерти, апофатику сна, который приравняется к смерти. Проведение параллелей с устным народным творчеством продуктивно в данном случае, поскольку фольклор выступает источником апофатических воззрений и предлагает свой вариант «отторжения» смерти — через смеховое начало, характерное для творчества В.С. Высоцкого, явления авторской песни. По этим причинам большое внимание уделено фольклорным фреймам, связанным с парадигмой «смерть — смех» и явлениями антимира. Сон у В.С. Высоцкого приравняется к временной смерти, что совпадает с фольклорными архаическими представлениями об этом феномене, но, в отличие от фольклорной традиции, в стихотворении герой не желает просыпаться: он не хочет, чтобы его антимир превратился в иномир. В этом случае автор вступает в продуктивный творческий *диалог-спор* с традицией. Сон носит апофатический амбивалентный характер.

Источники:

Высоцкий, В. С. Мои похороны // Собр. соч.: в 7 т. — Германия: Вельтон: Б.Б.Е., 1994. — Т. 3. — 528 с.

Литература:

1. Бочаров, С. Г. О смысле «Гробовщика» (К проблеме интерпретации произведения) // Контекст. Литературно-теоретические исследования. — М.: Наука, 1974. — С. 196–230.
2. Виноградова, Л. Н. Сообщение об абсурдных событиях как способ отгона нечистой силы // In Umbra: Демонология как семиотическая система: Альманах № 7. — М.: РГГУ, 2018. — С. 187–204.
3. Власова, З. И. Скоморохи и фольклор. — СПб.: Алетей, 2001. — 524 с.
4. Ефимова, Е. С. Основные мотивы русских быличек (опыт классификации) // Сайт Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/efimova7.htm> (дата обращения: 07.01.2025).
5. Карпова, Л. М. Сновидение и духовный опыт // Гуманитарные исследования. — 2014. — № 1 (2). — С. 13–16.
6. Кихней, Л. Г., Сафарова, Т. В. К вопросу о фольклорных традициях в творчестве Владимира Высоцкого [Электронный ресурс]. — URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/kihnej-safarova-k-voprosu-o-folklornyh-tradiciyah.htm> (дата обращения: 07.01.2025).
7. Кузьмичев, И. К. Лада. — М.: Молод. гвардия, 1990. — 301 с.
8. Лазарева, А. А. Толкование сновидений в народной культуре. — М.: РГГУ, 2020. — 260 с.
9. Михайлова, М. Ю. Семантика невыразимого и средства ее передачи в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2017. — 322 с.
10. Налепин, А. Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 502 с.
11. Осипова, Н. Смех и смерть в русской культурной традиции: истоки и трансформация мотива // Slavica Wratislaviensia CLXVII. Wrocław. — 2018. — N 3838. — P. 23–34.
12. Свиридов, С. В. Авторская песня В. Высоцкого: литература с фольклорным «прошлым» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2012. — № 6 (1). — С. 310–315.
13. Толстой, Н. И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Очерки славянского язычества. — М.: Индрик, 2003. — С. 303–310.
14. Флоренский, П. Иконостас. Избранные труды по искусству. — СПб.: МИФРИЛ, Русская книга, 1993. — 365 с.
15. Чибриков, В. Ю. Сергей Есенин и Высоцкий. Влияние поэзии Сергея Есенина на творчество Высоцкого // Творчество Владимира Высоцкого в контексте художественной культуры XX века: сб. ст. / под ред. В. П. Скобелева и И. Л. Фишгойта. — Самара: Дом печати, 2001. — С. 66–70.
16. Шаулов, С. С. Ф.М. Достоевский и А.Н. Башлачев: классика в неклассическом отражении // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 36 (290). — С. 67–71.
17. Щавелев, С. П. Вечная тень реальности: очерк философской антропологии сновидений // Научные ведомости БелГУ. — 2014. — № 9 (180). Вып. 28. — С. 92–99.
18. Юдаева, О. В. Фольклорные фреймы и их языковая репрезентация в лирических стихотворениях В.С. Высоцкого // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 8 (50). Ч. 5. — С. 154–157.

APOPHATICS OF ARTISTIC THINKING OF V.S. VYSOTSKY: FOLKLORE FRAMES IN THE POEM «MY FUNERAL»

© 2025 M.A. Dudareva^{1,2}, T.S. Yakovleva³

Marianna A. Dudareva, Doctor of Culturology, Doctor of Philology,

¹Head of The Department of General and Slavic Philology

Institute of Slavic Culture

²Professor of The Department of Journalism

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Tatiana S. Yakovleva, Senior Teacher of The Department of Russian Language and Linguoculturology

E-mail: tasha10.02.85@mail.ru

¹Russian State University named after A.N. Kosygin

Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

³Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

The object of the article is the phenomenon of apophatics in modern artistic culture, which manifests itself in poetry through folklore cases and national constants. The subject of the scientific work is the analysis of the interaction of folklore and literature, which organizes vertical transmission in culture and allows us to trace the processes of apophaticization of creativity. The material was the work of the Russian poet V.S. Vysotsky, who represents the phenomenon of the author's song. In the center of the hermeneutic analysis is the famous poem "My Funeral", which was set to music by the author and became a famous song. Much attention is paid to the poetics of sleep, since sleep is apophatic in nature and is equated, according to Slavic folk beliefs, with death. The relevance of the undertaken study is due to the growing need to comprehend the ontological issues of Soviet poetry, which for a long time were taboo in Russian literary criticism of the last century. The authors of the study pay great attention to the border ethos in the poet's poem, the phenomenon of sleep associated with the space of another world and anti-world. The forms of manifestation of the folklore tradition in the poetics of V.S. Vysotsky are analyzed. The methodology of the study is reduced to a holistic hermeneutic analysis of the artistic text. The results of the study may be of interest to cultural scientists and literary scholars who consider literature in the space of a large dialogue of cultures.

Key words: apophatics, the work of V.S. Vysotsky, Russian poetry of the 20th century, folklore, dream

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-41-47

EDN: XLDTZG

References:

Vysockij, V. S. *Moi pohorona (My Funeral)* // *Sobr. soch.: v 7 t.* — Germanija: Vel'ton: B.B.E., 1994. — T. 3. — 528 s.

1. Bocharov, S. G. O smysle «Grobovshhika» (K probleme interpretacii proizvedenija) (On the Meaning of "The Undertaker" (Towards the Problem of Interpretation of the Work)) // *Kontekst. Literaturno-teoreticheskie issledovanija.* — M.: Nauka, 1974. — S. 196–230.
2. Vinogradova, L. N. Soobshhenie ob absurdnyh sobytijah kak sposob otgona nechistoj sily (Reporting Absurd Events as a Way to Drive Away Evil Spirits) // *In Umbra: Demonologija kak semioticheskaja sistema: Al'manah № 7.* — M.: RGGU, 2018. — S. 187–204.
3. Vlasova, Z. I. Skomorohi i fol'klor (Buffoons and Folklore). — SPb.: Aletejja, 2001. — 524 s.
4. Efimova, E. S. Osnovnye motivy russkih bylichek (opyt klassifikacii) (The Main Motifs of Russian Byliks (Classification Experience)) // *Sajt Centra tipologii i semiotiki fol'klora Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Jelektronnyj resurs].* URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/efimova7.htm> (data obrashhenija: 07.01.2025).
5. Karpova, L. M. Snovidenie i duhovnyj opyt (Dream and Spiritual Experience) // *Gumanitarnye issledovanija.* — 2014. — № 1 (2). — S. 13–16.
6. Kihnej, L. G., Safarova, T. V. K voprosu o fol'klornyh tradiciyah v tvorchestve Vladimira Vysockogo (On the Issue of Folklore Traditions in the Works of Vladimir Vysotsky) [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/kihnej-safarova-k-voprosu-o-folklornyh-tradiciyah.htm> (data obrashhenija: 07.01.2025).

7. Kuz'michev, I. K. Lada (Lada). — M.: Molod. gvardija, 1990. — 301 s.
8. Lazareva, A. A. Tolkovanie snovidenij v narodnoj kul'ture (Interpretation of dreams in folk culture). — M.: RGGU, 2020. — 260 s.
9. Mihajlova, M. Ju. Semantika nevyrazimogo i sredstva ee peredachi v russkom jazyke (Semantics of the inexpressible and the means of its transmission in the Russian language): dis. ... d-ra filol. nauk. — Ufa, 2017. — 322 s.
10. Nalepin, A. L. Dva veka russkogo fol'klora: Opyt i sravnitel'noe osveshhenie podhodov v fol'kloristike Rossii, Velikobritanii i SShA v XIX–XX stoletijah 9Two Centuries of Russian Folklore: Experience and Comparative Coverage of Approaches to Folklore Studies in Russia, Great Britain, and the USA in the 19th–20th Centuries). — M.: IMLI RAN, 2009. — 502 s.
11. Osipova, N. Smeh i smert' v russkoj kul'turnoj tradicii: istoki i transformacija motiva (Laughter and Death in the Russian Cultural Tradition: Origins and Transformation of the Motif) // Slavica Wratislaviensia CLXVII. Wrocław. — 2018. — N 3838. — R. 23–34.
12. Sviridov, S. V. Avtorskaja pesnja V. Vysockogo: literatura s fol'klornym «proshlym» (Author's Song of V. Vysotsky: Literature with a Folklore "Past") // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. — 2012. — № 6 (1). — S. 310–315.
13. Tolstoj, N. I. Narodnye tolkovaniya snov i ih mifologicheskaja osnova (Folk interpretations of dreams and their mythological basis) // Ocherki slavjanskogo jazychestva. — M.: Indrik, 2003. — S. 303–310.
14. Florenskij, P. Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu (Iconostasis. Selected works on art). — SPb.: MIFRIL, Russkaja kniga, 1993. — 365 s.
15. Chibrikov, V. Ju. Sergej Esenin i Vysockij. Vlijanie poezii Sergeja Esenina na tvorchestvo Vysockogo (Sergei Yesenin and Vysotsky. The influence of Sergei Yesenin's poetry on Vysotsky's work) // Tvorchestvo Vladimira Vysockogo v kontekste hudozhestvennoj kul'tury XX veka: sb. st. / pod red. V. P. Skobeleva i I. L. Fishgojta. — Samara: Dom pečati, 2001. — S. 66–70.
16. Shaulov, S. S. F.M. Dostoevskij i A.N. Bashlachev: klassika v neklassicheskom otrazhenii (F. M. Dostoevsky and A.N. Bashlachev: Classics in a Non-Classical Reflection) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 36 (290). — S. 67–71.
17. Shhavelev, S. P. Vechnaja ten' real'nosti: ocherk filosofskoj antropologii snovidenij (The Eternal Shadow of Reality: An Essay on the Philosophical Anthropology of Dreams) // Nauchnye vedomosti BelGU. — 2014. — № 9 (180). Vyp. 28. — S. 92–99.
18. Judaeva, O. V. Fol'klornye frejmy i ih jazykovaja reprezentacija v liricheskikh stihotvorenijah V.S. Vysockogo (Folklore Frames and Their Linguistic Representation in the Lyric Poems of V.S. Vysotsky) // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. — 2016. — № 8 (50). Ch. 5. — S. 154–157.

УДК 821.161.1 (Русская литература)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОД ПОЭЗИИ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

© 2025 И. В. Некрасова

*Некрасова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
литературы, журналистики и методики обучения*

E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 14.11.2024

Статья посвящена проблеме интермедиальности, взаимодействию литературы (поэзии) и музыки в лирическом наследии В. Т. Шаламова. Отмечается, что границы и формы проявления понятия «музыкальность в литературе» не достаточно сформированы в литературоведении и культурологии, хотя родство этих видов искусства проявлено ощутимо: они наделены категориями ритма, интонации, и это создает в поэзии «музыкальную слышимость». Можно выделить и общие композиционные свойства лирических и музыкальных произведений. В поэтическом наследии Варлама Шаламова найдены такие яркие проявления интермедиальности, как проникновение в лирический текст музыкальных мотивов и образов; рассмотрены примеры «музыкализации» стихотворных текстов с помощью звуковых повторов, поэтической интонации (в частности, с использованием инверсии). В статье уделено внимание разнообразию метрических и строфических приемов и форм для создания особого музыкального звучания стихов поэта. Интенсивность синтетических тенденций в культуре XXI в. подтверждается в статье анализом кантаты современного композитора Михаила Гоголина «Silentium» на стихи Варлама Шаламова. Мелодическая интерпретация знаменитых и менее популярных стихотворений поэта в полной мере отражает их музыкальность, словесный текст посредством музыки модифицируется, получает подчас иную трактовку. Вывод данного исследования: особая музыкальность лирики Варлама Шаламова явлена в триединстве звука, слова и смысла.

Ключевые слова: интермедиальность, взаимовлияние и взаимопритяжение литературы и музыки, музыкальность поэзии Варлама Шаламова, музыка как мотив и лирический образ, метрическое и строфическое разнообразие, кантата М. Гоголина «Silentium»

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-48-55

EDN: KOVVIM

Введение. Различие литературы и музыки столь же явственно, сколь понятна и генетическая связь этих видов искусства. Известный музыковед прошлого В. Васина-Гроссман в 70-гг XX в. опубликовала трехчастное исследование «Музыка и поэтическое слово». Ее мнение таково: основы форм в музыке и в литературе родственны, а иногда вовсе идентичны, но при этом не следует искать прямых аналогий. Надо говорить «об универсальности некоторых основных организующих принципов, которые и определили постоянное взаимопритяжение обоих искусств» [Васина-Гроссман В.А., с. 114].

Методы исследования. В данной статье мировоззренческие, теоретико-литературные, художественные проблемы разбираются при помощи системного метода. Он подразумевает структурность, взаимозависимость объектов рассмотрения и исследования, вариативность выводов. При анализе лирических и музыкальных произведений используется метод описательной поэтики словесных текстов и музыкальных жанров, в частности, кантаты.

Материал исследования: поэтические тексты В. Шаламова, его письма к Ю. Шрейдеру, эссе и статьи по проблемам стиховедения и стихосложения, а также кантата Михаила Гоголина «Silentium» (2015) на стихи В.Шаламова.

История вопроса. В современных исследованиях по проблеме музыкальности поэзии, в том числе диссертационных, слышится многоголосье мнений. Литературоведы рассматривают разные способы «омузыкаливания» стихов, «внедрения», «осуществления» музыкальности в художественном тексте [Абдуллаев Е., Макарова С.А., Шульдишова А.А.]. Коллеги-стиховеды исследуют музыку стиха через

анализ фонетических приемов, метрического репертуара, особых мелодических законов лирического синтаксиса, через музыкальные принципы архитектоники на уровне лирических циклов и т. д.

Литературоведы до сих пор не определились насчёт того, чем конкретно считать музыкальность лирики – категорией, качеством, принципом или даже особого рода эффектом, возникающим при чтении.

Цель настоящего исследования – показать истинную музыкальность шаламовской лирики, используя основные содержательные моменты его стиховедческих заметок, писем, эссе, его стихи и кантату на стихи В. Шаламова.

Результаты исследования. Поиск «музыки» в поэзии В. Шаламова связан с рассмотрением особенностей словесного проявления музыкальности. Видимо, в этом случае речь должна идти о т. н. «речевой музыке», которая обнаруживается в категориях фоники, ритмики, в динамике и языковых средствах. Кроме того, о генетической связи двух искусств говорит и использование имплицитной референции – своеобразной «музыкализации» лирического произведения. По мнению автора данного исследования, практически все классификационные способы взаимодействия литературы и музыки, которые выделяют ученые разных гуманитарных областей, представлены в поэзии В. Шаламова.

По воспоминаниям И.П. Сиротинской, Варлам Тихонович говорил ей:

« — То, что я больше всего хотел в детстве — не сбылось. Я хотел быть певцом» [Сиротинская И.П., с. 15]. Ирина Павловна продолжает: «Он сочинял в юности экзотические песни. "У тебя холодные колени..." ("Ориноко"), синеглазые марши, даже исполнял мне их неожиданно высоким и неверным голосом, но — с увлечением» [Сиротинская И.П., с. 15].

Сам В. Шаламов неоднократно говорил (и писал), что музыка и поэзия – очень разные искусства. Из письма Ю. Шрейдеру: «Я избегаю пользоваться музыкальной терминологией - ибо это одна из причин смешения понятий, тормозящая дело. Музыка – абсолютно иное искусство, чем стихи, и пользование ее терминологией только затруднит дело» [Шаламов В., 2004, с. 449]. Ещё одно шаламовское мнение: «Противоречие музыки и поэзии заключается еще и в том, что музыка — интернациональна, тогда как поэзия — глубоко национальна, вся в языке, его особенностях и законах. Столкновение стихов с музыкой дорого обходится поэту. Конечно, стихи Пушкина огрублены музыкой. И дело тут не в том, что что-то потеряно (найден тут ничего быть не может), а в том, что это другой мир» [Шаламов В., 2004, с. 376]. Но, тем не менее, по отношению к поэзии он использует такие выражения: «рождение трезвучия из смысла», «переход к "смежным тональностям" очень привлекателен для поэта в его звуковом поиске» и подобные.

Хотя все же музыка как мотив, как лирический образ шаламовских стихов нами подмечены.

«Басовый ключ», «гитарный строй», «цыганский перебор», «струнный звон», «гитарные колки», «верная нота» - все это элементы лирического сюжета небольшого стихотворения «Басовый ключ...» [Шаламов В., 2020, Т. 1, с. 102].

О кружеве музыки тоски, о «гибкой волне звука» поет скрипач в одноименном стихотворении [Шаламов В., 2020, Т. 1, с. 151].

В стихотворении «Концерт» [Шаламов В., 2020, Т. 1, с. 185] скрипач другой и скрипка уже иная.

Удивительно шаламовское сравнение песенной мелодии и тишины (в целом, мотив тишины – отдельный у В. Шаламова):

Что песня? — Та же тишина.
Захвачено вниманье
Лишь тем, о чем поет она,
Повергнув мир в молчанье... [Шаламов В., 2020, Т. 1, с. 368]

Оксюморонность сопоставлений звуков и тишины, молчания встречаем в стихах Шаламова часто [Шаламов В., 2020, Т. 2, с. 11, 44, 306]. Удивительное по своей музыкальной насыщенности стихотворение без заглавия стоит привести целиком:

Как мало струн! И как невелика
Земная часть рояля или скрипки,
Но это то, что нас ведет века,

Что учит нас и гневу и улыбке.
Ведь сердце бесконечно, как клавиш,
Тот самый строй, куда сумел вместиться
И прошлого и будущего мир,
Трепещущий, как пойманная птица.
*И связь искусства с миром так тонка,
Тонка, и все же так неоспорима.*
Прикосновенье легче мотылька,
И удаление торопливей дыма [Шаламов В., 2020, Т. 2, с. 181].

Оно музыкально по своей сути, по сюжету, поэтике. Обращаем внимание на девятый и десятый стихи (выделены курсивом. – И. Н.): дважды повторенные слова «так» и «тонка» требуют достаточной паузы, осмысления, «вслушивания». Подобные интонационные музыкальные находки нередки у В. Шаламова.

Итак, хотя в его стихах нечасты конкретные музыкальные образы и образы музыки, но звуковой и словесный мир его лирических текстов, его «мирослышание» очень мелодичны.

Глубина стиховедческого эссе В. Шаламова «Звуковой повтор – поиск смысла» не раз отмечалась литературоведами. Здесь писатель пытается аргументировать важный для русского стихотворчества фонетический закон. Он пишет: «Стихотворная гармония зависит от сочетания согласных в стихотворной строке» [Шаламов В., 2013, с. 253], использует понятие «опорные трезвучия» и разрабатывает систему «фонетических классов». Эти идеи воплотились в его лирике (см., в частности, стихи «Лило-вый мед», «Ручей», «Гроза» и др.).

Важным в этом аспекте представляется и размышление поэта о том, «чтобы гласные и согласные буквы представляли собой кристалл геометрической правильности – повторяемый звуковой узор» [Шаламов В., 2013, с. 254]. Таким образом, проблема звуковой (фонетической) оболочки стихотворений, гармоничная повторяемость звуков (трезвучий), решаемая В. Шаламовым в теоретическом аспекте, проявлена и в его лирике.

Перед обращением к способам «мелодизации» стихотворных текстов В. Шаламов адресуем к его работе «Поэтическая интонация» [Шаламов В., 1998]. Автор эссе уточняет общепринятое значение этого понятия, называет поэтическую интонацию «литературным портретом поэта», «паспортом поэта» и определяет формы ее проявления в стихотворном тексте.

Это в первую очередь инверсия, которая, как известно, усиливает мелодичность фразы, а также «излюбленный размер». Проявлено ли это теоретическое убеждение в шаламовской лирике?

Прием инверсирования достаточно частотный в поэзии Варлама Тихоновича: «Ты югом нагретые руки протянешь на север ко мне» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 78]; «Холодной кистью виноградной стучится утро нам в окно» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 87]; «Судьбу измеряю я мерой на собственный куцый аршин...» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 257] и др.

Излюбленный шаламовский размер – безусловно, ямб. Об этом говорилось и в предыдущих работах [Некрасова И.В., с. 140]: именно двусложные размеры с преимуществом ямба преобладают в сборниках «Сумка почтальона», «Синяя тетрадь», «Лично и доверительно», «Златые горы» и в других. Но помимо всех размеров силлабо-тоники (в стихах Шаламова нередко дактиль, амфибрахий, анапест), поэт как продолжатель традиций не только золотого века русской лирики, но и века Серебряного, использует метрические орнаменты литературного тонического стиха. Вот, в частности, пример акцентного стиха:

Как говорит цензура,	-UU-U-U
Ада — не надо.	-UU-U
Ад — это литература	-UUUUU-U
Дантовского склада [Шаламов В., 2020, Т.2., с. 203].	-UUU-U

Обратим внимание на шаламовский комментарий к стихотворению «В воле твоей» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 321]: «Я полагал, что эти восемь строк — оптимальный, по мнению Пастернака, размер для русского лирического стихотворения — не уступают пушкинскому „Я вас любил“...» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 545] (цитата сокращена. — И. Н.). Из этого признания вытекает читательское ожидание ямба. Но перед нами — вполне органичный, «правильный» дактиль. Он, впрочем, буквально разбивается в первой строфе ритмом 1 и 4 стихов:

<i>В воле твоей — остановить</i>	1-4-6
Этот поток запоздалых признаний.	1-4-7-10
В воле твоей — разорвать эту нить	1-4-7-10
<i>Наших воспоминаний</i> [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 321].	1-6 (выделено мной. — И. Н.)

Так строгая силлабо-тоника превращается, на наш взгляд, в логаэд.

Вернемся к «излюбленному» шаламовскому размеру. Двусложная силлабо-тоника активно использует пиррихии. Этот прием, как известно, придает поэтическому тексту певучесть, гибкость, создает особую ритмическую интонацию и порождает у читателя/слушателя особенный эмоциональный отклик. Пиррихий «размывает» двустопные стихи, эти строчки хочется растянуть, пропеть, замедлить темп чтения.

В двухтомнике В. Шаламова в «Новой Библиотеке Поэта» находим пространный авторский комментарий к стихотворению середины 1950-х гг. «Раковина»: «Каждое мое стихотворение — и „Раковина“ в том числе — представляет собой поиск, вооруженный самыми последними достижениями русской лирики XX века»; а также признание, что это стихотворение «с технической стороны отличается особым ритмическим узором» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 551]. Как же он проявлен? В. Шаламов буквально «играет» со строчными ударениями, допускает их многочисленные пропуски.

Так, в заключительной строфе он ставит подряд три и даже пять безударных слогов:

И пусть не будет обнаружена	У- У - У У У- У У	2-4-8
Последующими веками	У- УУ УУ У- У	2-8
Окаменевшая жемчужина	УУ У- УУ У- УУ	4-8
С окаменевшими стихами [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 347].	УУ У- УУ У- У	4-8

Интересный факт: стиховеды признают, что в русском четырехстопном хорее существует такая ритмическая тенденция — использовать пиррихии в первой стопе, а во второй практически никогда, в третьей — редко. У В. Шаламова эта тенденция, как видим, нарушается.

Но есть и противоположные, достаточно редкие образцы.

В составе письма Ю. Шрейдеру, опубликованному впервые в журнале «Вопросы литературы», есть текст позднего, 1975 г., стихотворения В. Шаламова, который, по словам самого поэта, является «вариацией стихотворения» адресата Ю. Шрейдера «Каплет дождь святой водичкой на висок...» [Шаламов В., 1989, с. 227]. Сами по себе рассуждения В. Шаламова по поводу этого текста очень своеобразны и точны. В экспромте-вариации он показывает возможности использования разностопных стихов и демонстрирует практическое отсутствие пиррихий в хоре.

Стихотворение объемное, в нем 52 стиха, а пиррихии лишь в девятнадцати. Приведем некоторые из них:

Каплет дождь святой водичкой:	-У -У -У -У	1-3-5-7
Дьявол пьет,	-У -	1-3
Тычет в лед зажженной спичкой,	-У -У -У -У	1-3-5-7
Таает лед [Шаламов В., 2020, Т.2., с. 270].	-У -	1-3

Здесь, кстати, активно используется В. Шаламовым разностопный метр, который мы считаем довольно репрезентативным «музыкальным» моментом поэзии В. Шаламова. Он нередко использовал и разностопные стихи (сочетание коротких — длинных строк), и просто двух- трехстопные, т. е. очень короткие стихи.

В уже упомянутом мной письме Ю. Шрейдеру Варлам Тихонович написал, что «укороченные строки широко применял Блок», а сочетание четырех- (трехстопных) стихов с одно- двустопными находим в лирике А. Фета [Шаламов В., 1989, с. 238]. В этом случае возникает уникальный четкий темпоритм, который ассоциируется с танцевальной – вальсовой, маршевой, мазурочной и пр. – ритмикой. Некоторые примеры здесь уже приведены.

Заключительные строфы стихотворения «Прихожу я слишком рано...» демонстрируют равномерное использование поэтом полных четырехстопных и двустопных стихов:

Я топчу ногами камень
В нетерпении.
В клочья рву цветы руками
В иступлении.

Я ломаю ветки-метки,
Знаки речи.
Очерчу границы клетки
Человечьей [Шаламов В., 2020, Т.2., с. 211].

В поэзии В. Шаламова используется не только метрическое, но и строфическое разнообразие. Конечно же, в его стихах преобладают четверостишия с традиционной рифмой. Но сегодня нужно отметить приверженность В. Шаламова к суперкоротким строфическим формам, к двух- и трехстишиям, и этот момент заслуживает пристального внимания. В процессе исследования найдены несколько десятков (более сорока) подобных примеров. Они звучат как музыкальные темы, фразы.

Например, двустишия, слышимые как моностихи:

Я выбрал черную дорогу,
Я выбрал черную весну...

Друзья мои все умерли давно,
И я один сражаюсь в одиночку [Шаламов В., 2020, Т.2., с. 280].

Ты ведь знаешь сама:
Тишина — это тьма.

Звуки — света лучи!
О, запой! Закричи!

Постучи в мою дверь,
Постучи хоть теперь [Шаламов В., 2020, Т.2., с. 276].

Не удержал усилием пера
Всего, что было, кажется, вчера.

Я думал так — какие пустяки!
В любое время напишу стихи.

Запаса чувства хватит на сто лет —
И на душе неизгладимый след.

Едва настанет подходящий час,
Воскреснет все — как на сетчатке глаз.

Но прошлое, лежащее у ног,
Просыпано сквозь пальцы, как песок,

И была живая поросла быльем,
Беспамятством, забвеньем, забытием... [Шаламов В., 2020, Т.2., с. 248].

В рамках сегодняшней темы отдельного внимания требует кантата Михаила Гоголина «Silentium» (2015) на стихи В. Шаламова. Композитор рискнул объединить средства словесной и музыкальной выразительности в координатах достаточно редкого сегодня жанра кантаты и преуспел в этом. Стихи В. Шаламова, ставшие основой произведения, действительно очень музыкальны, они требуют проговора, пропевания, они словно рассчитаны на подобную музыкальную интерпретацию.

Вполне ожидаемым стало начало: в первой части композитор использует отрывки из поэмы «Аввакум в Пустозерске». Середина произведения – это музыкальная версия потрясающей «Камеи». За этой частью следует седьмая – «Я беден, одинок и наг...». Пронзительно, практически «а капелла» звучит в исполнении женских сопрано заглавный «Silentium». То есть ожидания тех слушателей, кто знает шаламовскую лирику, вполне удовлетворены. Известнейшие стихотворные тексты В. Шаламова задействованы композитором.

Выбор некоторых других текстов удивил и обрадовал. Можно считать большой удачей композитора оригинальное музыкальное прочтение стихотворения «Моя мать была дикарка...» [Шаламов В., 2020, Т.2., с. 197]. Это вторая часть кантаты М. Гоголина. Здесь, как и в других частях, композитор достаточно вольно обращается с текстами, но такой подход к литературной основе, во-первых, легитимен, во-вторых, оправдан.

Двустихия В. Шаламова в этом произведении помогают музыканту. Он меняет темп исполнения, делает паузы, активно использует повторы двустихий, отдельных стихов, фраз. Номер построен на многоголосии, и это создает впечатление диалога, размышления.

В третьей части нежданно сплетены стихи «Я нищий - может быть, и так...» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 302] и «Так вот и хожу на вершок от смерти...» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 214]. Написанные в разное время, стихи различны по движению лирических сюжетов. Но они близки пафосно. По признанию композитора, объединение в один номер этих двух стихотворений произошло спонтанно.

Обе строфы стихотворения «Я нищий...», а затем и повтор первой строфы, вначале слышатся в исполнении солиста-тенора. Звучание очень личностное, доверительное. Второй текст исполняется хором. Здесь использовано хоровое фугато, своего рода «нестрогая» фуга. Она позволяет не только сменить настрой на тревожный, мучительный, но и насладиться многоголосием, столкновением тембров, певческих голосов. Затем следует уже хоровое исполнение всего первого стихотворения в ином – торжественном звучании. А в финале номера вновь звучит теноровое соло – медленно, протяжно, печально.

М. Гоголин почувствовал шаламовскую привязанность к разностопным стихам. Но в лирике этот прием используется для выделения коротких стихов, для концентрации внимания на них.

В музыке же несколько иначе. В части «Я беден, одинок и наг...» композитор музыкально выравнивает разностопность стихотворения. Солист растягивает слова, в буквальном смысле их пропевает. Другой пример находим в заключительном номере кантаты. «Я разорву кустов кольцо, уйду с поляны...» [Шаламов В., 2020, Т.1., с. 167] – стихотворение достаточно лиричное. Но оно поставлено в финал, поэтому здесь слышится мощное форте, эмоционально сильное хоровое исполнение. То есть перед нами вариант преображения словесного текста посредством музыки, его новое толкование.

Выводы. Собранный материал о явной музыкальности поэзии Варлама Тихоновича Шаламова значителен и с трудом влез бы в рамки данной статьи. В связи с этим позволим себе некий промежуточный вывод. Триединство звука, слова и смысла в поэзии В. Т. Шаламова явлено в том числе посредством ее особой музыки.

Источники:

1. Шаламов, В. Звуковой повтор – поиск смысла [Текст]: Шаламов В. Т. Собр. соч. в 6-ти т. + 7 т., доп. Т. 7, до-полнительный. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – С. 251–267.
2. Шаламов, В. Искусство поэзии (письмо Ю. Шрейдеру) // Вопросы литературы. – 1989. – №5. – С. 227.

3. Шаламов В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 1066 с.
4. Шаламов, В. Поэтическая интонация [Текст]: Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 4-х т. / [Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской]. Т. 4. – М.: Худож. лит.: ВАГРИУС, 1998. – С. 304–313.
5. Шаламов, В. Т. Стихотворения и поэмы: в 2 томах / вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Есипова. – СПб. : Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020.

Литература:

1. Абдуллаев, Е. Остановите музыку // Арион. – 2018. – №1. – С. 18-30.
2. Васина-Гроссман, В. А. Музыка и поэтическое слово. – М.: Музыка, 1978. – 365 с.
3. Макарова, С. А. «Музыка» стиха в эстетике А. А. Фета и русских символистов. – Тамбов: Грамота, 2017. – №1(67): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 37-41.
4. Некрасова, И. В. Теоретическое наследие Варлама Шаламова и его поэзия: опыт литературоведческого интегрирования // Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В.Т. Шаламова (к 110-летию со дня рождения). – М.: Голос, 2017. – С. 137–144.
5. Сиротинская, И. П. Мой друг Варлам Шаламов. — М.: Б. и., 2006. — 199 с.
6. Шульдишова, А. А. Музыкальность как фундаментальная составляющая лирического образа: на материале творчества А. Блока: Дисс... канд филолог. н. – Донецк, 2017. – 350 с.

THE MUSICAL CODE OF VARLAM SHALAMOV'S POETRY

© 2025 I.V. Nekrasova

*Irina V. Nekrasova, PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor at Department of Literature, Journalism
and Teaching Methods*

E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru

**Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia**

The article is devoted to the problem of intermediality, the interaction of literature (poetry) and music in the lyrical heritage of V. T. Shalamov. It is noted that the boundaries and forms of manifestation of the concept of "musicality in literature" are not sufficiently formed in literary and cultural studies. In the poetic heritage of Varlam Shalamov, such vivid manifestations of intermediality as the penetration of musical motifs and images into the lyrical text are found; examples of "musicalization" of poetic texts using sound repetitions, poetic intonation (in particular, using inversion) are considered. The article focuses on the variety of metrical and strophic techniques and forms to create a special musical sound of the poet's poems. The intensity of synthetic trends in the culture of the XXI century It is confirmed in the article by the analysis of the cantata by the modern composer Mikhail Gogolin "Silentium" based on V. Shalamov's poems. The melodic interpretation of the poet's famous and less popular poems fully reflects their musicality, the verbal text is modified through music, and sometimes receives a different interpretation.

Keywords: intermediality, mutual influence and mutual attraction of literature and music, musicality of Varlam Shalamov's poetry, music as a motive and lyrical image, metrical and strophic diversity, M. Gogolin's cantata "Silentium"

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-48-55

EDN: XOVVIM

References:

1. Shalamov, V. Zvukovoi povtor – poisk smysla (Sound repetition - the search for meaning) [Текст]: Shalamov V. T. Sbr. soch. v 6-ti t. + 7 t., dop. T. 7, do-polnitel'nyi. – М.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2013. – S. 251–267.
2. Shalamov, V. Iskustvo poezii (pis'mo Iu. Shreideru) (The art of poetry (letter to Yu. Shreider)) // Voprosy literatury. – 1989. – №5. – S. 227.
3. Shalamov V. Novaia kniga: Vospominaniia. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela (New book: Memories. Notebooks. Correspondence. Investigative files). – М.: Izd-vo Eksmo, 2004. – 1066 s.
4. Shalamov, V. Poeticheskaiia intonatsiia (Poetic intonation) [Текст]: Shalamov V. T. Sbr. soch.: V 4-kh t. / [Sost., podgot. teksta i primech. I. Sirotinskoi]. Т. 4. – М.: Khudozh. lit.: VAGRIUS, 1998. – S. 304. – 313.
5. Shalamov, V. T. Stikhotvoreniia i poemu: v 2 tomakh (Poems and verses: in 2 volumes) / vstup. stat'ia, sostavlenie, podgotovka teksta i prime-chaniia V. V. Esipova. – SPb. : Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Vita Nova, 2020.

1. Abdullaev, E. Ostanovite muzyku (Stop the music) // Arion. – 2018. – №1. – S. 18-30.
2. Vasina-Grossman, V. A. Muzyka i poeticheskoe slovo (Music and the poetic word). – M.: Muzyka, 1978. – 365 s.
3. Makarova, S. A. «Muzyka» stikha v estetike A. A. Feta i russkikh simvolistov ("Music" of verse in the aesthetics of A. A. Fet and Russian symbolists). – Tambov: Gramota, 2017. – № 1(67): v 2-kh ch. Ch. 2. – C. 37-41.
4. Nekrasova, I. V. Teoreticheskoe nasledie Varlama Shalamovva i ego poeziia: opyt literaturovedcheskogo integrirovaniia (Theoretical heritage of Varlam Shalamov and his poetry: an experience of literary integration) // Poezd Shalamova. Problemy rossiiskogo samosoznaniia: sud'ba i mirovozzrenie V.T. Shalamova (k 110-letiiu so dnia rozhdeniia). – M.: Golos, 2017. – S. 137 – 144.
5. Sirotinskaia, I. P. Moi drug Varlam Shalamov (My friend Varlam Shalamov). – M.: B. i., 2006. – 199 s.
6. Shul'dishova, A. A. Muzykal'nost' kak fundamental'naia sostavliaiushchaia liricheskogo obraza: na materiale tvorchestva A. Bloka (Musicality as a fundamental component of the lyrical image: based on the work of A. Blok): Diss... kand filolog. n. – Donetsk, 2017. – 350 s.

УДК 821.112.2 (Немецкая литература)

АНТОНИМИЯ КАК БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕСУРС (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА «ИЗГНАНИЕ»)

© 2025 М.М. Халиков

Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, старший научный сотрудник

Института базовой подготовки

<https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

E-mail: magomed_samara@mail.ru

Приволжский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.02.2025

Статья посвящена исследованию отдельно взятого аспекта феномена языковой антонимии – ее необратимости в процессах коммуникации, невозможности ее замены другими средствами языкового выражения в определенных типах речевых контекстов. Обосновывается точка зрения о глубинной сущностной укорененности антонимии во внеязыковой действительности, а также о ее приоритетном статусе в систематике языковых явлений, что объясняется фундаментальной конструктивной значимостью принципа бинарно-оппозиционного структурирования в онтологии физического мира, сознания и языковой деятельности. Картина мира дает много примеров бинарных архетипов, функционирующих как порождающая модель сложно-организованных систем. Мифология, представляющая собой первый человеческий опыт художественно-мировоззренческой рефлексии над действительностью, построена на системе простейших архетипических противопоставлений – таких, как «свой-чужой», «свет-тьма», «добро-зло», «хаос-порядок», «центр-периферия» и т. д. В истории интеллектуальной культуры принцип бинарных оппозиций выступает как важнейший фактор осуществления и репрезентации деятельности сознания, человеческого мышления, культурного опыта. В языке семантическая противоположность проявляет себя как предшествующий научному анализу опыт естественно сложившейся систематизации в сфере семантических отношений. В процессах коммуникации антонимия выступает как уникальный ресурс языковой репрезентации, находящийся в отношениях взаимообусловленной функциональной корреляции с определенными типами контекстов и предметно-референтных ситуаций. В произведениях словесности дискурсивным коррелятом языковой антонимии является художественный контраст, реализуемый, по преимуществу и наиболее ярко, в классических моделях антитезы и оксюморона. Богатый иллюстративный материал такого рода предоставляет исследователю анализируемый в статье роман Лиона Фейхтвангера «Изгнание».

Ключевые слова: антонимия и ее неязыковые корни, Лион Фейхтвангер, роман «Изгнание», антиномичность как черта идиостиля, психический мир и взаимоотношения персонажей, антитеза, оксюморон

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-56-69

EDN: YJMDEG

Введение. Проблематика антонимии, плодотворно разрабатывавшаяся в 60–80 гг. прошлого столетия, не находится в центре внимания современной лингвистики, что объясняется прежде всего происшедшим в ней за последующий период переходом от изучения языковой парадигматики (системные отношения в языке, семантика единиц разных уровней, номинативные техники) к исследованию его синтагматики, в результате которого в фокусе научной рефлексии оказались вопросы когнитивной и прагматической организации дискурса, смыслообразования в контексте, взаимодействия языка и культуры. Другим фактором, возможно, стала исчерпанность, вследствие интенсивной разработки, сложившегося во внутрилингвистическом пространстве репертуара исследовательской антонимической проблематики и обусловленная этим невозможность серьезного идейно-концептуального прогресса в этой области. Между тем в современной науке, рассматриваемой как глобальный эпистемологический дискурс, можно найти идеи и перспективы для активизации исследований вопросов языковой антонимии. Таким методологическим ориентиром может служить тезис о сущностном изоморфизме феноменов бытия, об архетипических универсалиях, объединяющих явления материального

мира, сознания, языка. В рамках такой концепции антонимия может трактоваться как частный момент глобальной онтологии мира, что, с одной стороны, позволяет установить ее сущностное и генетическое родство со многими фундаментальными явлениями внеязыковой действительности, а с другой – выявить то уникальное в субстанции антонимии, что делает ее незаменимым ресурсом в процессах коммуникации. Попыткой обоснования этой исследовательской платформы и является данная публикация.

История вопроса. В рамках исследовательской парадигмы, ориентированной на выявление системно-семантических корреляций в языке, проблематика антонимии разработана основательно и в разных аспектах. Выполнены фундаментальные монографические работы по лексической (Л.А. Новиков [11]) и грамматической (Н.Б. Баева [3]) антонимии. В научных публикациях и учебниках по стилистике представлен разноплановый анализ экспрессивного функционирования категории семантической противоположности в художественном, публицистическом, обиходно-речевом дискурсе. Проблематика антонимии находится в фокусе внимания и такого исследовательского направления, как лингвистическая теория перевода, поскольку метод антонимического перекодирования широко применяется в практике перевода, когда прямые лексические соответствия в двух языках отличаются коннотациями и необходимо найти способ адекватной передачи сверхденотативной информации.

Методы исследования. В работе обозначена возможность расширения научно-методологической платформы для продолжения исследований в области языковой антонимии с новыми акцентами. Контуры такой платформы определяются с использованием метода концептуального анализа. При интерпретационной работе с эмпирическим литературно-художественным материалом применяются методы семантического и коммуникативно-прагматического анализа.

Результаты исследования. В рамках данного проекта решались две задачи: 1) поиск, анализ и дискурсивная актуализация научно-теоретической информации, связанной с перспективой включения проблемы антонимии в актуальную парадигму «глобальной» науки, в которой все больше сторонников находит концепция онтологического изоморфизма между объектами и явлениями физического мира, сознания и языка, которая, в свою очередь, открывает возможность рассматривать языковую антонимию как частный аспект общей картины мира и безальтернативный коммуникативный ресурс; 2) лингвопрагматический анализ романа Лиона Фейхтвангера как произведения, в идейно-художественном пространстве которого важнейшим принципом организации повествовательного дискурса выступает когнитивно-семантическая категория противоположности.

Внеязыковая сущностная укорененность антонимии. Практически неисследованным аспектом феноменологии антонимии остается глубинная детерминированность категории семантической противоположности внеязыковой действительностью, ее сущностные корреляции со многими явлениями физического мира и духовной сферы.

Антонимия – это проекция на языковую субстанцию универсально-конструктивного принципа дихотомической, по формуле диалектического единства противоположностей, организации материального мира, когнитивного пространства и знаково-коммуникативной деятельности человека. Антонимия – в той же мере явление лингвистическое, имманентно-языковое, в какой и экстралингвистическое, корнящееся в глубинных структурах неязыковой субстанциональности мира и нашего познавательного опыта. Лексическая антонимия – особый, частный аспект категории семантической противоположности в языке, которая, в свою очередь, выступает как вербальная репрезентация дихотомической картины мира, в основании которой лежит когнитивная модель оперирования противоположностями.

Первый опыт философского осмысления категории противоположности принадлежит Гераклиту (540-480 до н.э.), который сформулировал свое понимание этого явления в виде ряда тезисов: 1) мир состоит из противоположностей; 2) противоположности сущностно предполагают друг друга и ведут между собой борьбу; 3) противоположности переходят друг в друга. Противоположности не только формируют субстанциональность мира, но и определяют его эволюционную динамику. Всякое развитие и изменение вещей «возможно только как единство противоположностей, понимаемого Гераклитом и в виде непрерывного перехода из одной противоположности в другую...и в виде единства

уже сформировавшихся противоположностей»¹. Более поздние, включая и новейшие, теории феномена противоположности не внесли ничего принципиально нового в понимание сущности этого явления, они представляют собой концептуальное развитие, инструментальное применение или спецификацию в каком-то отношении античных тезисов, взятых в совокупности или по отдельности.

Важное место в современной концепции категории диалектической противоположности занимает ее понимание как одной из онтологических формообразующих универсалий, как архетипической конструкционной модели мира и сознания. В частности, идеи Гераклита находят отклик в теориях, проливающих свет на процессы образования материи, происходящие на квантовом уровне (в предельном микромире). Согласно одной из таких теорий, процесс порождения физической субстанции происходит «как виртуальный процесс взаимопорождения и взаимоуничтожения электронов и позитронов в электромагнитном поле и как виртуальный процесс непрерывного взаимопревращения нейтрино и антинейтрино в слабом поле» [Арлычев А.Н., с. 166]. Таким образом, жизнь элементарных частиц может служить иллюстрацией к тезису о единстве и борьбе противоположностей. Примечательно в этом плане и то, что некоторые элементарные частицы представляют собой внутренне противоречивую сущность, могут обладать и положительной, и отрицательной энергией.

Дискурсивными маркерами (проводниками) идеи о бинарно-оппозитивной организации объективной действительности, лежащей в основе современной научной картины физического мира, являются регулярно используемые в современных научных текстах термины *макромир/микромир, живая/неживая природа, рождение/умирание, электрон/позитрон, вещество/антивещество* и многие другие. В этом же ряду следует назвать слова-антонимы, используемые для описания различных процессов, происходящих в материальном (физическом) мире – такие, как *тепло/холод, движение/покой, приближение/удаление, увеличение/уменьшение* и т.д. Добавим также, что многие термины, используемые в инструментарии естественных наук, представляют собой концепты с семантикой противоположности: *анализ/синтез, индукция/дедукция, плюс/минус* и т.д.

В последнее время набирает все больше сторонников теория глобального онтологического изоморфизма, построенная на идее тождества феноменов различной субстанциональности – физического мира, сферы сознания, языка – по признаку их генетического и глубинно-структурного родства. Например, в качестве такого функционально-интегрального явления бытия и культуры рассматривается жанр, проявляющий себя в эпистемологическом плане как универсальная генеративная модель конструирования различных природно-социальных феноменов. Такая точка зрения высказана недавно саратовским лингвистом В.С. Вахрушевым: жанр характеризуется им как «идеальная модель, генерирующая явления не только дискурсивного, но и социального, культурного, исторического процессов..., элемент макросистемы “жанр-текст-человек-общество-культура-природа”»; при этом отмечается «наличие изоморфизма между жанрами текстов и жанрами иных форм жизни: биологической, социально-бытовой и исторической» [Вахрушев В.С., с. 18].

Традиционно антонимия рассматривается как сугубо лингвистическое явление, иногда – сквозь призму логической категории противоположности. Думается, что ввиду усиления позиций теории универсализма в современной науке и философии можно в трактовке этого явления выйти за пределы собственно-лингвистической проблематики и попытаться выстроить интерпретационную модель, учитывающую сущностную укорененность антонимии в реалиях экстралингвистической действительности. Антонимию можно рассматривать в ряду явлений, которые, подобно жанру, объективированы в качестве инвариантной модели (матрицы) структурирования феноменов различной природы, включая предметно-материальный мир и сферу сознания.

Роль категории противоположности (когнитивной антонимии) в организации духовно-интеллектуальных практик. Принцип структурирования по модели актуализации противоположностей характерен и для дискурсивных сфер человеческого сознания, мыслительной и творческой деятельности. «Изначально заложенная в бинарном архетипе идея напряженного диалога антиномичных величин предопределила строй человеческого мышления» [Большакова А.Ю., с. 52]. Автор цитируемой

¹ Философская энциклопедия. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – С. 353.

статьи делает указанный вывод после знакомства с рядом публикаций, в которых исследователи делаются наблюдениями и открытиями, сделанными в ходе разработки различных проблем истории духовной культуры. Назовем некоторые из них. В основе мировой мифологии лежат бинарно-оппозитивные модели «добро/зло», «низ/верх», «тепло/холод», «свет/тьма», «мужское/женское»; в Библии заметную содержательно-композиционную роль играет противопоставление «*священных городов*» (Вифлием, Иерусалим) и «*проклятых городов*» (Содом и Гоморра); в художественной литературе, прежде всего – русской, множественно-вариативное воплощение получило противопоставление концептов «*идиллия/жестокая реальность*». Еще один интересный пример. В 70-е гг. прошлого века известный лингвист А. Жолковский провел фокусный анализ поэтической картины мира А.С. Пушкина, в ходе которого было установлено, что ключевую роль в организации художественно-текстового пространства поэта играет «амбивалентное противопоставление “изменчивость/неизменность”», которое в многообразных концептно-лексических вариациях присутствует в значительной части произведений поэта. Если «в физической зоне “изменчивость/неизменность” предстает виде противопоставлений “движение/покой”, “хаотичность/упорядоченность”, “прочность/разрушение”, “газообразность/жидкость”, “мягкость/твердость”, “легкость/тяжесть”, “жар/холод”, “свет/тьма”, в биологической – “жизнь/смерть”, “здоровье/болезнь”, то в психологической – “страсть/бесстрастие”, “неумеренность/мера”, “вдохновение/отсутствие вдохновения”» [Цит. по: Большакова А.Ю., с. 52].

Поэзия – область, где господствует принцип: меньше слов – больше смысла. Одним из способов реализации этой установки является семиотическое усложнение текста, придание ему семантической многоплановости, создание эффекта смысловой интриги для читателя. Некоторые типы антонимических контекстов, например оксюморон, успешно решают эту задачу. Регулярность появления и прагматическая нагруженность таких словесных композиций свидетельствует о той или иной специфике индивидуального художественного стиля автора. Исследование, посвященное особенностям функционирования эпитетов у Марины Цветаевой, показало, что для этого аспекта творчества поэта характерны такие приемы организации текстового пространства, как парадоксальное сближение лексических антонимов в единой предметно-референтной конструкции, создание семантически-противоречивых контекстов, игра с контрастами. «Особенностью конструирования атрибутивных словосочетаний поэта является употребление эпитетных слов с противоположным значением в составе единого эпитетного комплекса» [Губанов С.А., с. 32]. Исследователь называет антонимичность базовой чертой идиостиля поэта.

По бинарно-оппозитивной модели, как дискурсивно-текстовые традиции принципиально различной онтологии, актуализованы в сфере словесно-художественного творчества стихи и проза. При этом сама возможность их противопоставления, как правило, воспринимается как частный аспект некоей общекультурной парадигмы противоположностей, построенной на глубинных философско-мировоззренческих контростроениях; ср.: «противопоставление поэзии в прозы в русской литературе XIX в. воспринималось на фоне общей антиномии построенного, искусственного, ложного, с одной стороны, и природного, безыскусственного, истинного – с другой» [Лотман Ю.М., с. 142].

В масштабе всего культурного опыта человечества могут быть противопоставлены отдельные системообразующие сегменты этой сферы. При этом сама предметная область этой культуры не может быть представлена как двухэлементная антиномичная конструкция. Например, в общем многообразном спектре художественно-литературных систем, выделяемых в истории культуры, по указанной модели дифференцированы, пожалуй, только романтизм и реализм – соответственно как установка на приукрашивание действительности (создание ложной картины мира) и фактологически-точное воспроизведение положения вещей (т. е. достоверной, истинной картины мира).

В построении отдельных областей знания можно усмотреть интенцию дихотомического структурирования на базе архетипической контрарной оппозиции. Так, этика, наука о нравственности, воплощающая собой огромный пласт тысячелетней духовной культуры человечества, при рассмотрении в плане своеобразия ее семантической макроструктуры (по ван Дейку), предстает перед нами как гигантский текст (дискурс), спроектированный по дихотомическому принципу – путем расширительного развертывания элементарной, по своему бытовому прагматическому применению, семантической оппозиции *добро-зло*. Простая обыденность языкового сознания и коммуникативного обихода, более известная в виде тривиальных диалогических апелляций «*Что такое хорошо?/Что такое*

плохо?», стала структурно-семантической (концептуально-идеологической) основой огромного, не-обозримого в своей глобальности, многомерного системно-автономного научного дискурса. В подобном же методологическом ключе может рассматриваться и эстетика, наука, дискурсивная макроструктура которой построена по формуле семантико-оценочной дифференциации антонимичных концептов *прекрасное-безобразное* в формате обособленной научной парадигмы.

Приоритетный статус антонимии в систематике языковых явлений. Есть языковые данности, природа и сущность которых раскрывается и концептуализируется сознанием в окончательной ясности путем соотнесения с реалиями объективной действительности, с теми или иными фрагментами картины мира; например, категория процессуальности у глаголов или предметности у существительных осознается нами в проекции на соответствующие им индивидуально-образные представления о движении/динамике и предметно-материальной организации внешнего мира. Порядок следования сказуемых в крылатой фразе «*пришел, увидел, победил*» в точности воспроизводит чередование событий в реальной жизни (синтаксический иконизм). Напротив, противопоставление залоговых форм *актив-пассив* никак не мотивировано явлениями окружающей действительности; грамматическая оппозиция в паре предложений *Рабочие строят дом* и *Дом строится рабочими* совершенно не коррелирует с различиями в характере протекания события в реальной жизни. Это явление внутренней системности языка, имматериальный артефакт, созданный изобретательным интеллектом человека.

Антонимия, как уже показано выше, относится к первой группе языковых явлений. Возможность наглядно-образной репрезентации отражаемых сущностей путем их проецирования на сенсорно-эмпирический познавательный опыт человека становится существенно значимым признаком, по которому они выделяются в общей номенклатуре единиц и средств, используемых в качестве инструментально-понятийного аппарата в процессах углубления и совершенствования наших знаний о мире. Категория противоположности служит общим конструктивным принципом организации языка и внеязыковой действительности, в силу этого языковая антонимия воспринимается сознанием-подсознанием как некая эмпирически достоверная реальность, как элемент моделирующей системы, в которой воспроизводится сама объективная реальность. В этом проявляется своеобразный иконизм антонимии, способность быть наглядной и достоверной иллюстрацией того, что объективно присутствует во внеязыковой действительности. Свойственный антонимии в указанном смысле эвристический потенциал нельзя отрицать.

Важно отметить когнитивно-операциональную функциональность антонимии. Категория противоположности, будучи универсальной конструктивной основой картины мира, моделирует и систематизирует значительную часть доступных человеческому восприятию сущностей. Лингвистическая уникальность антонимии предопределена тем, что в объективной физической реальности выделяются такие явления, как *верх-низ, маленький-большой, холод-тепло, начало-конец, далекое-близкое* и т. д., а феномены сознания репрезентируются, оцениваются, аккумулируются и транслируются путем проецирования на семантические оппозиции *свой-чужой, истина-ложь, любовь-ненависть, хороший-плохой* и множество других. Особо следует подчеркнуть, что упомянутые сегменты мира денотатов изначально выделяются, фиксируются и актуализируются нами как сущности, релевантные для сознания исключительно в своей дихотомически-оппозитивной природе (противоположности, по Геродоту, предполагают друг друга). Не существует иного способа концептуальной и семантической рецепции противоположностей, кроме как в их взаимоотражении. Таким образом, антонимия играет ключевую роль в познавательной деятельности сознания и языка, функционирует как уникальный инструмент когнитивного моделирования мира, который никаким другим инструментом заменить нельзя. Это их свойство находит непосредственное отражение в лексикографической практике: составители толковых одноязычных словарей довольно часто используют прием демонстрации антонимов при объяснении значения слова. Антонимия свойственна главным образом абстрактной лексике, этим обусловлены многие лингвистические характеристики слов с противоположным значением; например, термины *польза* и *вред* не могут быть представлены в виде наглядных эмпирических сущностей (в отличие от автобуса, который можно нарисовать), в этом случае дидактически-эффективным инструментом при объяснении значения слова становится указание на его антоним.

Особое положение антонимии в систематике языковых явлений обусловлено еще и тем, что основной корпус антонимических понятийных противопоставлений носит глобально-интернациональный, универсально-лингвистический характер: они встречаются во всех или в абсолютном большинстве языков; например, трудно представить язык, в котором не было бы экзистенциально незаменимых лексико-понятийных оппозиций *далекий-близкий*, *темный-светлый*, *сытый-голодный* и др. Такая эмпирическая тотальность не свойственна ни одной другой семантической категории.

Принципиально важно обратить внимание на отношение антонимии к явлениям информационной энтропии. Язык представляет собой синергетический объект, отличающийся всеми существенными характеристиками последнего: открытостью, структурной сложностью, изменчивостью, нелинейностью, способностью к самоорганизации. Живой функционирующий язык находится в состоянии постоянного взаимодействия, энерго-информационного обмена с окружающей средой – социальной, ноосферной, семиосферной. Это принципиальное отличие языка от изолированных систем предполагает его подверженность процессам диссипации (рассеивания) информации, ср.: «Для изолированной системы, которая ничем не обменивается с окружающей средой, поток энтропии равен нулю, по определению» [Пригожин И.Р., с. 172].

Антонимы представляют собой готовые микросистемы и сложившиеся константы в постоянно трансформирующемся открытом пространстве языка, самым фактом своего существования они создают впечатление о системно-структурной интенциональности языка, о его диалектической противоречивой природе, сочетающей в себе противоположно направленные тенденции развития – к порядку и хаосу, экономии и избыточности, статике и динамике и т.д. Антонимы способствуют сокращению меры неупорядоченности, неопределенности в языке, они долигвистичны по своей природе, возникают задолго до формирования научно-рефлексивной картины языка, своим примером способствуют развитию системных исследований субстанции языка. Важнейшие когнитивные операции человеческого интеллекта – сравнение и систематизация предметов и явлений внешнего мира, поиск закономерностей, управляющих природными процессами. (Они значимы не сами по себе, а прежде всего для использования полученных знаний в повседневной практике жизни, для обеспечения условий благополучного самосохранения человеческого рода.) Антонимы не только органично вписываются в указанную классификационную стратегию нашего сознания, в определенном смысле они способствуют ее возникновению, представляют собой осуществление этой стратегии в субстанции языка как рельефного образца упорядоченности, готовой модели для системно-структурного анализа. Антонимы – элемент самоорганизации языка, материальное воплощение его формообразующей интенции, той стороны его сущности, которая прототипически определяет предметно-диалогический характер научно-рефлексивной деятельности. То, что в языке антонимия выступает в качестве фактора преодоления энтропии, существенным образом отличает ее от другой фундаментальной семантической категории – синонимии, которая вносит в систему языка элемент разнообразия, а значит – и динамической нестабильности, связанной с необходимостью осуществления выбора и сопутствующей ему постоянно критической рефлексии («Правильно ли это?»). «Синонимия – явление, увеличивающее энтропию и в речи, и в языке» [Некипелова И.М.], и, поскольку в этом случае мы говорим о сущностно релевантной характеристике языка как целесообразно функционирующей интеллектуально-информационной системы, нельзя согласиться с бытующими в лингвистике мнениями о тождестве обеих семантических категорий или гипо-гиперонимических отношениях между ними; ср. в этой связи: «Частным случаем синонимических отношений между словами можно считать антонимию» [Денисов П.Н., с. 101].

Все уровни и аспекты языковой субтанциональности охвачены категорией противоположности. На уровне фонетическом работает принцип эстетических контрастов (*приятное-неприятное* звучание речи); в грамматике выделяются активные и пассивные формы глагола, прошедшее и будущее время; стратегии речевых действий варьируются в зависимости от противоположно-ориентированных векторов интенциональности (например, желания *возвысить* или *унизить* собеседника).

Проблема антонимии не замыкается пространством языка, семантическая противоположность выступает как прямое диалектическое воплощение в субстанции языка особой стратегии нашего сознания и мышления, референтной целевой областью приложения которой являются тонкие когнитивные пограничные стыки между тем, что мы знаем и не знаем, понимаем и не понимаем. Вполне очевидно присутствующие в нашем рационально-познавательном опыте амбивалентные явления окружающей

действительности и охотно генерируемые нами в мыслительных и коммуникативных практиках двойственные (противоречивые, парадоксальные) концепты должны иметь свои средства вербальной репрезентации. Примечательно, что многие из антиномически-построенных высказываний выступают как некие культурно-исторические константы, (элементы универсального разума), воспроизводимые в различные эпохи и в разных предметно-тематических контекстных актуализациях. Часто цитируемое в философском дискурсе о противоречиях откровение Гераклита «Путь вверх есть путь вниз» выступает как прообраз появившегося через 2000 лет в другом культурно-историческом контексте романа Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз» («Up the Down Staircase»), а эпистемологическая максима нового времени «Всякое понимание есть непонимание» (Гумбольдт) концептуально воспроизводит другую античную мудрость – «Явление есть видение невидимого» (Анаксагор). Формула синтеза противоположностей не только не противоречит объективной картине мира и не попадает в ряд хрестоматийных аномалий, напротив, при глубинно-сущностном анализе она выступает как единственный в своем роде момент необходимости в работе нашего сознания, как функция, организующая конструктивно-смысловые интенции человека.

Именно поэтому Гераклит говорит о единстве/совмещении противоположностей как о некоей гармонии; в ее силовом плодотворном поле формируется «символический язык, которым мы пытаемся выразить то, что невозможно выразить в предметном языке» [Мамардашвили М.К., с. 106].

Антонимы как безальтернативный ресурс художественной выразительности. Предметно-тематические области, связанные с развертыванием художественно-повествовательного дискурса, типологически разнообразны и бесконечны в своей комбинаторике и вариативности. Таков природа самой жизни и окружающей действительности, семиотической моделью которой является художественная литература (по Лотману Ю.М.). Предметно-референтная специфика текста в решающей степени влияет на выбор средств языкового выражения, на характер применения лексико-грамматических ресурсов и формирование ассоциативно-коннотативного контекста повествования. Описание батальных сцен предполагает актуализацию военной терминологии и рельефно-выраженной патриотической позиции повествователя. Романтический дискурс предпочитает лексику и фразеологию, раскрывающую светлые лирические чувства, характеризуется гармонией ритмико-интонационного и фоно-стилистического строя, склонен к эффектам семантической многоплановости. Таким образом возникает устойчивая системно-закономерная корреляция между субстанцией языка и предметно-содержательными запросами дискурса. Заметим попутно, что в этом взаимодействии и взаимоотражении двух аспектов бытия языка проявляется его единство с речью как функциональным воплощением первого и – в проекции на проблематику общей лингвистики – справедливость позиции исследователей, возражающих против идеи противопоставления языка и речи как онтологически различных сущностей.

Существуют определенные типы контекстов и предметно-референтных областей художественного дискурса, для которых применение антонимических ресурсов языка является насущной потребностью, а во многих случаях – и единственной возможностью своего речевого исполнения. Поскольку с применением иных средств языка эти художественно-повествовательные задачи не могут быть решены, то возникает особого рода системность метаязыкового уровня, когда в дискурсивно-языковом сознании указанная корреляция выступает как эмпирически очевидный факт, как особое измерение коммуникативно-языкового сознания.

К числу контекстов упомянутого типа относятся прежде всего предметно-событийные ситуации, раскрывающие изначально-сущностную противоречивость явлений окружающей действительности и вследствие этого интенционально ориентированные на изображение описываемого фрагмента мира по модели бинарной (антитезной) оппозиции. В данной содержательной области литературы антонимы выступают как единственно возможные, принципиально безальтернативные средства языкового выражения. Рецепция сущностного и оценочно-прагматического антагонизма явлений внеязыкового мира сигнификативно коррелирует с антонимическим пространством языка и монопольно контролируется им. При этом важно отметить, что речь идет не о конкретике языкового материала, не о тех или иных вполне определенных, отобранных для данного случая антонимических парах, ко-

торые при желании можно заменить на другие, синонимичные или парафразистические, а об антонимии как фундаментальной семантической категории в феноменологии языка, как специфическом качественном свойстве лингвистического материала, коррелирующем со структурно-функциональными особенностями мышления и отражающего мир сознания.

Написанный в период с 1935 по 1939 гг., антифашистский роман Лиона Фейхтвангера «Изгнание» повествует о немецкой творческой интеллигенции, эмигрировавшей во Францию после прихода нацистов к власти в Германии. Ключевую роль в организации идейно-художественного пространства романа играет концептосфера антонимии. Имплиcitная антонимия содержится уже в названии романа, оно по существу означает «драма невозможности жить на родине», т.е. ассоциативно воспринимается как репрезентант семантической оппозиции *родина-чужбина*. Тематическая доминанта романа – противоборство идеологий фашизма и антифашизма. Конструктивно-значимым фоном повествования выступает рефлексивный дискурс о свободе и отсутствии свободы. Сами немцы-эмигранты идеологически расколоты, часть из них ненавидит фашизм, часть явственно симпатизирует ему. Роман начинается с эпиграфа к первой книге – цитаты из И.В. Гете, смысловым центром которой является антитеза *Stirb und Werde* «Умри и воскресай», настраивающая читателя на заданный модус восприятия содержания и философию оптимизма. Эксплицитно и имплицитно на страницах романа регулярно и в различных лексических реализациях встречаются парно-антонимичные концепты *истина-ложь, разум-чувства, порядок-хаос, любовь-ненависть, дружба-вражда* и некоторые другие. Художественное мышление писателя дихотомично, ориентировано на изображение действительности как макроструктуры, организованной как пространство воплощения, сосуществования и взаимодействия противоположностей. Неудивительно, что текст романа насыщен антонимическими контекстами, они явно превалируют над другими видами языковых структур, используемых писателем для воплощения художественного замысла в словесно-текстовой конкретике.

Указанная корреляция между парадигматикой языка и синтагматикой художественной речи находит воплощение в стилистических фигурах контраста – антитезе и оксюморе, причем последний представляет собой структурно-прагматический вариант первой; универсальная когнитивная модель антитезы преобразована в случае оксюморона так, что в качестве ее референта выступает единичный объект, интерпретируемый как внутренне-противоречивая (конституируемая как единство противоположностей) сущность.

Художественная коммуникация имеет своей целью и творческое самовыражение автора, и оказание определенного воздействия на интеллектуально-эмоциональную личность адресата. При этом автор стремится к полноте самовыражения и достаточной эффективности воздействия, поэтому он выбирает на каждом этапе работы над художественным текстом те средства и приемы, которые могут обеспечить необходимо релевантный, по его мнению, результат, причем делает это во многих случаях с запасом, избыточно, по модели амплификации. К числу приемов максимализации коммуникативно-прагматической действенности текста относится контраст – конструктивный прием, применяемый для усиления эстетической и прагматической эмоциональности отдельного текстового фрагмента или всего текста во многих видах интеллектуально-творческой деятельности. Контраст, независимо от сферы его применения, характеризуется сочетанием ряда типологических признаков: он отличается строго бинарной структурой, наличием двух статусных семантических центров; в основе отношений между образующими контраст элементами лежит семантическая противоположность; эти элементы относятся к явлениям идентичной субстанциональности (слово – слово, цвет – цвет, ритм – ритм и т. д.); контраст может быть реализован в различных линейно-синтагматических формулах (полиструктурность); формирующие контраст противоположности не рядоположены механически (как в случае *черно-белого кино*), а взаимодействуют друг с другом, генерируя в синтезе новые смысловые и стилистические нюансы; для экспрессивного подчеркивания контраста могут применяться другие приемы организации текста: синтаксический параллелизм, фоностилистические композиции, паронимия, ритмический повтор и т.д.

Исследователи отмечают ключевую роль контраста в формировании художественно-текстового пространства – не только в сфере изящной словесности, но и в других видах творческой деятельности (живописи, музыке, архитектуре и т. д.). «Контраст в художественной культуре является базовым коммуникативным принципом» [Балкинд Е.Л., Пунтус Е.Ю., с. 77]. В литературно-художественных текстах основным языковым ресурсом для реализации приема контраста является лексическая антонимия, а

наиболее предпочтительной моделью, оптимально приспособленной для контрастно-экспрессивного выдвижения текстового сегмента, – антитеза, фигура речи, в которой лексическая противоположность солидарно акцентируется синтаксически-конфронтативным рисунком высказывания или группы высказываний. Можно предположить, что данная видовая сфера коммуникативно-речевой экспрессивности возникла благодаря наличию антонимии в языке, с целью создания максимально выигрышных контекстных условий для реализации ее стилистико-выразительного потенциала. Понятийно-сущностная связь между антонимией и антитезой подчеркивается и идентичностью корневой морфемы в обоих терминах.

Антитеза – одно из самых изученных явлений в языке; наша задача – показать ее текстотехнически необратимый характер в определенных типах контекстов, невозможность реализации стилистического приема как такового без привлечения средств антонимической номинации.

В указанном отношении наибольший интерес представляют нечастые даже в художественных текстах антитезные конвергенции – сегменты текста, многократно интенсифицирующие семантику противоположности посредством комплексного (интегрального, ансамблевого) использования разноплановых по статусу, но прагматически однонаправленных лингвистических средств. Фактором, обеспечивающим единство и взаимодействие этих средств, выступает некая антонимическая оппозиция, имплицитно (на уровне архисемы, не в лексической репрезентации) присутствующая во всех лексических парах, образующих прагматически усиленную антитезную композицию. Рассмотрим пример (курсивное выделение в цитатах из романа – автора статьи; в скобках указаны страницы извлечения цитат):

So hat er zu spüren bekommen, was *Heimat* ist und was *Fremde*, was *Gebundenheit* und was *Freiheit*, was *Unsicherheit* und was *gefestigte Stellung* [Feuchtwanger L., s. 148] / Так он почувствовал, что такое *родина* и что такое *чужбина*, что такое *связанность по рукам и ногам* и что такое *свобода*, что такое *неуверенность* и что такое *прочное положение*².

Данное художественное высказывание примечательно тем, что порождающей моделью для него послужила речемыслительная прототипическая конструкция *тезис-антитезис*, которая выступает здесь как полновесный, наряду с другими лингвистическими средствами, конструктивный элемент текста; более того – она в решающей степени определяет характер отбора и линейной организации этих средств. Интегральная имплицитно-оценочная антонимическая пара – «*благо-зло*» (или ее гиперонимический вариант «*хорошо-плохо*»). Приемы прагматической интенсификации: повтор, параллелизм, ритмика. Вывод очевиден: данная единица текста антиномична уже в момент зарождения и предполагает исключительное (безальтернативное) использование лексических антонимов для своего языкового воплощения. Интегральная по отношению к ним архисемная антонимическая пара и является целевым объектом референции.

Весьма эффектно смотрятся антитезные контексты, оформленные в виде синтаксически параллельных предложений с антонимами в симметричных позициях:

“Es gibt eine Grenze, einen ganz bestimmten Punkt, wo *der anständige Mensch aufhört* und *der Lump beginnt*” [Feuchtwanger L., s. 654] / Существует некая граница, конкретная точка, где *кончается порядочный человек* и *начинается подлец*.

Структура антитезы может использоваться как образцовая модель для необычной концентрации средств языковой экспрессии; при этом антитеза выступает в обрамлении целой серии разноплановых приемов речевой выразительности, интегрируемых по принципу стилистической конвергенции. В таких незначительных по объему фрагментах текста достигается неординарная плотность прагматически нагруженной языковой субстанции и, как следствие, высокая интенсивность речевого воздействия. Пример из авторского послесловия к роману:

Häufig sagt das Herz *nein* zu dem, was die *Vernunft bejaht*, häufig *strebt* das Gefühl dem zu, was der *Verstand verneint* [Feuchtwanger L., s. 814] / Часто *сердце говорит нет* тому, что *утверждает разум*, часто наши чувства жаждут того, что *отвергает здравый смысл*.

² Здесь и далее перевод М.Х.

В цитируемом высказывании мы встречаем комплекс приемов, усиливающих экспрессию антонимического контраста: синтаксический параллелизм, синонимический повтор (*Herz-Gefühl, Vernunft-Verstand*), полный лексический повтор (*häufig*), контекстуальную синонимию (*bejahen-zustreben*), повтор корневой морфемы с варьированием семантико-стилистического профиля (*nein sagen-verneinen*), фигуру хиазма, легкий ритмический ход фразы.

Не представляется возможным иное словесно-субстанциональное воплощение приведенных художественно-речевых фрагментов, кроме как с использованием антонимов.

Генеративная антитезная модель является источником так называемой контекстуальной (оказиональной) антонимии. Она и запускает механизм семантического переформатирования слов, не образующих семантической противоположности на уровне языковой системы, для реализации антитезной интенции. И здесь функция (установка на контрастное изображение) первична по отношению к речевой субстанции:

Er wußte von allein, wann Zucker anzuwenden war und wann die Peitsche [Feuchtwanger L., s. 418] / Он понимал с самого начала, когда применять *пряник* (букв.: *сахар*), когда *кнут*.

Лексика с конкретно-предметной референцией, инертная в плане антонимообразования на уровне языковой системы, попадает в силовое поле антитезной интенции и генерирует производные контекстуальные семы, репрезентирующие семантическую оппозицию «*поощрение-наказание*».

По ходу чтения романа бросается в глаза, что для создания стилистического контраста автор охотнее использует okazjiональную (контекстуальную) антонимию, что объясняется желанием добиться новизны и идиостилевой оригинальности языкового выражения путем дистанцирования от слишком очевидных и тривиальных системно-лексических семантических связей. Особенно это заметно в случаях антонимического употребления имен собственных:

...höchst jämmerlich hockte er da, verfallen, ein Häuflein Unglück, keineswegs dem Präsidenten Lincoln ähnlich [Feuchtwanger L., s. 520] / ...с плачевно *жалким* видом приютился он на своем сиденье, *раздавленный, гряда несчастья*, совершенно не похожий на *президента Линкольна*.

Другой прием придания индивидуально-стилевой окраски фигурам стилистического контраста заключается в создании нарочитой количественной и качественной асимметрии между противопоставляемыми лексическими группами:

Er, der sonst so *Liebenswürdige, Ölige*, wiederholte *scharf, trocken, präzis und böse* seine Forderung [Feuchtwanger L., s. 519] / Он, обычно сама *любезность, елейность*, повторил свое требование *резко, сухо, педантично и озлобленно*.

Здесь мы наблюдаем типичный случай нарушения принципа аналогии и прогнозируемой регулярности межсловных связей по ряду параметров: количество (2 и 4), отсутствие линейного параллелизма, оформление в виде разных частей речи, присутствие антонимически-инертных по системной семантике лексем *ölig* и *präzis*, аритмичность противопоставляемых рядов.

Примеры с контекстуальными антонимами важны, поскольку они наглядно показывают, как интенциональность высказывания определяет его словесно-субстанциональное наполнение. В контексте обсуждаемой темы необходимо напомнить, что контекстуальная антонимия во всех случаях интерпретируется как таковая (как антонимия) исключительно в проекции на системно-языковую семантическую оппозицию, которая присутствует в таких высказываниях в качестве имплицитного их элемента, выступающего в роли безальтернативного языкового средства реализации антитезной установки автора.

В творчестве Л. Фейхтвангера заметным элементом повествовательного дискурса является образ маски, который позволяет автору раскрыть двойственность, противоречивую человеческую сущность персонажа или отобразить ситуации разоблачения, развенчания его привычного социального образа. Антонимы – наиболее пригодный материал для демонстрации двойственной идентичности персонажа:

Allmählich aber begann ihre *Zuversicht* eine Maske zu werden, und dahinter lag *Verzagtheit, graue Verzweiflung* [Feuchtwanger L., s. 692] / Однако, постепенно ее *уверенность*, начала превращаться в маску, а за ней скрывалось *уныние, серое отчаяние*.

Здесь также обращает на себя внимание упомянутый выше прием асимметричного оформления фигуры контраста; синонимический повтор по типу градации, а также появление эпитета во втором

звене антитезной группы усиливают повествовательную динамику, иконически подчеркивают различия в степени интенсивности испытываемых чувств. Концепт маски может быть и лексически не выражен: *Er ist rachsüchtig, nachträgerisch, so großzügig er sich gibt* [Feuchtwanger L., s. 422] / Он мстителен, злопамятен, хотя пытается выглядеть великодушным.

Наряду с термином *Maske*, в романе можно обнаружить и другие лексические единицы, используемые автором в качестве сигнальных маркеров идеи антитезного противопоставления: *Kontrast, Widerspruch, im Gegenteil, Pol, weder...noch, sonst, zugleich* и некоторые другие. Они нейтральны в экспрессивно-стилистическом плане, но в контекстах указанного типа выполняют важную функцию регулятора смыслового и тонального движения текста, общая экспрессивная настроенность фразы окрашивает их соответствующим образом. Их употребление в высокой степени синхронизировано с появлением в тексте антитезной синтаксической модели, реализуемой посредством системно-языковых или контекстуальных антонимов.

Антонимы незаменимы и в тех типах событийно-референтных контекстов, которые подчеркивают кардинальные изменения, происшедшие в изображаемом предмете или ситуации. Эти изменения мыслятся как трансформирующие сущность предмета описания диаметрально-противоположным образом, причем во многих случаях в коммуникативном фокусе высказывания оказывается сам факт происшедших перемен, а не их предметно-содержательная специфика, определяемая семантикой антонимичных лексем. Перемены изображаются либо как протекающие по временной оси, либо – как детерминированные изменением предметно-событийной или социокоммуникативной ситуации, ср. соответственно:

Mit angenehmer Verwunderung nahm man wahr, wie bescheiden und rücksichtsvoll der früher so überhebliche, rechthaberische Mann sich gab [Feuchtwanger L., s. 710] / С приятным удивлением все наблюдали, как скромно и тактично стал вести себя прежде столь высокомерный и несговорчивый господин.

Gab sich Friedrich Benjamin gemeinhin freundlich, gefällig, ja kleinlaut, so zeigte er sich manchmal, und gerade dann, wenn man es am wenigsten erwartete, böseartig und gereizt [Feuchtwanger L., s. 710] / Фридрих Бенжамин обычно бывал приветлив, любезен, и даже кроток, но иногда, особенно когда этого ждали меньше всего, он становился озлобленным и раздражительным.

Важнейшим конструктивным принципом художественной системы Л. Фейхтвангера является идея единства противоположностей, которое мыслится им как естественный атрибут социальной действительности (отношения между людьми) и внутренней психической жизни персонажей. Тема сосуществования противоположных начал в природе человека и в его отношении к миру – одна из центральных и лейтмотивных в творчестве писателя. В абстрагировании от содержательной конкретики произведений, на метатекстовом уровне анализа, эту особенность художественной системы можно трактовать как способ экспликации ключевой мировоззренческой позиции автора – мысли о принципиальной невозможности понять противоречивую сущность человека.

Представление о синкретизме контрастных качественных признаков может быть синтаксически оформлено в виде перечислительного ряда:

...seine freche, scheußliche, stolze, erbarmenswürdige strahlende Jugend [Feuchtwanger L., s. 676] / ...его наглая, отвратительная, гордая, проклинаемая, блистательная юность.

Встречаются парные сочинительные конструкции с антонимичными компонентами:

Niemals hatte er das Glück und die Qual der Arbeit so von innen her gespürt... [Feuchtwanger L., s. 719] / Никогда он не чувствовал счастье и муки работы с таким напором, идущим изнутри; ...er spürte gleichzeitig Schrecken und Freude [Feuchtwanger L., s. 424] / ...он чувствовал одновременно ужас и радость.

Детерминант *gleichzeitig* семантически анонсирует появление лексической группы с антонимичными компонентами.

Классический тип оксюморона – атрибутивное словосочетание, в составе которого невозможно реверсирование подчинительных связей, – отличается экспрессией компактности и в наибольшей степени имплицитно представляет о противоречивой дуалистичности предмета описания. Примечательная особенность таких композиций – семантическая многоплановость, диалогичность, игровые

эффекты (когнитивный вызов: как это возможно?), ср.: *bitteres Lächeln* [Feuchtwanger L., s. 298] / горькая улыбка, *grimmiger Spaß* [Feuchtwanger L., s. 147] / лютое удовольствие. Такие примеры довольно тривиальны.

Более интересный случай – когда в пределах малого контекста фигура оксюморона встречается дважды:

Selbst Marieclaude gab zu, dass Monsieur Heydebrechts *täppische Korrektheit* nicht eines gewissen Nilpferd-*Charmes* entbehre [Feuchtwanger L., s. 238] / Даже Мариклод признавалась, что угловатая тактичность мусье Хайдебрегга не лишена некоторого обаяния бегемота.

Очарование такого примера – в его ироническом звучании, а в плане техники номинации обращает на себя внимание неявная антонимичность сочетающихся элементов.

Антонимы и построенные на ней фигуры речи – приоритетный словесно-выразительный ресурс писателя. Об этом свидетельствует и частотность их присутствия в тексте (во всех типах речи – авторской, внутренней, косвенной и т. д.) и невероятная изобретательность автора в плане выявления и контекстного оформления антонимических отношений. Особенно наглядно это проявляется в примерах, когда антонимические композиции выступают парами, по-разному актуализируя идею тождества противоположностей:

Ein *bitterer Erfolg*: der *Triumph* dieses Trautwein ist die *Niederlage* Erichs [Feuchtwanger L., s. 673] / Горький успех: триумф Траутвайна стал поражением для Ериха.

Для языкового воплощения формулы оксюморона используются две разные схемы: атрибутивная группа, создающая эффект броской асимметрии компонентов, и стройная конструкция простого предложения, отвечающая стандартам пропорциональности. Разнообразие выполняет важную психологическую роль: оно нейтрализует впечатление об избыточном присутствии однородного языкового материала, т.е. следует принципу «насытить, но не надоедать».

Выводы. Антитеза и оксюморон занимают центральное место в импликационном поле концепта антонимии. При мысли о функционировании антонимов в речи эти структуры первыми всплывают в сознании. Система язык-речь работает по принципу субстанциональной аддитивности: то, что есть в языке, есть именно потому, что оно есть в речи; и то, что есть в речи, есть потому, что язык допускает возможность его появления. Антонимия – структурированная абстрактная модель отдельно взятого аспекта речевой практики – опыта репрезентации явлений внешнего мира с использованием мощного когнитивно-психологического потенциала фигуры контраста. Как и любое другое явление действительности, контраст онтологически ориентирован на наличие средств, дающих возможность максимальной самореализации. Этой питательной почвой для него является системно-языковая семантическая противоположность (антонимия).

Источник:

Feuchtwanger, L. *Exil. Aufbau*. – Verlag Berlin, 1956. – 816 s.

Литература:

1. Арлычев, А. Н. Эволюция вселенной: формальная и субстратная модель // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 160-171.
2. Балкинд, Е. Л., Пунтус, Е. Ю. Контраст как коммуникативный принцип художественного текста (на примере изобразительного искусства) // Культурная жизнь Юга России. – №1 (84). – 2022. – С. 72-79.
3. Боева, Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: дисс... д-ра филол. Наук. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2001. – 366 с.
4. Большакова, А. Ю. Архетип-концепт-культура // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 47-57.
5. Вахрушев, В. С. Жанры в пространстве культуры и вне ее // Жанры в пространстве культуры: Весы. Альманах гуманитарных кафедр Балашовского филиала Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2005. – № 30. – С. 4-20.
6. Губанов, С. А. Когнитивно-семантическая концепция эпитетного комплекса в творчестве М.И.Цветаевой. Автореферат дисс....доктора филол. наук. – Ставрополь. 2023. – 48 с.
7. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
8. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Эксмо, 2023. – 448 с.
9. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.

10. Некипелова, И. М. Синонимия: языковая избыточность, энтропия, рост информации // Современные исследования социальных систем (Электронный научный журнал). – 2015. – №10 (54). – С. 134-148. – URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.02.2025).
11. Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 289 с.
12. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

ANTONYMY AS UNREPLACEABLE KOMMUNICATIVE RESOURCE (CASE STUDY OF L. FEUCHTWANGER'S NOVEL «EXILE»)

© 2025 M.M.Khalikov

*Magomed M. Khalikov, Doctor of Philological Sc., Professor,
Senior Researcher of Basic Training Institute*

<https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

E-mail: magomed_samara@mail.ru

*Volga Region State Transport University
Samara, Russia*

The article is devoted to the study of a particular aspect of the phenomenon of linguistic antonymy – its irreversibility in the processes of communication, the impossibility of its replacement by other means of linguistic expression in certain types of speech contexts. The article substantiates the point of view about the deep essential rootedness of antonymy in extralinguistic reality, as well as its priority status in the systematics of linguistic phenomena, which is explained by the fundamental constructive significance of the principle of binary-oppositional structuring in the ontology of the physical world, consciousness and linguistic activity. The picture of the world provides many examples of binary archetypes functioning as a generative model of complexly organized systems. Mythology, which is the first human experience of artistic and ideological reflection on reality, is built on a system of the simplest archetypal oppositions, such as "friend or foe", "light-darkness", "good-evil", "chaos-order", "center-periphery", etc. In the history of intellectual culture, the principle of binary oppositions acts as the most important factor in the implementation and representation of the activity of consciousness, human thinking, and cultural experience. In language, semantic opposition manifests itself as an experience of naturally formed systematization in the sphere of semantic relations, which precedes scientific analysis. In the processes of communication, antonymy acts as a unique resource of linguistic representation, which is in a relationship of interdependent functional correlation with certain types of contexts and object-reference situations. In works of literature, the discursive correlate of linguistic antonymy is artistic contrast, which is realized primarily and most vividly in the classical models of antithesis and oxymoron. Rich illustrative material of this kind is provided to the researcher by the novel by Lion Feuchtwanger "Exile" analyzed in the article.

Key words: antonymy and its non-linguistic roots, Lion Feuchtwanger, the novel "Exile", antinomy as a feature of the idiosyncrasy, psychic world and relationships of characters, antithesis, oxymoron

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-56-69

EDN: YJMDEG

References:

Feuchtwanger, L. *Exil. Aufbau*. – Verlag Berlin, 1956. – 816 s.

1. Arlychev, A. N. Evolyutia vselennoy: formalnaya i substratnaya model (Evolution of The Universe: the Formal and Substrate Model) // *Voprosi filosofii*. – 2007. – № 9. – С. 160-171.
2. Balkind, E. L., Puntus, E. Y. Kontrast kak kommunikativniy princip khudozhestvennogo teksta (na primere isobrazitel'nogo iskustva) (Contrast as Communicative Principle of the Artistic Text) // *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*. – №1 (84). – 2022. – С. 72-79.
3. Boeva, N. B. Grammaticheskaya antonimiya v sovremennom angliyskom yazike (Grammatical Antonymy in Modern English): diss...d-ra filol. nauk. – М.: Mosk. ped. gos. un-t, 2001. – 366 s.
4. Bolshakova, A. Yu. Archetip-concept-kultura (Archetype-Concept-Culture)// *Voprosi filosofii*. – 2010. – № 7. – С. 47-57.

5. Vakchrushev, V. S. Zhanri v prostranstve kultury i vne eye (Genres in the Space of Culture and outside of it) // Zhanri v prostranstve kultury: Vesny. Almanach gumanitarnich kafedr Balashovskogo filiala Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.G. Chernishevskogo. – 2005. – № 30. – S. 4-20.
6. Gubanov, S. A. Kognitivno-semanticheskaya konceptsiya epitetnogo kompleksa v tvorchestve M.I.Tsvetayevoy (Cognitive-Semantic Conception of Epithet Complex by M.I.Tsvetayeva). Avtoreferat diss...d-ra filol. nauk Stavropol. – Ставрополь. 2023. – 48 s.
7. Denisov, P. N. Leksika russkogo yazyka I prinstipi eye opisaniya (Lexis of Russian Language and Principles of its description). – M.: Russkiy yazik, 1980. – 253 s.
8. Lotman, Yu. M. Struktura chudozhestvennogo teksta (The Structure of the Artistic Text). – M.: Eksmo, 2023. – 448 s.
9. Mamardashvili M.K. Lektsii po antichnoy filosofii (Lectures on Ancient Philosophy). – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012. – 320 s.
10. Nekipelova, I. M. Sinonimiya: yazykovaya izbytochnost, entropiya, rost informatsii (Synonymy: Redundancy of Language, Entropy, Development of Information)//Sovremennye issledovaniya sotsialnich system (Elektronnyy nauchnyy zhurnal). – 2015. – №10 (54). – S. 134-148. – URL: www.sisp.nkras.ru (data obrashcheniia: 01.02.2025).
11. Novikov, L. A. Antonimiya v russkom yazike (semanticheskii analiz protivopozhnosti v leksike (Antonymy in Russian Language: Semantic Analysis of Oppositions in Lexis). – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973. – 289 s.
12. Prigozhin, I. R., Stengers, I. Poryadok iz chaosa. Noviy dialog cheloveka s prirodoy (Order from the Chaos. A New Dialogue of Humans with The Nature). – M.: Progress, 1986. – 432 p.

УДК 304.444: 009 (Возможность сознательного изменения социальных и культурных реальностей. Социальные и культурные возможности. Социальные и культурные чаяния / Гуманитарные науки в целом)

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В БИБЛИОТЕКАХ США И РОССИИ

© 2025 Д.С. Дёмкина

*Дёмкина Дарья Сергеевна, аспирант, преподаватель кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов*

E-mail: darya.d.47@yandex.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия

Статья поступила в редакцию 07.02.2025

В статье рассматривается тема ограничений в книжной сфере в библиотеках России и США на современном этапе. Тема исследования раскрывается за счет выявления особенностей законодательств двух стран на конкретных примерах изъятий и ограничений книг в американских школьных библиотеках и библиотеках России. Основанием критериев сопоставления ограничений выступили организационные основы, роль государственных и общественных организаций, особенности их взаимодействия и мотивы запретов на ту или иную литературу. На основе выборки примеров, которую определили хронологические рамки и сфера их распространения, проводятся параллели между библиотеками США и России. В результате исследования делается вывод о том, что современное состояние нормативно-правовой базы этих стран имеет как много общих черт, так и различий. Так, в этих странах действует маркировка информационной продукции, схожи и причины, по которым хотят оградить детей от тех или иных произведений. Однако анализ законодательной системы России позволяет утверждать, что она напрямую связана с ограничениями на распространение спорной литературы, и из открытого доступа могут быть исключены материалы только по решению суда и в соответствии с действующими в стране законами, в отличие от США, где запреты на книги часто вступают в противоречие с Первой поправкой к Конституции и происходят под давлением общественности.

Ключевые слова: законодательство, спорная литература, ограничения, Россия, США

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-70-80

EDN: XRHPAO

Введение. Вопрос книжных ограничений в библиотечном деле на сегодняшний день является актуальным на международном уровне, что подтверждают регулярно появляющиеся в профессиональных журналах и СМИ обзоры текущего состояния дел в этой области. Несмотря на то, что цензура на государственном уровне в традиционном нам понимании запрещена, тем не менее, проблемы ограничений в сфере библиотечного дела продолжают возникать в глобальном информационном пространстве и, следовательно, требуют тщательного анализа. Особенности законодательной системы, ограничивающей распространение спорной литературы, мы продемонстрируем на примере России и США, где цензура отсутствует на законодательном уровне.

Методы исследования. Для изучения современного состояния были проанализированы законодательные системы двух стран, которые отражают положение дел в области свободы слова и информации в библиотеках, непосредственно связанных с доступом к информации и ее распространением. Цель статьи, состоящая в рассмотрении особенностей законодательной системы России и США и характеристике случаев изъятий и ограничений в американских школьных библиотеках и библиотеках России, достигается путем применения сравнительно-сопоставительного метода.

История вопроса. После официального закрытия Главлита в 1991 г. книжная цензура была уничтожена впервые в истории России. Изменения начались в 2007 г., когда был создан список экстремистских материалов, включавший в себя в том числе и книги. За ним последовало принятие ряда законов, которыми сегодня и объясняются современные ограничительные меры, в частности: ФЗ от 29.12.2010 года № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», ФЗ от

14.07.2022 года N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». В США запреты книг также явление не новое, но по данным Управления интеллектуальной свободы Американской библиотечной ассоциации становятся все более распространенным явлением и могут являться нарушением Первой поправки к Конституции США. Однако, выявление нарушений является затруднительным, в связи с тем, что существует множество решений Верховного суда США о толковании Первой поправки.

Большинство исследований, посвященных книжной цензуре, освещают советский период, когда государственный надзор за печатью существовал официально. Большой вклад в изучение зарубежного опыта вносят работы Д. К. Равинского [2], который рассматривал проблематику библиотечной цензуры, свободного доступа к информации и интеллектуальной свободы. Проблемы доступа к информации в библиотеках на современном этапе изучает И.А. Трушина [3] и др. Анализ современного теоретико-правового понимания цензуры в условиях ее конституционного запрета посвящены работы С.А. Куликовой [1].

В зарубежной литературе актуальным направлением исследований библиотековедов и ученых является изучение причин цензуры, механизмов ее работы в современном обществе, а также социальная и правовая сторона книжных запретов. Эмили Дж. М. Нокс и Дженнифер Элейн Стил [4] исследуют историю запретов книг и ее современные итерации, а также социальные последствия цензуры. Ави Брисман [3], Шеннон М. Ольтманн [6] и Джун Пиннелл-Стивенс [5] анализируют судебные дела и поднимают вопрос, нарушает ли удаление книг из школьных библиотек Первую поправку или это законный акт со стороны чиновников.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе использованы значимые для научного сообщества материалы из англоязычных источников за последние несколько лет. Сравнительный анализ законов Российской Федерации и США, ограничивающих выдачу определенных книг в библиотеках по тем или иным причинам, ранее не проводился.

Результаты исследования. Первая поправка к Конституции США защищает свободу слова, запрещая издание законов, «ограничивающих свободу слова или печати»¹. Но несмотря на это в американском медийном пространстве за последние годы возросло количество обсуждений, касающихся свободы слова в школьном образовании. Эти дебаты зачастую приводят к противостоянию между защитниками свободы слова и сторонниками цензуры. Библиотечный Билль о правах, принятый Советом Американской библиотечной ассоциации (ALA) 19 июня 1939 г., стал основой для дальнейших разработок прав пользователей библиотек и способствовал появлению новых подходов к библиотечному делу, в которых больше внимания стало уделяться этическим принципам и защите прав личности. В нем содержатся следующие важные положения, которые и сегодня в полной мере выражают отношение библиотечного сообщества США к вопросам доступа к информации. Во-первых, «библиотеки должны предоставлять материалы и информацию, отражающие все точки зрения на текущие и исторические вопросы. Материалы не должны исключаться из-за происхождения, биографии или взглядов тех, кто способствовал их созданию»². Во-вторых, «библиотеки должны бросать вызов цензуре при выполнении своих обязанностей по предоставлению информации и просвещению»³. В-третьих, «библиотеки должны сотрудничать со всеми людьми и группами, заинтересованными в сопротивлении ограничению свободы выражения мнений и свободного доступа к идеям»⁴. В статье мы в том числе изучим, насколько эти положения ALA выполняются американскими библиотеками и в какой степени они отвечают реальной практике библиотек.

Рассмотрим примеры ограничений книжной продукции, их обоснованность и последствия на примере стран России и США. В большинстве стран мира существуют официальные списки запрещенной литературы. Но в отличие от прошлых времен, современные цензоры выступают не против религиозных или идеологических противников, а борются с распространением изданий, разжигающих межнациональную и межрелигиозную рознь и подрывающих нравственные и политические устои государства. С этими целями в России с 2007 г. ведется федеральный перечень экстремистских материалов,

¹ Library Bill of Rights // American Library Association [Electronic text]. – URL: <https://www.ala.org/advocacy/intfreedom/librarybill> (дата обращения: 10.10.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

который размещен на официальном сайте министерства юстиции Российской Федерации. На сегодняшний день в списке содержится 5454 материалов, среди которых: литература, музыкальные произведения, фильмы, веб-сайты, произведения изобразительного искусства⁵. Классических произведений в списке экстремистских материалов нет, но в советские годы, в частности, были запрещены «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, «Лолита» Владимира Набокова, «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, подвергнута цензуре рукопись «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова, даже сказочное произведение «Крокодил» Корнея Чуковского и ряд других произведений, которые сегодня являются классикой, а некоторые входят в школьную программу по литературе и изучаются в старших классах⁶. Наиболее распространенными причинами, из-за которых тем или иным книгам было отказано в печати, были книги, запрещенные по моральным, этическим и религиозным причинам, а также книги, содержащие идеи, противоречащие официальной идеологии, критикующие советское правительство или считающиеся угрозой государственной безопасности. Произведения писателей, эмигрировавших из Советской России, также не издавались, поскольку их авторы считались врагами и предателями Отечества.

В США также в разные годы среди книг, которые запрещались и изымались из библиотек, школ и университетов, оказывались классические произведения: «Великий Гэтсби» Ф. Скотта Фицджеральда (в 1987 г. за упоминание сексуальных сцен), «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера (с 1960-х гг. по 2009 г., за ненормативную лексику и сексуальные отсылки), «Гроздь гнева» Джона Стейнбека (с 1939 по 1993 гг. за ненормативную лексику)⁷ и др.

Профессор школы исследований в области правосудия Восточно-Кентуккийского университета Ави Брисман определяет запрет на книги как форму цензуры, которая случается, когда государственные служащие, частные лица, религиозные группы или другие организации или образования пытаются убрать книги из библиотек, школьных списков для чтения или с полок книжных магазинов из-за возражений против содержания книги, изображений, идей или тем⁸. При запрете книг часто учитываются и стандарты сообщества. Хотя цензура нарушает право на свободу слова, закрепленное в Первой поправке, некоторые ограничения считаются конституционно допустимыми. Суды в США заявили государственным служащим на всех уровнях, что они могут принимать во внимание общественные стандарты при принятии решения о том, являются ли материалы непристойными или порнографическими и, следовательно, подлежат ли они цензуре. Однако они не могут подвергать цензуре публикации общепризнанных авторов чтобы успокоить небольшую часть сообщества⁹.

Противники цензуры часто обращаются к Первой поправке к Конституции. Как пишет Пиннелл-Стивенс: «Основа интеллектуальной свободы в библиотеках заключается в Первой поправке» [Pinnell-Stephens, J., p. 47]. Однако толкование Первой поправки не является чем-то конкретным, и на протяжении всей истории США суды пытались решить, какие свободы на самом деле защищаются Первой поправкой. В единственном деле, дошедшем до Верховного суда по поводу изъятия книг из школьных библиотек «Школьный округ Айленд-Триз против Пико (1982 г.)», суд постановил, что государственные школы могут запрещать книги, которые являются «повсеместно вульгарными» или не подходят для учебной программы, и что свобода действий «должна осуществляться таким образом, чтобы это было в соответствии с императивами Первой поправки»¹⁰. Но в соответствии с другими

⁵ Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации [Текст электронный]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=5&q=%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0> (дата обращения: 15.11.2024).

⁶ Запрещенная литература в СССР // Википедия [Текст электронный]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁷ Banned & Challenged Classics // Banned & Challenged Books. – [Electronic text]. – URL: <https://www.ala.org/advocacy/bbooks/frequentlychallengedbooks/classics> (accessed: 15.11.2024).

⁸ Экстремистские материалы...

⁹ Book Banning // Free Speech Center. – 2024. – 20 sept. [Electronic text]. – URL: <https://firstamendment.mtsu.edu/article/book-banning/> (accessed: 20.11.2024).

¹⁰ Island Trees Sch. Dist. v. Pico by Pico, 457 U.S. 853 (1982) // Ustia U.S. Supreme Court. [Electronic text]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/457/853/> (accessed: 21.12.2024).

постановлениями, касающимися дискриминации по содержанию, они не могут изымать книги «просто потому, что им не нравятся идеи, содержащиеся в этих книгах»¹¹. Однако решение Верховного суда является очень конкретным и касается только изъятия книг из школьных библиотек.

В России цензура запрещена Статьей 29 Конституции РФ¹². В Федеральном законе «О библиотечном деле» (1994 г.) также говорится, что «не допускаются государственная или иная цензура, ограничивающая право пользователей библиотек на свободный доступ к библиотечным фондам...», и в соответствии с законом из фондов библиотек может быть изъяты только материалы экстремистского характера, а также издания организаций, признанных экстремистскими¹³. В федеральный перечень экстремистских материалов России включаются различные документные материалы, признанные экстремистскими и исключенные из открытого доступа только по решению федерального суда, например, литература религиозно-экстремистского содержания, а также произведения по альтернативной истории.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.) библиотекам не разрешается держать в фондах материалы, которые числятся в перечне экстремистских¹⁴. Чтобы помочь библиотекам придерживаться закона Министерство культуры РФ в 2017 г. разработало «Рекомендации по работе библиотек с документами, включенными в федеральный список экстремистских материалов». В соответствии с этим списком библиотеки стали обязаны выверять свои фонды каждые три месяца. В ситуации, когда документ из списка обнаруживался в фонде, то по инструкции, если отсутствуют законные причины его необходимости, он должен быть списан и передан на утилизацию¹⁵. Исключение составляют только библиотеки, являющиеся государственными депозитариями и хранящие обязательный экземпляр.

Так, например, после того, как в январе 2023 г. Росфинмониторинг внес писателя Бориса Акунина (Григорий Чхартишвили)* (признан Минюстом РФ иностранным агентом) в перечень террористов и экстремистов, библиотеки его книги из фондов убирать не стали. Российская библиотечная ассоциация (РБА) опубликовала заявление с правилами, которые помогают понять, в каких случаях допустимо удаление его произведений из коллекций российских библиотек. «В случаях, если автор произведений внесен в список террористов и экстремистов, вопрос о режиме использования его произведений решается только после проведения уполномоченными органами официальной экспертизы о наличии в конкретном произведении элементов экстремизма или пропаганды терроризма и включения произведения в вышеупомянутый список экстремистских материалов»¹⁶. На сегодняшний день неизвестно о каких-либо решениях суда, вынесенных в отношении книг Бориса Акунина, о признании их экстремистскими материалами.

ФЗ от 14 июля 2022 года № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», также повлиял на работу библиотек. Российская библиотечная ассоциация объяснила, что: «Ограничения не распространяются на издания, вышедшие до признания иностранным агентом

¹¹ Island Trees Sch. Dist. v. Pico by Pico, 457 U.S. 853 (1982)...

¹² Конституция Российской Федерации. Статья 29 // Консультант Плюс. – [Текст электронный]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/f703218d9357338507052de484404828b3da468e/ (дата обращения: 11.11.2024).

¹³ О библиотечном деле : Федеральный закон № 78-ФЗ [принят Государственной Думой 23 ноября 1994 года] // Официальный интернет-портал правовой информации [Текст электронный]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033664> (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁴ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон № 114-ФЗ [принят Государственной Думой 27 июня 2002 года] // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Текст электронный]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221> (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁵ Рекомендации по работе библиотек с документами, включенными в федеральный список экстремистских материалов (утв. Минкультуры России 12.09.2017) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Текст электронный]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/rekomendatsii-po-rabote-bibliotek-s-dokumentami-vkliuchennymi-v-federalnyi/> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁶ Заявление РБА: о работе библиотек по исполнению федеральных законов в области соблюдения прав и свобод граждан Российской Федерации // Российская библиотечная ассоциация. – 2023. – 20 дек. [Текст электронный]. – URL: https://www.rba.ru/news/news_6506.html (дата обращения: 11.11.2024).

автора или издательства»¹⁷. Во всех других ситуациях библиотекам рекомендуется не проводить мероприятия для посетителей, не достигших до 18 лет, привлекающих внимание к литературе, носящей политико-пропагандистский характер¹⁸. Так, в ноябре 2023 г. библиотеки в Омске, Красноярске и Новосибирске стали выдавать книги иноагентов только совершеннолетним. Для подтверждения возраста сотрудники библиотек просят предъявить паспорт. Произведения иноагентов также убрали с полок. В министерстве культуры Омской области объяснили, что такие произведения должны маркироваться возрастным цензом 18+, с чем и было связано нововведение. А в Красноярске книги иноагентов в краевой детской библиотеке стали выдавать только по паспорту. По словам одного из сотрудников учреждения, все книги таких авторов в библиотеке помечены знаком 18+, даже несмотря на то, что большинство из них детские или подростковые. Также эти произведения были убраны с полок, и чтобы получить их, нужно целенаправленно спрашивать у сотрудников¹⁹. Депутат Госдумы Анатолий Вассерман назвал инициативу омских, красноярских и новосибирских библиотек полезной и предложил распространить такой опыт на всю страну²⁰.

В США есть свой «Закон о регистрации иностранных агентов» (FARA) принятый еще в 1938 г. и регламентирующий работу организаций, представляющих интересы иностранных компаний и государств в США. Но закон не затрагивает лиц, занимающихся некоммерческой деятельностью в области религии, образования, науки и искусства²¹.

В ноябре 2023 г. международная правозащитная неправительственная организация PEN-клуб подала иск по делу «Книжные люди против Вонга», оспаривая техасский закон HB 900, который требует от книготорговцев оценивать книги, продаваемые государственным школам, на предмет сексуального содержания, а школьные библиотеки обязаны будут отзываться ранее приобретенные книги, попавшие в рейтинг. По нему, учащимся потребуется письменное согласие родителей на чтение подобных книг. Но здесь важно понимать, что рейтинги основаны на расплывчатых и чрезмерно широких критериях и не учитывают контекст, намерения автора, а также различия в возрасте, зрелости и уровне чтения среди всей группы учащихся в Техасе. Ширли Робинсон, исполнительный директор Техасской библиотечной ассоциации, заявила, что ее беспокоит расплывчатость и широта формулировок законопроекта, отмечая, что требования будут нереалистичными и очень громоздкими для реализации²². «Цензурный подход этого закона к литературе в школах противоречит фундаментальным ценностям Первой поправки», – прокомментировала Надин Фарид Джонсон, управляющий директор американского офиса PEN в Вашингтоне²³. И добавила, что: «Законопроект представляет собой опасную попытку со стороны государства вмешаться в искусство и литературу, и его сдерживающий эффект серьезно подорвет творческую свободу писателей»²⁴. Округ Техас также запретил лицам младше 18 лет доступ к «откровенным» или «нежелательным» материалам в любой из семи публичных

¹⁷ Заявление РБА: о работе библиотек по исполнению федеральных законов в области соблюдения прав и свобод граждан Российской Федерации ...

¹⁸ Там же.

¹⁹ В библиотеках российских регионов книги иноагентов начали выдавать по паспортам // Газета.ру. – 2023.

[Текст электронный]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/11/07/17838541.shtml> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁰ Депутат Госдумы Вассерман призвал запретить выдавать детям книги писателей-иноагентов по всей стране // Daily Storm. – 2023. –

[Текст электронный]. – URL: <https://dailystorm.ru/mneniya/deputat-gosdumy-vasserman-prizval-zapretit-vydavat-detyam-knigi-pisateley-inoagentov-po-vsey-strane> (дата обращения: 12.11.2024).

²¹ Foreign Agents Registration Act // U.S. Department of Justice. [Electronic text]. – URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (дата обращения: 21.12.2024).

²² Abbott signs law banning ‘sexually explicit’ books from schools, requiring new rating system // Texas Public Radio. – 2023. – June 14. [Electronic text]. – URL: <https://www.tpr.org/education/2023-06-14/abbott-signs-law-banning-sexually-explicit-books-from-schools-requiring-new-rating-system> (дата обращения: 21.12.2024).

²³ PEN America Files Amicus Brief in Case Against Texas Law Requiring Ratings for Sexual Content on Books Sold to Public Schools // PEN America. – 2023 [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/press-release/pen-america-files-amicus-brief-in-case-against-texas-law-requiring-ratings-for-sexual-content-on-books-sold-to-public-schools/> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁴ Там же.

библиотек города. Согласно новым правилам, директор библиотеки обязан группировать книги по жанрам в детском разделе, а также маркировать и ограничивать доступ к книгам сексуального характера для несовершеннолетних²⁵.

Еще один Закон HB 843 штата Теннесси расширяет «Закон о материалах, соответствующих возрасту» от 2022 г., и ожидается, что он также приведет к росту запретов на книги. Закон, вступивший в силу в июле 2024 г., теперь требует от школ изымать книги, содержащие «наготу, «чрезмерное насилие или контент, связанный с сексом». Он также уполномочивает государственную комиссию оценивать определенные оспариваемые названия и запрещать книги по всему штату²⁶. Отчеты PEN America показали, что школьная система округа Кларксвилл-Монтгомери в Теннесси разослала список книг округа Уилсон в качестве «ресурса» для библиотекарей и администраторов, чтобы «серьезно рассмотреть» его при проверке своих коллекций в соответствии с законодательством штата²⁷.

В Юте по состоянию на июль 2024 г. было запрещено 13 книг по всему штату в соответствии с недавно принятым законопроектом HB 29. Этот закон является «самым экстремальным государственным законопроектом о запрете книг» и устанавливает то, что PEN America назвала «Списком запрещенного чтения» в школах по всему штату. Согласно закону, если должностные лица не менее трех школьных округов или не менее двух школьных округов и пяти чартерных школ определили, что книга представляет собой «объективно деликатный материал», она должна будет быть изъята во всех школах²⁸. Против запрета этих книг выступили несколько групп, в том числе PEN America, которые были обеспокоены тем, что реализация закона приведет к уменьшению разнообразия книг в библиотеках для всех жителей Юты и выразили сомнение в демократичности данного разрешения нескольким округам принимать решения за весь штат²⁹.

В штате Южная Каролина также в июле 2024 г. единогласно было принято постановление Государственного совета по образованию 43-170, которое вступило в силу в соответствии с Законом об административных процедурах Южной Каролины. Постановление устанавливает последовательные определения и двухэтапный пороговый тест для местных педагогов и советов, чтобы определить, являются ли материалы, доступные учащимся в государственных школах, подходящими по возрасту и уровню развития и подходящими с точки зрения образования и соответствующими целям учебной программы Южной Каролины. Положения запрещают книги с сексуальным содержанием и дают Совету по образованию штата полномочия запрещать книги по всему штату³⁰.

В России маркировка информационной продукции была введена еще в 2012 г., и в зависимости от содержания такую продукцию маркировали 0+, 6+, 12+, 16+ и 18+. В 2020 г., согласно ФЗ от 29.12.2010 года № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Министерство культуры России издало приказ, по которому все библиотеки при формировании фондов должны будут соблюдать требование о классификации, маркировке и выдаче книг, соответствующих возрастным категориям читателей, при этом книги, помеченные как «18+», должны храниться отдельно от других изданий³¹. У библиотек появился четкий регламент: когда ребенок берет книгу и отдает библиотекарю читательский билет, библиотекарь должен посмотреть в каталоге год его рождения, и если

²⁵ Banned in the USA: Rising School Book Bans Threaten Free Expression and Students' First Amendment Rights (April 2022) [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/banned-in-the-usa/> (дата обращения: 20.11.2024).

²⁶ Memo on School Book Bans from PEN America // PEN America. – 2024. 23 sept. [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/memo-on-school-book-bans-2023-2024-school-year/> (дата обращения: 10.10.2024).

²⁷ PEN America Decries Removal of Over 400 Books in TN School District Due to New Law // PEN America. – 2024. – 14 nov [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/press-release/pen-america-decries-removal-of-over-400-books-in-tn-school-district-due-to-new-law/> (дата обращения: 10.10.2024).

²⁸ Utah bans 13 books in public schools statewide, including Judy Blume and Margaret Atwood titles // ABC News. – 2024. – 9 aug. [Electronic text]. – URL: <https://abcnews.go.com/US/utah-bans-13-books-public-schools-statewide-including/story?id=112680897> (дата обращения: 10.10.2024).

²⁹ Там же.

³⁰ Regulation 43-170: Uniform Procedure for Selection or Reconsideration of Instructional Materials // Calhoun County School District [Electronic text]. – URL: <https://highcalhounsc.schoolinsites.com/regulation43-170> (дата обращения: 10.10.2024).

³¹ Российские библиотеки уберут из общего доступа книги с маркировкой «18+» // РБК. – 2020. – 27 июля. [Текст электронный]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/27/07/2020/5f1f2ba9a794768fe22a3d5> (дата обращения: 20.01.2025).

ребенку меньше 18 лет, то книга «18+» ему выдана быть не может. Но в 2022 г. Госдума упразднила промежуточную возрастную маркировку от «0+» до «16+» и вместо нее стало возможным использовать общие формулировки: «для семейного чтения», «не рекомендовано для детей» и др. Обязательной осталась только маркировка «18+»³².

В США Закон «О защите детей в Интернете» (CIPA) был принят в 2001 г., и требовал от школ установки на своих компьютерах технологии интернет-фильтрации в качестве условия получения определенного финансирования и скидок. Этот закон распространялся также на компьютеры, используемые взрослыми посетителями и сотрудниками библиотеки. Американская библиотечная ассоциация (ALA) пыталась оспорить закон, утверждая, что он нарушает права посетителей библиотеки, предусмотренные Первой поправкой. Дело дошло до Верховного суда США, который постановил, что закон не нарушает положения Первой поправки о свободе слова³³.

Выводы. Таким образом, несмотря на то что общие тенденции в ограничении доступа к литературе и информации присутствуют в обеих странах, хотя подходы и меры могут различаться, есть основания полагать: запреты книг в России в большей степени обусловлены российским законодательством. Приведенные выше случаи подтверждают, что в первую очередь ограничения книг в российских библиотеках опираются на законы («О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и пр.), и поэтому действия правительства, которые некоторые могут считать цензурными, невозможно классифицировать как конституционные или неконституционные, потому что в этих случаях «цензура» – это разговорный, а не юридический термин.

В США же законы, касаемые запрета или изъятия книг из библиотек в зависимости от штата или даже округа, могут сильно отличаться, и это связано с тем, что школьные советы имеют широкие полномочия контролировать материалы, распространяемые в школьных библиотеках. Отсюда не представляется возможным выявить законность этих действий вследствие размытости формулировок законов.

Источники:

1. В библиотеках российских регионов книги иноагентов начали выдавать по паспортам // Газета.ru. – 2023. [Текст электронный]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/11/07/17838541.shtml> (дата обращения: 15.11.2024).
2. В РФ оставили обязательной маркировку «18+» для произведений искусства и литературы // Газета.ru. – 2022. – 15 дек. [Текст электронный]. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/12/15/19277647.shtml> (дата обращения: 10.11.2024).
3. Депутат Госдумы Вассерман призвал запретить выдавать детям книги писателей-иноагентов по всей стране // Daily Storm. – 2023 [Текст электронный]. – URL: <https://dailystorm.ru/mneniya/deputat-gosdumy-vasserman-prizval-zapretit-vydavat-detyam-knigi-pisateley-inoagentov-po-vsey-strane> (дата обращения: 12.11.2024).
4. Запрещенная литература в СССР // Википедия [Текст электронный]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 10.11.2024).
5. Заявление РБА: о работе библиотек по исполнению федеральных законов в области соблюдения прав и свобод граждан Российской Федерации // Российская библиотечная ассоциация. – 2023. – 20 дек. [Текст электронный]. – URL: https://www.rba.ru/news/news_6506.html (дата обращения: 11.11.2024).
6. Конституция Российской Федерации. Статья 29 // Консультант Плюс [Текст электронный]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/f703218d9357338507052de484404828b3da468e/ (дата обращения: 11.11.2024).

³² В РФ оставили обязательной маркировку «18+» для произведений искусства и литературы // Газета.ru. – 2022. – 15 дек. [Текст электронный]. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/12/15/19277647.shtml> (дата обращения: 10.11.2024)

³³ Censorship Throughout the Centuries // American Libraries. – 2024. – 3 sept. [Electronic text]. – URL: <https://americanlibrariesmagazine.org/2024/09/03/censorship-throughout-the-centuries/> (дата обращения: 20.11.2024).; Foreign Agents Registration Act // U.S. Department of Justice [Electronic text]. – URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (дата обращения: 21.12.2024).

7. О библиотечном деле : Федеральный закон № 78-ФЗ [принят Государственной Думой 23 ноября 1994 года] // Официальный интернет-портал правовой информации [Текст электронный]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033664> (дата обращения: 10.11.2024).
8. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон № 114-ФЗ [принят Государственной Думой 27 июня 2002 года] // Официальный интернет-портал правовой информации [Текст электронный]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221> (дата обращения: 10.11.2024).
9. Рекомендации по работе библиотек с документами, включенными в федеральный список экстремистских материалов (утв. Минкультуры России 12.09.2017) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Текст электронный]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/rekomendatsii-po-rabote-bibliotek-s-dokumentami-vkliuchennymi-v-federalnyi/> (дата обращения: 15.01.2025).
10. Российские библиотеки уберут из общего доступа книги с маркировкой «18+» // РБК. – 2020. – 27 июля. [Текст электронный]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/27/07/2020/5f1f2ba99a794768fe22a3d5> (дата обращения: 20.01.2025).
11. Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации [Текст электронный]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=5&q=%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0> (дата обращения: 15.11.2024).
12. Abbott signs law banning ‘sexually explicit’ books from schools, requiring new rating system // Texas Public Radio. – 2023. – June 14. [Electronic text]. – URL: <https://www.tpr.org/education/2023-06-14/abbott-signs-law-banning-sexually-explicit-books-from-schools-requiring-new-rating-system> (дата обращения: 15.11.2024).
13. Banned & Challenged Classics // Banned & Challenged Books [Electronic text]. – URL: <https://www.ala.org/advocacy/bbooks/frequentlychallengedbooks/classics> (дата обращения: 15.11.2024).
14. Banned in the USA: Rising School Book Bans Threaten Free Expression and Students’ First Amendment Rights (April 2022) [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/banned-in-the-usa/> (дата обращения: 20.11.2024).
15. Book Banning // Free Speech Center. – 2024. – 20 sept. [Electronic text]. – URL: <https://firstamendment.mtsu.edu/article/book-banning/> (дата обращения: 20.11.2024).
16. Censorship Throughout the Centuries // American Libraries. – 2024. – 3 sept. [Electronic text]. – URL: <https://americanlibrariesmagazine.org/2024/09/03/censorship-throughout-the-centuries/> (дата обращения: 20.11.2024).
17. Foreign Agents Registration Act // U.S. Department of Justice [Electronic text]. – URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (дата обращения: 21.12.2024).
18. Island Trees Sch. Dist. v. Pico by Pico, 457 U.S. 853 (1982) // Ustia U.S. Supreme Court. [Electronic text]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/457/853/> (дата обращения: 21.12.2024).
19. Library Bill of Rights // American Library Association [Electronic text]. – URL: <https://www.ala.org/advocacy/intfreedom/librarybill> (дата обращения: 10.10.2024).
20. Memo on School Book Bans from PEN America // PEN America. – 2024. 23 sept. [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/memo-on-school-book-bans-2023-2024-school-year/> (дата обращения: 10.10.2024).
21. PEN America Files Amicus Brief in Case Against Texas Law Requiring Ratings for Sexual Content on Books Sold to Public Schools // PEN America. – 2023 [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/press-release/pen-america-files-amicus-brief-in-case-against-texas-law-requiring-ratings-for-sexual-content-on-books-sold-to-public-schools/> (дата обращения: 15.11.2024).
22. PEN America Decries Removal of Over 400 Books in TN School District Due to New Law // PEN America. – 2024. – 14 nov. [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/press-release/pen-america-decries-removal-of-over-400-books-in-tn-school-district-due-to-new-law/> (дата обращения: 10.10.2024).
23. Regulation 43-170: Uniform Procedure for Selection or Reconsideration of Instructional Materials // Calhoun County School District <https://highcalhounsc.schoolinsites.com/regulation43-170>
24. Utah bans 13 books in public schools statewide, including Judy Blume and Margaret Atwood titles // ABC News. – 2024. – 9 aug. [Electronic text]. – URL: <https://abcnews.go.com/US/utah-bans-13-books-public-schools-statewide-including/story?id=112680897> (дата обращения: 10.10.2024).

Литература:

1. Куликова С.А. Ограничение распространения «вредной информации» в условиях конституционного запрета цензуры: проблемы законотворчества // Цензура в России: история и современность. – 2015. – Вып. 7. С. 15-31.
2. Равинский, Д. К. Защита детей от нежелательного контента в Интернете: уроки зарубежного опыта // Цензура в России: история и современность. – 2021. – Вып. 10. – С. 91-105.
3. Трушина, И. А. Трансформации позиций международного библиотечного сообщества по вопросам интеллектуальной свободы и цензуры // Цензура в России: история и современность. – 2021. – Вып. 10. – С. 45-62.
4. Avi Brisman. Book Bans, the Criminalization of Library Science, and the Death of Writers and Readers / Brisman Avi // Criminalisation of Dissent in Times of Crisis. – 2024. – № 1. – P. 17-40.

5. Jennifer Elaine Steele. A History of Censorship in the United States // Intellectual Freedom & Privacy. – 2020. – Vol 5. – № 1 [Electronic text]. – URL: <https://journals.ala.org/index.php/jifp/article/view/7208/10293> (дата обращения: 12.12.2024).
6. Pinnell-Stephens, J. Protecting Intellectual Freedom in Your Public Library (Intellectual Freedom Front Lines) / J. Pinnell-Stephens. – ALA Editions, 2012. – 256 p.
7. Shannon, M. Oltmann The Fight against Book Bans: Perspectives from the Field. Bloomsbury Libraries Unlimited / Oltmann Shannon M. – Bloomsbury Libraries Unlimited, 2023. – 256 p.

PECULIARITIES OF LEGISLATIVE SYSTEMS LIMITING THE DISTRIBUTION OF LITERATURE IN LIBRARIES IN THE USA AND RUSSIA

© 2025 D.S. Demkina

*Darya S. Demkina, postgraduate, Lecturer of the Department of Cultural Studies and Library
and Information Resources*

E-mail: darya.d.47@yandex.ru

National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

The article examines the topic of restrictions in the book sphere in libraries of Russia Federation and the USA at the current state. The topic of the study is revealed by identifying the features of the legislation of the two countries using specific examples of seizures and restrictions books in American school libraries and Russian libraries. The criteria for comparing restrictions were based on organizational foundations, the role of state and public organizations, the features of their interaction and the motives for bans. Based on a selection of examples, which was determined by the chronological frame and the scope of their distribution, parallels are drawn between libraries institutes of the USA and Russia. As a result of the study, it is concluded that the current state of the regulatory activity of these countries has both many common features and differences. Thus, in these countries, information products are labeled, and the reasons for wanting to protect children from certain works are similar. However, an analysis of the Russian legislative system allows us to assert that it is directly related to restrictions on the distribution of controversial literature, and materials can be excluded from open access only by a court decision and in accordance with the laws in force in the country, unlike the United States, where bans on books often conflict with the First Amendment to the Constitution and occur under public pressure.

Keywords: legislation, controversial literature, restrictions, Russia Federation, USA

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-70-80

EDN: XRHPAO

References:

1. V bibliotekah Rossijskikh regionov knigi inoagentov nachali vydavat' po pasportam (Libraries in Russian regions have started issuing books by foreign agents using passports) // Gazeta.ru. – 2023 [Tekst elektronnyj]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/11/07/17838541.shtml> (data obrashcheniya: 15.11.2024).
2. V RF ostavili obyazatel'noj markirovku «18+» dlya proizvedenij iskusstva i literatury (In the Russian Federation, the “18+” labeling for works of art and literature remains mandatory) // Gazeta.ru. – 2022. – 15 dek. [Tekst elektronnyj]. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/12/15/19277647.shtml> (data obrashcheniya: 10.11.2024).
3. Deputat Gosdumy Vasserman prizval zapretit' vydavat' detyam knigi pisatelej-inoagentov po vsej strane (State Duma deputy Wasserman called for a ban on issuing books by foreign agent writers to children throughout the country) // Daily Storm. – 2023 [Tekst elektronnyj]. – URL: <https://dailystorm.ru/mneniya/deputat-gosdumy-vasserman-prizval-zapretit-vydavat-detyam-knigi-pisateley-inoagentov-po-vsey-strane> (data obrashcheniya: 12.11.2024).
4. Zapreshchennaya literatura v SSSR (Prohibited literature in the USSR) // VikipediYA [Tekst elektronnyj]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashcheniya: 10.11.2024).
5. Zayavlenie RBA: o rabote bibliotek po ispolneniyu federal'nyh zakonov v oblasti soblyudeniya prav i svobod grazhdan Rossijskoj Federacii (Statement by the RBA: on the work of libraries to implement federal laws in the field of observance of the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation) // Rossijskaya bibliotekhnaya asociaciya. – 2023. – 20 dek. [Tekst elektronnyj]. – URL: https://www.rba.ru/news/news_6506.html (data obrashcheniya: 11.11.2024).
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Stat'ya 29 (Constitution of the Russian Federation. Article 29) // Konsul'tant Plyus [Tekst elektronnyj]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/f703218d9357338507052de484404828b3da468e/ (data obrashcheniya: 11.11.2024).

7. O biblioteknom dele : Federal'nyj zakon № 78-FZ [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 23 noyabrya 1994 goda] (On librarianship: Federal Law No. 78-FZ) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Tekst elektronnyj]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033664> (data obrashcheniya: 10.11.2024).
8. O protivodejstvii ekstremistkoj deyatel'nosti : Federal'nyj zakon № 114-FZ [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 27 iyunya 2002 goda] (On countering extremist activities: Federal Law No. 114-FZ) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. [Tekst elektronnyj]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221> (data obrashcheniya: 10.11.2024).
9. Rekomendacii po rabote bibliotek s dokumentami, vkluchennymi v federal'nyj spisok ekstremistskih materialov (utv. Minkul'tury Rossii 12.09.2017) (Recommendations for the work of libraries with documents included in the federal list of extremist materials (approved by the Ministry of Culture of Russia on September 12, 2017)) // Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii [Tekst elektronnyj]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/rekomendatsii-po-rabote-bibliotek-s-dokumentami-vkliuchennymi-v-federalnyi/> (data obrashcheniya: 15.01.2025).
10. Rossijskie biblioteki uberut iz obshchego dostupa knigi s markirovkoj «18+» (Russian libraries will remove books marked “18+” from public access) // RBK. – 2020. – 27 iyulya [Tekst elektronnyj]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/27/07/2020/5f1f2ba99a794768fe22a3d5> (data obrashcheniya: 20.01.2025).
11. Ekstremistskie materialy (Extremist materials) // Ministerstvo yusticii Rossijskoj federacii. [Tekst elektronnyj]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=5&q=%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0> (data obrashcheniya: 15.11.2024).
12. Abbott signs law banning ‘sexually explicit’ books from schools, requiring new rating system // Texas Public Radio. – 2023. – June 14. [Electronic text]. – URL: <https://www.tpr.org/education/2023-06-14/abbott-signs-law-banning-sexually-explicit-books-from-schools-requiring-new-rating-system>
13. Banned & Challenged Classics // Banned & Challenged Books [Electronic text]. – URL: <https://www.ala.org/advocacy/bbooks/frequentlychallengedbooks/classics> (accessed: 15.11.2024).
14. Banned in he USA: Rising School Book Bans Threaten Free Expression and Students’ First Amendment Rights (April 2022) [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/banned-in-the-usa/> (accessed: 20.11.2024).
15. Book Banning // Free Speech Center. – 2024. – 20 sept. [Electronic text]. – URL: <https://firstamendment.mtsu.edu/article/book-banning/> (accessed: 20.11.2024).
16. Censorship Throughout the Centuries // American Libraries. – 2024. – 3 sept. [Electronic text]. – URL: <https://americanlibrariesmagazine.org/2024/09/03/censorship-throughout-the-centuries/> (accessed: 20.11.2024).
17. Foreign Agents Registration Act // U.S. Department of Justice [Electronic text]. – URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (accessed: 21.12.2024).
18. Island Trees Sch. Dist. v. Pico by Pico, 457 U.S. 853 (1982) // Ustia U.S. Supreme Court [Electronic text]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/457/853/> (accessed: 21.12.2024).
19. Library Bill of Rights // American Library Association [Electronic text]. – URL: <https://www.ala.org/advocacy/intfreedom/librarybill> (accessed: 10.10.2024).
20. Memo on School Book Bans from PEN America // PEN America. – 2024. 23 sept. [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/memo-on-school-book-bans-2023-2024-school-year/> (accessed: 10.10.2024).
21. PEN America Files Amicus Brief in Case Against Texas Law Requiring Ratings for Sexual Content on Books Sold to Public Schools // PEN America. – 2023 [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/press-release/pen-america-files-amicus-brief-in-case-against-texas-law-requiring-ratings-for-sexual-content-on-books-sold-to-public-schools/> (accessed: 15.11.2024).
22. PEN America Decries Removal of Over 400 Books in TN School District Due to New Law // PEN America. – 2024. – 14 nov. [Electronic text]. – URL: <https://pen.org/press-release/pen-america-decries-removal-of-over-400-books-in-tn-school-district-due-to-new-law/> (accessed: 10.10.2024).
23. Regulation 43-170: Uniform Procedure for Selection or Reconsideration of Instructional Materials // Calhoun County School District. – URL: <https://highcalhounsc.schoolinsites.com/regulation43-170> (accessed: 10.10.2024).
24. Utah bans 13 books in public schools statewide, including Judy Blume and Margaret Atwood titles // ABC News. – 2024. – 9 aug. [Electronic text]. – URL: <https://abcnews.go.com/US/utah-bans-13-books-public-schools-statewide-including/story?id=112680897> (accessed: 10.10.2024).
1. Kulikova S.A. Ogranichenie rasprostraneniia «vrednoi informatsii» v usloviakh konstitutsionnogo zapreta tsenzury: problemy zakonotvorchestva (Restricting the dissemination of “harmful information” in the context of a constitutional ban on censorship: problems of lawmaking) // Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. – 2015. – Vyp. 7. S. 15-31.
2. Ravinskij, D. K. Zashchita detej ot nezhelatel'nogo kontenta v Internetе: uroki zarubezhnogo opyta (Protecting children from unwanted content on the Internet: lessons from foreign experience) // Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. – 2021. – Vyp. 10. – S. 91-105.

3. Trushina, I. A. Transformacii pozicij mezhdunarodnogo bibliotechnogo soobshchestva po voprosam intellektual'noj svobody i cenzury (Transformations of the positions of the international library community on issues of intellectual freedom and censorship) // Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. – 2021. – Vyp. 10. – S. 45-62.
4. Avi Brisman. Book Bans, the Criminalization of Library Science, and the Death of Writers and Readers / Brisman Avi // Criminalisation of Dissent in Times of Crisis. – 2024. – № 1. – P. 17-40.
5. Jennifer Elaine Steele. A History of Censorship in the United States // Intellectual Freedom & Privacy. – 2020. – Vol 5. – № 1. [Electronic text]. – URL: <https://journals.ala.org/index.php/jifp/article/view/7208/10293> (accessed: 12.12.2024).
6. Pinnell-Stephens J. Protecting Intellectual Freedom in Your Public Library (Intellectual Freedom Front Lines) / J. Pinnell-Stephens. – ALA Editions, 2012. – 256 p.
7. Shannon M. Oltmann The Fight against Book Bans: Perspectives from the Field. Bloomsbury Libraries Unlimited / Oltmann Shannon M. – Bloomsbury Libraries Unlimited, 2023. – 256 p.

УДК 168.522 (Гуманитарные науки. Культурология)

**МАКРОАЛГОРИТМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ:
24-ЭЛЕМЕНТНЫЙ ЦИКЛ СМЕНЫ РЕАЛЬНОСТЕЙ
(НА МАТЕРИАЛАХ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»)**

© 2025 Д.В. Денисов

Денисов Денис Викторович, кандидат культурологии,

доцент кафедры лингвистики

E-mail: denisansk@gmail.com

Приволжский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 11.02.2025

Объект предлагаемого исследования – структура 24-элементного цикла повествования. Исследование проводится в контексте макроалгоритмических моделей древности, которые до сих пор популярны в странах Юго-Восточной Азии. Автором разрабатывается онтологическая модель, относительно которой повествование представляется в виде 8-элементного цикла, насчитывающего четыре уровня (онтологии) и применимого как к микроструктурам (эпизод), так и к макроструктурам повествования (сюжет). При продолжающемся повествовании имеет место периодическое применение 8-элементной модели. Три 8-элементных цикла имеют своим содержанием описание определённой реальности. Этапы повествования, находящиеся на стыке этих циклов, т. е. на 8- и 9-й, 16- и 17-й, 24- и 25-й, принимаются в качестве «точек покоя» по аналогии с фокальными точками живописной композиции, в которых возможна детальная проработка образа. Предмет исследования – смена реальностей при переходе от одного 24-элементного цикла к следующему. В ходе анализа определяются свойства четырёх уровней 8-элементного эпизода. Полученные характеристики апробируются на микроуровне повествования и на макроуровне, представленном восемью частями романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Установлено, что по завершении 24-го этапа в романе либо происходит смена социально-политической реальности, либо общественное мнение приобретает большую значимость.

Ключевые слова: сюжетное развитие, повествование, макроструктуры повествования, онтологический подход, онтологическое моделирование, восьмипунктовая дуга

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-81-88

EDN: UPLTVK

Введение. Макроалгоритмы редко становятся предметом исследований в западноевропейской гуманитарной науке, в то время как в культурах Юго-Восточной Азии категория числа сохранила свою значимость и по сей день. В Индии традиционная классификационная модель насчитывает 64 элемента: 64 танца Шивы, 64 вида искусства..., а также, согласно трактату «Натья-шастра» (гл. 19, шлоки 12–104) (скр. *naatya-Shaastram*) Бхараты (II в. до н.э. – II в. н.), – 64-/65 соединительных звеньев пяти элементов сюжета [Mainkar T.G., с. 33–135]. Первые два элемента измеряются в этом трактате 25 соединительными звеньями (скр. *samdhyanagas*) (12 + 13). Краткость изложения может компенсировать обращение к китайской «Книге Перемен» [И-цзин], выделяющей 64 этапа познания и располагающей 3000-летней традицией комментирования. В «Книге Перемен» 24-й этап – самый «мрачный», сопоставимый с точкой зимнего солнцестояния, а первые 30 этапов в целом описывают этапы становления субъекта познания.

Гипотеза исследования состоит в допущении того, что завершение ритмов, действующих в рамках 24-элементного цикла и выступающих носителями смысловых связей, подводит к критическому моменту своего развития и описываемую автором социально-политическую реальность.

Объект настоящего исследования – структура 24-элементного цикла повествования. В метрическом решении, рассматриваемом в настоящем исследовании, композиционные эффекты возникают при объединении трёх периодов повествования, будь то 8-элементных ($8 \cdot 3 = 24$) или 24-элементных ($24 \cdot 3 = 72$). Динамическое применение, имеющее место в древнеиндийской концепции познания, – результат качественной разработки четырёх уровней онтологической модели, действующей в мифологической картине мира (например, золотое, серебряное, медное и железное сказочные царства).

Длительность стадий в динамической модели уменьшается на четверть при переходе к каждому низшему уровню и прибывает соразмерно во время восходящей фазы: $(4,8 + 3,6 + 2,4 + 1,2) \cdot 2 = 24$ [Денисов Д.В., с. 61–62 b].

Предмет исследования – смена реальностей при переходе от одного 24-элементного цикла к последующему.

Анализ проводится на материалах романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Научная новизна состоит в макроалгоритмическом подходе и в разработке универсальной модели повествования, применимой как к микроуровню, так и к макроуровням повествования.

Методы исследования. Метод моделирования процессов повествования, основной для настоящего исследования, выполняется в рамках онтологического подхода, основывающегося на тезисе о неоднородности пространства, в котором осуществляется повествование. Единая модель принимается для микроуровня повествования, представленного 8-элементным эпизодом, и для макроуровня, составляющего 8-элементный цикл сюжетного развития. Обобщённо же говорится просто о 8-элементном цикле повествования. При продолжающемся повествовании применение 8-элементного цикла становится периодическим.

Как в метрическом, так и в динамическом применениях 8-элементный цикл рассматривается как цикл самоорганизации, реализуемый на материалах художественной литературы. Соответственно, литературное повествование рассматривается как вид деятельности, вписанный в общенаучный контекст, который может быть обозначен следующим образом: «Движению отданы семь из восьми возможных информационных шагов, будь то период таблицы Менделеева, цветовой спектр или звуковой диапазон. Восьмой шаг – остановка, своеобразная площадка для отдыха перед новым восхождением» [Решетов А.Г., с. 373]. В повествовании восьмой этап, наделяя определённым смыслом события семи предшествовавших, обеспечивает целостность художественного текста. Приостановка событий на каждом 8-м этапе позволяет выделить эпизод из непрерывного событийного ряда.

Предпринятое выше объединение трёх периодов (как 8-, так и 24-элементных) синхронизуется с базовым композиционным правилом живописи, известным как правило третей. Согласно этому правилу, формат полотна делится горизонтальными и вертикальными линиями на 9 равных полей, центральное из которых не должно содержать значимых элементов композиции (8 + 1). Значимые элементы располагаются в местах пересечения линий или рядом с ними. В предлагаемом подходе «точки покоя», допускающие возможность детальной проработки образа и известные в живописи как фокальные, находятся на стыке выделяемых периодов, т. е. на 8- и 9-м, 16- и 17-м, 24- и 25-м этапах литературного повествования.

История вопроса. Ранее рассматривались вопросы применения китайского 8-элементного цикла творения к анализу процессов повествования [Денисов Д.В., с. 64–70 а]. Анализировалось действие 8-летнего ритма в отечественной истории XX–XXI в. Для определения функций интервалов, объединяющих два значимых исторических события, приводились детальные характеристики 23-го и 24-го этапов трактата «Книга Перемен» [Денисов Д.В., с. 57–58 с], завершающих, согласно гипотезе настоящего исследования, литературное описание одной социально-политической реальности. Примером реализации динамической модели развития послужил 240-летний период российской истории [Денисов Д.В., с. 63–67 b].

Результаты исследования. Одна из основных проблем в разработке макроалгоритмов повествования – переход от базовых нарратологических схем к макроалгоритмическому комплексу. Данная проблема может быть решена посредством определения повествования как ритмического чередования определённых смысловых блоков с многократным вхождением одного элемента в разные структуры. Цикличность при этом рассматривается не только как свойство ранних форм повествования [Мокляк В.И., с. 25], но и как свойство повествования в целом. Совокупность всех ритмических взаимодействий принимается в качестве базовой сетки (ритмоматрицы), посредством которой в ходе повествования могут осуществляться смысловые взаимосвязи.

Один из способов описания ритмоматрицы может быть предложен на основе существующей в музыкальном синтаксисе практики выделения квадратичных периодов повторного строения, число которых равно степени числа два (2, 4, 8, 16, 32, 64). Предлагаемый подход учитывает периоды с разным

основанием, например, схемы повествования, предложенные В. Лабовым и Дж. Валецким [Labov W., Waletzky J., с. 111–124]. Так, на основе 4 обязательных элементов устного высказывания (Orientation, Complication, Evaluation, Result/Resolution) может происходить переход к 16-элементному периоду ($4 \cdot 4 = 16$). С учётом дополнительного элемента (Coda), устанавливающего значимость для говорящего, допускается существование 25-элементного периода повторного строения ($5 \cdot 5 = 25$). Шестиэлементная схема литературного повествования, предложенная этими же авторами [Вычужанина А.Ю., Куликова, Н.С., с. 131–133], развёртывается, соответственно, в период повторного строения, насчитывающий 36 этапов ($6 \cdot 6 = 36$). Динамика повествования в целом при этом определяется взаимодействием этих и других ритмов между собой. Завершённость наступает при одновременном завершении 2-, 3-, 4-, 6-, 8-, 12-элементных ритмов на 24-этапе. 5-элементный завершается на 25-м ($24 + 1$), а 7-элементный – на 49-м ($24 + 24 + 1$).

В качестве оптимального для художественного повествования принят 8-элементный цикл, приведённый на Рис. 1. Рисунок содержит указание на этапы метрического освоения соответствующего поля (ячейки) – 1, 9, 17, в нижней части соответствующего поля (ячейки) указаны этапы динамического освоения, особенность которого во включении «пограничных» глав в каждые две смежные стадии: 1–5, 5–9, 9–11, 11–12.

Рис. 1. Структура и динамика 8-элементного цикла повествования:

метрический (гл. 1, 9, 17 и т. д.) и динамический (гл. 1–5 и т. д.) подходы (Structure and dynamics of the 8-element narrative cycle: metrical (Chapters 1, 9, 17, etc.) and dynamic (Chapters 1–5, etc.) approaches

Нисходящие этапы (индивидуальная фаза)	Познавательная способность	Восходящие этапы (социальная фаза)
Гл. 1, 9, 17. Экспозиция: авторские <u>обобщения</u> , обобщённые описания а. Начальная ситуация индивидуальной фазы, значимые персонажи, указание со стороны авторитета (очень хорошо) Динамическое освоение: гл. 1–5	Максимальная, постижение сути (уровень реализации авторского намерения)	Гл. 8, 16, 24. Эпилог: <u>детальная разработка образа или проблемы</u> , прекращение повседневной деятельности и общения, созерцание Д. Итог социальной фазы: острая необходимость выхода из актуальной ситуации (стабильно – лучше, чем состояние» этапа 7) Динамическое освоение: гл. 20–24
Гл. 2, 10, 18. Завязка: <u>предмет познания</u> , постановка цели б. Начальные неудачи, мотив пути, энтузиазм (хорошо) Динамическое освоение: гл. 5–9	Обеспечение логических взаимосвязей (объективно мотивированные события)	Гл. 7, 15, 23. Развязка: <u>достижение результата</u> С. Сфера: исчезновение пространства, граница между жизнью и смертью, пограничные состояния сознания (самое наихудшее – хуже, чем этап 4) Динамическое освоение: гл. 16–20
Гл. 3, 11, 19. Развитие действия: ограничение пространства, обитатели этого пространства. Рутинная, безнадёжность (хуже) Динамическое освоение: гл. 9–11	Изучение приходящих обстоятельств, адаптация к ним	Гл. 6, 14, 22. Осложнение действия: снятие пространственных ограничений, возвышенный опыт, необычные события, мотив пути, нарушение устоявшихся практик (хуже) Динамическое освоение: гл. 14–16
Гл. 4, 12, 20. Коллизия 1 д. Итог индивидуальной фазы: острая опасность, острая необходимость выхода из актуальной ситуации (хуже всего) Динамическое освоение: гл. 11–12	Минимальная, действия в силу эмоциональных порывов	Гл. 5, 13, 21. Коллизия 2 А. Желаемая ситуация, партнерство, вывод, запрет со стороны авторитета (несколько лучше, чем «худшее состояние» этапа 4) Динамическое освоение: гл. 13–14

8-элементный цикл в целом сопоставим с V-образной структурой эпизода с ориентацией в горизонтальной плоскости, который был предложен для жанра волшебной сказки Е.М. Мелетинским, С.Ю. Неклюдовым, Е.С. Новик, Д.М. Сегалом. Начальный и завершающий этапы повествования представлены в их подходе формальными началом и завершением [Мелетинский Е.М. и др., с. 82–91]. На Рис. 1 аналогичное применение дано в плоскости вертикальной: соответствующие этапы (1, 2, 7, 8)

содержат описание общего контекста (этап 1) и реализацию авторского намерения (этап 8), завязку (этап 2) и развязку (этап 7). В походе Е.М. Мелетинского и соавторов кульминация, насчитывающая от одного до трёх этапов, отнесена к центральной части эпизода. Нижний уровень Рис. 1 содержит только два этапа коллизии.

При метрическом подходе одна стадия 8-элементного цикла повествования измеряется одним этапом, предложением или главой, оцениваемыми в каждом случае как отдельное событие. Обычно под художественным текстом понимают некую событийную целостность, в которой исследователь, опираясь на конкретные языковые факты, составляющие микроуровень повествования, и специфику их функционирования, выделяет достаточно «дробные фрагменты» анализа такие, как эпизоды [Тюпа В.И., с. 17, 37–39]. Некоторые единицы текста – предложения или главы – не учитываются, так как, с точки зрения исследователя, события не составляют. В отношении главы как меры повествования иногда отмечается, что одна глава в целом может составлять один эпизод [Жиличева Г.А.].

Продемонстрируем реализацию 8-элементного эпизода с предложением в качестве единицы анализа на примере первых 8 предложений романа «Анна Каренина» (Цитаты из произведений писателя приводятся по академическому изданию: Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Худ. лит-ра, 1960–1965). Первое, самое цитируемое предложение русской литературы, содержит авторское обобщение «Все счастливые семьи похожи...»; восьмое же, вводит образ Облонского («...Стива, как его звали в свете,... проснулся»), центральный для 1-й главы. Об особом статусе начального и завершающего этапов 8-элементного эпизода свидетельствует то, что и 1-, и 8-е предложения отделены автором абзацами, от предложений, расположенных между ними. Функции предложений соотносятся далее с Рис. 1.

Предложения со 2-го по 7-е обнаруживают симметрию, свидетельствующую об уровневой структуре эпизода:

2-е – «Всё смешалось...» и 7-е – «Дети бегали...; англичанка...; повар...»;

3-е – «Жена узнала...» и 6-е – «Жена не выходила...»;

4-е – «Положение... чувствовалось... всеми...» и 5-е – «Все... чувствовали...» (т. 8, с. 7).

1-й этап (предложение) выполняет в данном эпизоде функцию экспозиции, 8-й – функцию эпилога, в котором вводится образ или явление, вокруг которого и по причине которого произошли все предшествующие события.

2-й этап вводит начальную проблему, т. е. завязку, а 7-й содержит итог, т. е. развязку.

Два нижних уровня 8-элементного эпизода, отделённые от верхних двух на Рис. 1 жирной линией, составляют событийное пространство, осваиваемое главными персонажами.

3-м этапом (предложением) автор реализует функцию развития, а 6-м – функцию осложнения действия. На 3-м этапе действие локализуется (например, «дом», «жить в одном доме»), а на 6-м – пространственное ограничение снимается («мужа третий день не было дома»).

4- и 5-й этапы содержат рефлексию относительно невыносимости ситуации. На 4-м этапе имеет место только восприятие данной ситуации («чувствовалось всеми»), а на 5-м дополнительно производятся выводы («Все ... чувствовали..., что нет смысла в их сожительстве»).

Характеристики 4- и 8-го этапов сопоставимы несмотря на разные точки отсчёта для нисходящей и восходящей фаз. 4-й этап как самый худший в нисходящей фазе служит мерой для определения динамики в чередовании этапов восходящей фазы. 6-й этап сопоставим с 4-м, так как атрибут «хуже» 6-го этапа нивелирует атрибут «лучше», закреплённый за 5-м этапом. Соответственно, 7-й этап оказывается ещё хуже, чем 4-й. На 8-м этапе негативная динамика ещё действует, но в силу особых онтологических свойств верхнего из четырёх уровней цикла наступает стабилизация.

Элементы прямой речи закреплёны в последующих циклах за тем предложением, к которому относятся. На завершающем этапе как 2-го, так и 3-го эпизодов формулируется определённый итог: 16-е предложение (этап) подводит Облонского к осознанию того, почему он спит в кабинете («И тут он вспомнил вдруг, как и почему...»), а 24-е – к ощущению уличённости в чём-то постыдном («С ним случилось в эту минуту то,...») (т. 8, с. 9, 10).

Максимум познавательной активности, закреплённый за верхним уровнем Рис. 1, позволяет персонажам-антиподам мирно взаимодействовать, принимать Другого, погружаться в круг его проблем.

В фокусе авторского внимания на этом этапе может оказаться персонаж, значимый только для актуального 8-элементного цикла («Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого – о семье солдата Авдеева). Для разработки характера персонажа, явления, проблемы на данном этапе может потребоваться персонаж-посредник, выступающий как собеседник («Капитанская дочка» А.С. Пушкина; «Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого) или свидетель («Человек-невидимка» Г. Уэллс). «Книга Перемен» определяет 8-й этап познания как «Приближение», что в общем смысле указывает на сближение субъекта и предмета познания («Аэлита» А.Н. Толстого). При этом значим фактор своевременности этого действия: «Кто опоздает, тому несчастье» [И-цзин, с. 293–294].

В рамках онтологического подхода 8- и 9-я главы относятся к верхнему уровню Рис. 1 и образуют единое пространство, составляющее переходный период, который можно определить через соотнесение с точками «покоя» (фокальными точками) живописной композиции. Динамика в 8-й главе может быть направлена на обретение места для отдыха («Человек-невидимка» Г. Уэллс) или желаемого результата («Сказ о Левше» Н.А. Лесков), а диалог, раскрывающий глубину центрального персонажа, из 8-й может переместиться в 9-ю главу.

На 16-м этапе повествования часто производится разработка женского образа («Дубровский» А.С. Пушкина, «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого). Однако суть этого этапа вне зависимости от гендерных различий, как показывает этап «Вольность», 16-й в «Книге Перемен», – в необходимости самодисциплины и наложения добровольных ограничений [И-цзин: 331–332] («Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого – 16-я гл. о разорении русскими солдатами чеченского аула).

На стыке второго и третьего 8-элементных циклов повествования находится вторая точка покоя, включающая 16- и 17-ю главы, которые могут содержать в себе экзистенциальную угрозу («Дубровский» А.С. Пушкина) или предоставлять возможность передышки (гл. 16. «В лазоревой роще» – место отдыха; гл. 17. «Отдых» романа «Аэлита» А.Н. Толстого).

В объёме двух 24-элементных циклов повествования возникают два композиционных центра, представляющих «Реальность 1» (гл. 1–24) и «Реальность 2» (гл. 24–48). В живописи двуцентровая композиция часто применяется в повествовательных эпических произведениях или масштабных пейзажах [Бородин С., Мирхасанов Р., с. 79–80]. Гипотеза о завершающем характере 24-го, а также 48-го этапов повествования подтверждается соответствующими этапами «Книги Перемен»: 24. «Возврат» и 48. «Колодец». Этап «Возврат» – этап сгущения темноты, на котором «возвращение света едва заметно», но неизбежно [И-цзин, с. 361–362] (завершение мирной реальности в главе «Гусев наблюдает город» романа «Аэлита» А.Н. Толстого). Этап «Колодец» – ситуация истощения сил, на котором силы могут прийти только изнутри, но нет уверенности, что появятся вновь [И-цзин: 454–455].

Оптимальный способ для анализа момента перехода от одной 24-элементной реальности к следующей состоит в обращении к роману «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Свидетельством определённой завершённости как нисходящей (а, b, c, d), так и восходящей фаз 8-элементного цикла повествования (А, В, С, D, Рис. 1) служит число глав: в IV части их 23, в VIII части – 18. Краткость VIII части служит признаком полного завершения повествования. В остальных частях от 31-й (VII) до 35-ти (II) глав.

Выполним данный анализ в соответствии с уровневой структурой 8-элементного цикла (Рис. 1).

Верхний уровень. В I части (35 глав) романа, выполняющей функцию экспозиции, «спасительным» оказывается для Левина отказ от ухаживаний за Кити. Он с облегчением покидает в начале 24-й главы дом Щербацких. Далее в 24- и 25-й главах, образующих очередную «точку покоя», он общается со своим братом Николаем, на примере жизни которого мы понимаем всю тяжесть положения человека, утратившего своё место в обществе. Особенность «точки покоя», находящейся между двумя 24-элементными реальностями в том, что это одновременно «мёртвые точки», период утраты места в некоем сообществе. Относительно «Натья-щастры» 25-й этап характеризуется как «Собрание варн/сословий» (скр. *varna-samhaara*). Этому этапу свойствен «живописный эффект контраста» (“picturesque effect of contrast”) [Mainkar T.G., с. 74]. Эта характеристика подтверждается тем контрастом, который возникает между повествованием о высшем свете (гл. 1–23) и таким деклассированным персонажем, как брат Николай (гл. 24–25). Новая реальность открывается с переносом действия в родовое имение Левиных (гл. 26–27) и в Санкт-Петербург (АК-I, гл. 28–34).

Второй сверху уровень. Во II части стресс, пережитый Кити из-за Вронского, приводит её к болезни, что отмечено на Рис. 1 как *начальные неудачи*. Облегчение («энтузиазм») приносит *путешествие* на воды. В это же время постепенно выстраиваются отношения Анны и Вронского (завязка). Завершается

начальная реальность падением Вронского с лошади на скачках в 25-й главе. Скачки приходится на «мёртвую» зону, образуемую 24- и 25-й главами, которую в романе Л.Н. Толстого можно интерпретировать как «зону утраты места в обществе». Далее автором разрабатывается тема восприятия обществом реакции Анны на это событие (гл. 28–29).

Для всех главных персонажей VII часть (развязка) становится рубежной. Кити в муках рождает (гл. 22). В 24-й главе Анна «не может ждать» и желает отправиться в деревню. В споре по этому вопросу Вронский произносит: «Нет, это становится невыносимо!» А Анна утверждает в мысли: «Да, умереть!..» (т. 9, 360, 362). Гибнет она в 31-й главе.

Второй снизу уровень. В III части (развитие действия; 32 главы) пространство ограничено родовой усадьбой Левиных, Долли с детьми – в деревне по соседству. Туда же приезжает Кити. Каренин получает сообщение об измене Анны. Завершение цикла остро воспринимается разными персонажами. Анна понимает в 22-й главе по взгляду Вронского, что изменение ситуации невозможно. Между ссорами Карениными происходит в 23-й главе решительное объяснение. Левин же, убедившись в абсолютной бесплодности своих усилий по улучшению способов хозяйствования, отправляется в 24-й главе в дальний уезд к приятелю. Новая реальность в объёме последующих восьми глав открывается Левину во время поездки во встречах, содержащих обмен опытом в вопросах организации труда в сельском хозяйстве.

В VI части романа (осложнение действия, 32 главы) тишина, привычная в усадьбе Левиных, сменяется шумом множества гостей, что вызывает у Константина Левина дистанцированность (гл. 1–15). Отношения Вари и Сергея Левина не могут сложиться на этом этапе отчуждения. Долли констатирует увеличение дистанции в отношениях с Анной (гл. 16–24). *Нарушение существующих практик* распространяется и на местное политическое устройство, в котором совершается переворот (гл. 25–31).

Нижний уровень. В IV части (коллизия 1) романа складываются крайне опасные ситуации (окончательный разрыв между Карениными, встреча Вронского с Карениным в его же доме, попытка Вронского лишить себя жизни, послеродовое состояние Анны), которые завершаются отъездом Вронского и Анны в Европу (гл. 23, последняя). Единственный положительный результат, давшийся нелегко, – новая встреча и объяснение Константина Левина и Кити (гл. 11, 13–16), которые начинают готовиться к свадьбе.

В V части (коллизия 2) желаемая ситуация представлена свадьбой Кити и Левина (гл. 1–6, 14–16), а также счастьем Анны (гл. 7–13). Функция утраты места в некоем сообществе затрагивает Каренина, восходящая карьера которого с уходом жены прекратилась (гл. 24). Анне же отказывают в свидании с сыном (гл. 25). Следующая реальность посвящена жизни сына Анны и её бывшего мужа, морально подерживаемого графиней Лидией Ивановной (гл. 25–27), свиданию Анны с сыном (гл. 28–30) и общественной оценке её поступков при посещении театра (гл. 31–33).

Выводы. Полученный результат свидетельствует о выделенном характере 24-элементного цикла: 24- и 25-й этапы были определены в применении к роману «Анна Каренина» как этапы утраты места в определённом сообществе. Внутренняя структурированность 24-элементного цикла обеспечивается тремя 8-элементными циклами. Анализ подтвердил наличие в романе «Анна Каренина» онтологической уровневой структуры, определяющей динамику 8-элементного эпизода. Все характеристики, представленные в 8-элементном эпизоде, отраженные на Рис. 1, были обнаружены в содержании 8 частей романа. Две части романа содержат описание только одной реальности (IV, VIII). В I, III и VI частях по завершении 24-го этапа происходит смена социально-политической реальности. В II, V, VII частях, в большей степени посвящённых Анне и Вронскому, в главах, начиная с 25-й, большую значимость приобретает общественное мнение.

Литература:

1. Бородина, С., Мирхасанов, Р. Значение формата в композиции картины: предпочтения итальянских живописцев XVI–XVIII веков // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. – 2019. – № 3–4 (27–28). – С. 78–96.
2. Вычужанина, А. Ю., Куликова, Н. С. Структура и семантика литературного нарратива в сопоставительном аспекте // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-3. – С. 130–133. – DOI 10.18411/trnio-01-2022-112.

3. Денисов, Д. В. (а) Восьмиэлементные циклы творения и алгоритмы художественного повествования: генезис и развитие от частного к общему // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – Т. 24. – № 82. – 2022. – С. 64–72.
4. Денисов, Д. В. (b) Онтологические основания и прикладное применение древнеиндийской концепции познания и исторического развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – Т. 25. – № 88. – 2023. – С. 70–78.
5. Денисов, Д. В. (с) Онтологические основания классификации исторических циклов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – Т. 24. – № 87. – 2022. – С. 53–61.
6. Жиличева, Г. А. Эпизодизация и связность нарративного текста: диахронический аспект // Нарраториум. – 2020. – Вып. 16 [Текст: электронный]. – URL: <https://narratorium.ru/2020/11/29/450/> (дата обращения: 01.02.2025).
7. И-цзин: Книга перемен / пер. с кит. и комм. Ю. К. Щуцкого. – М.: Эксмо; СПб: Мидгард, 2006. – 640 с.
8. Мелетинский, Е. М., Неклюдов, С. Ю., Новик, Е. С., Сегал, Д. М. Ещё раз о проблеме структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам V. – Тарту: 1971. – С. 63–91.
9. Мокляк, В. И. Циклизация в творчестве русских романтиков // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 2(17). – С. 25–29. – DOI 10.24411/2499-9679-2019-10381.
10. Решетов, А. Г. Информационные свойства меры // Границы и переходы: социальные инновации в культурном процессе. Междунар. науч. конф., 2010. – Самара: ООО «БЕК#21», 2010. – С. 365–379.
11. Тюпа, В. И. Горизонты исторической нарратологии. – СПб.: Алетейя, 2021. – 270 с.
12. Labov, W., Waletzky, J. Mündliche Erzählungen persönlicher Erfahrung. Literaturwissenschaft und Linguistik: Eine Auswahl. Texte zur Theorie der Literaturwissenschaft. – Vol. 2. – Frankfurt am Main, 1973. – Pp. 79–126.
13. Mainkar, T. G. The Theory of Samdhis and the Samdhyangas. – Delhi: Ajanta Publ., 1978. – 193 p.

**MACRO-NARRATIVE ALGORITHMS:
24-ELEMENT CYCLE OF DESCRIBING REALITY
(USING THE NOVEL BY L. TOLSTOY "ANNA KARENINA")**

© 2025 D.V. Denisov

Denis V. Denisov, Candidate of Culture Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics

E-mail: denisansk@gmail.com

Volga State Transport University

Samara, Russia

The article develops an ontological model in relation to which the narrative is presented as an 8-element cycle, applied to both microstructures (episode) and macrostructures of the narrative (plot). The study is conducted in the context of ancient macroalgorithmic models, which are still popular in the countries of Southeast Asia. In ongoing storytelling, there is periodic application of the 8-element model. Three such cycles are accepted as a narrative cycle, the content of which is a large-scale description of a certain reality. The 24th stage of the narrative is followed by the beginning of the description of a new reality at the 25th/26th stages. The author determines the properties of four levels of the 8-element episode. The obtained characteristics are tested at the micro level of the narrative and at the macro level, represented by eight parts of the novel "Anna Karenina" by L. Tolstoy. It was found that there is a change in socio-political reality upon completion of the 24th stage of narrative, after this stage public opinion acquires greater significance.

Key words. Plot development, narration, narrative macrostructures, ontological approach, ontological modeling, eight-point arc

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-81-88

EDN: UPLTVK

References:

1. Borodina, S., Mirkhasanov, R. Znachenie formata v kompozitsii kartiny: predpochtenii ital'ianskikh zhivopistsev XVI–XVIII vekov (The Importance of Format in Painting Composition: Preferences of Italian Painters of the 16th–18th Centuries) // Mir iskusstv. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata. – 2019. – № 3–4(27–28). – Pp. 78–96.
2. Vychuzhanina, A. Iu., Kulikova, N. S. Struktura i semantika literaturnogo narrativa v sopostavitel'nom aspekte (The structure and semantics of literary narrative in a comparative aspect) // Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia. – 2022. – № 81-3. – Pp. 130–133. DOI 10.18411/trnio-01-2022-112.
3. Denisov, D. V. Eight-element cycles of creation and algorithms of narration genesis and development from special to general // Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences. – Vol. 24. – № 82. – 2022. – Pp. 64–72.

4. Denisov, D. V. Ontological foundations and current applications of the ancient Indian concept of knowledge and historical development // *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences.* – Vol. 25. – № 88. – 2023. – Pp. 70–78.
5. Denisov, D. V. Ontological basics for classification of historical cycles // *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences.* – Vol. 24. – № 87. – 2022. – Pp. 53–61.
6. Zhilicheva, G. A. Epizodizatsiia i sviaznost' narrativnogo teksta: diakhronicheskii aspekt (Episodicization and coherence of narrative text: diachronic aspect). – *Narratorium.* – 2020. – № 16. – URL: <https://narratorium.ru/2020/11/29/450/> (access date: 01.02.2025).
7. I-czin: Kniga Peremen (I Ching: Book of Changes). – Moscow, Exmo-Publ.; Saint-Petersburg, Midgard-Publ., 2006. – 640 p.
8. Meletinskij, E. M., Nekljudov, S. Ju., Novik, E. S., Segal, D. M. Eshho raz o probleme strukturnogo opisaniia volshebnnoj skazki (Once again about the problem of structural description of a fairy tale). *Trudy po znakovym sistemam.* – Tartu, 1971. – № 5. – Pp. 63–91.
9. Mokliak, V. I. Tsiklizatsiia v tvorchestve russkikh romantikov (Cyclization in the works of Russian romantics) // *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik.* – 2019. – № 2(17). – Pp. 25–29. DOI 10.24411/2499-9679-2019-10381.
10. Reshetov, A. G. Informacionnye svoystva mery (Information nature and functions of measure) // *Boundaries and transitions. Social innovations in cultural process.* – Samara. VEK#21-Publ., 2010. – Pp. 365–379.
11. Tiupa, V. I. Gorizonty istoricheskoi narratologii (Horizons of Historical Narratology). – Saint-Petersburg, Aleteiia Publ. 2021. – 270 p.
12. Labov, W., Waletzky, J. Mündliche Erzählungen persönlicher Erfahrung. *Literaturwissenschaft und Linguistik: Eine Auswahl. Texte zur Theorie der Literaturwissenschaft.* Bd. 2. – Frankfurt am Main, 1973. – Pp. 79–126.
13. Mainkar, T. G. The Theory of Samdhis and the Samdhyangas. – Delhi: Ajanta Publ. 1978. – 193 p.

УДК 168.522 (Гуманитарные науки. Культурология)

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР КАК ОБЛАСТЬ ВИЗУАЛИЗАЦИИ И ПЕРЕКЛАССИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ

© 2025 В.И. Ионесов

*Ионесов Владимир Иванович, доктор культурологии, кандидат исторических наук,
профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения*

<https://orcid.org/0000-0002-6175-5904>

E-mail: acdis@mail.ru

Самарский государственный институт культуры
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 12.02.2025

Все социальные преобразования в истории так или иначе всегда опирались на культуру, искали в ней для себя оправдание и поддержку. В этом ракурсе предметный мир социума не только отображает насущные запросы общества, соединяя в себе актуальные социальные и мировоззренческие парадигмы, но и предоставляет человеку множество реальных возможностей по продвижению и обновлению культуры. В настоящей статье обращение к культуре базируется преимущественно на переосмыслении её материальных атрибуций, которые рассматриваются через их сцепление с культурными практиками и технологическими новациями. Все это заставляет посмотреть на мир вещей шире, находя в артефактах культуры ответы на многие неотложные вопросы современности, то есть видеть в формах и артикуляциях предметов то, что скрывается за их привычной материальной оболочкой. Вещь небезучастна к предпочтениям и ценностям человека. В пространстве социального взаимодействия вещь обретает статус персонажа, актора, участника, проектировщика новой культурной реальности. Вещи также служат знаками различия и способом притяжения к себе культуры. При этом именно культурный контекст во многом формирует социальную значимость артефакта и делает его не только экономически полезным объектом, но и эстетически привлекательным и социально статусным предметом. Информационно-цифровые технологии расширяют границы мира вещей и, бросая культуре вызовы, обогащают её новыми арт-объектами. В процессе предметной трансформации вещи всё активнее включаются в коммуникативные нововведения и актуальные культурные практики. Диалог человека и вещи в меняющемся социуме позиционируется как область творчества, визуализации памяти и переклассификации культуры. Некоторые аспекты предметной трансформации в креативных практиках современной культуры и рассматриваются в настоящей статье.

Ключевые слова: предметный мир, эстетические трансформации, визуализация, креативность действия, наследие, культурное разнообразие, арт-проектирование

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-89-98

EDN: YKMGBW

Введение. Вещи – это то, что мы создаём и что создаёт нас. Человек создаёт вещь, тянется к ней, также как вещь ищет человека и тянется к нему. Отношения между человеком и вещью в культуре сопровождаются всевозможными манипуляциями, соблазнами и интригами. В их соприкосновении рождается особый и социально драматичный мир взаимоотношений. Предметная среда современной культуры предстаёт в виде коммуникативной лаборатории и экспериментальной площадки для удержания, сохранения и визуального культивирования различных креативных практик, включая переосмысление и экранизацию объектов материального наследия. Через эти практики ретранслируются актуальные послания, смыслы и ценности меняющейся культуры, то есть осуществляется своего рода предметно-знаковая переклассификация культуры. Коммуникативные сдвиги и предметные пертурбации в креативности действия служат модификаторами культуры с их выраженной социально репрезентативной миссией, которая наиболее эффективно продвигается на основе и с помощью инновационных дизайнерских решений и цифровых технологий. Меняющаяся культура не обходится без конструирования новых визуальных контекстов, которые сопровождают и объединяют наиболее востребованные образцы, идеи и концепции преобразования материального наследия перед лицом вызовов глобализующегося мира. В современной культуре, и конкретно в диалоге человека с предметным миром, происходит постконцептуальный парадигматический сдвиг

в сторону культурализации (т. е. наполнения культурой) социальных устремлений, политических движений и экономических притязаний. Мы можем наблюдать различные практики широкого обращения к культурным ресурсам, где каждый объект является частью большой истории. Артефакты культуры могут быть не только исторической моделью, но также проводником и выразителем социально значимых смыслов (текстов). Этот постконцептуальный интеллектуальный поворот в известной мере освобождает артефакты от их привычного конкретного существования [Osborne P.] и дезавуирует их сакрально-символическую ограниченность, распространив предметно-эстетические и социально-коммуникативные свойства вещей на всю систему жизнедеятельности культуры. Например, если ранее музейный экспонат воспринимался лишь как один из объектов статичных, сакральных, элитарных артефактов в рамках выставочной экспозиции, то сегодня тот же экспонат все чаще позиционируется как ретранслятор, носитель важных сообщений и участник большого коммуникативного действия, предметно-визуального разговора между человеком и вещью. В этом случае экспонаты в музее выступают рассказчиками, инициаторами и дизайнерами, которые мотивируют зрителей, предлагая им усваивать и интерпретировать истории через собственный опыт и коммуникативное творчество. Здесь, в частности, актуализируются вопросы: как культура визуализирует память через свои материальные объекты и посредством каких предметных артикуляций, идеологических дискуссий, дискурсов и нарративов культура осуществляет переклассификацию ценностей и смену парадигм?

В пространстве визуальной коммуникации следует различать и правильно интерпретировать артефакты материальной культуры, в том числе для того, чтобы надлежащим образом включить мир объектов в эффективный диалог с людьми. Благодаря такому диалогу вещь приобретает иной статус – становится глаголящим персонажем, медиатором важных социальных сообщений. Так, в качестве музейного экспоната меморативные артефакты, попадая в надлежащий коммуникативный ландшафт, побуждают визитёра музея думать, сравнивать, связывать и творить своё диалоговое пространство. Важно приводить артефакты памяти в движение, выстраивать новую композицию, трансформировать контекст и наполнять его выразительным арт-дизайном и социальной драматургией. Как отмечает Н. Саймон, креативная смена визуальных ландшафтов в предметных артикуляциях музея создаёт необходимый многоголосый контент на месте сухих и неподвижных дидактических каталогов [Simon N.].

Методы исследования. В исследовании предметного мира культуры, как визуализированной объектно-коммуникативной реальности, уместно использовать культурологический подход и его когнитивный инструментарий. Суть данного подхода применительно к рассматриваемой теме состоит в том, что вещь позиционируется как подвижный знаково-символический объект, наделённый социальными, технологическими, функциональными и эстетическими признаками (смыслами, значениями), который выражает ту или иную проекцию человеческой деятельности и одновременно служит инструментом коммуникации между человеком и окружающим миром. Вещь, включаясь в повседневную социальную практику, ретранслирует насущные запросы людей и в качестве предметного коммуникатора становится участником культурных преобразований. В когнитивных границах культурологического осмысления мира вещей важно различать материальные объекты: 1) как хранителей прошлого – опредмеченных историй, знаний, ценностей и 2) как жизненно важный субстрат, драйвер культурных преобразований в пространстве современности, который можно толковать как способ реорганизации, идентификации, перекодирования и визуализации проблем сегодняшнего дня [Бишоп К., с. 72].

История вопроса. Историографические основания изучения бытования вещи в культуре достаточно разнообразны, внушительны и охватывают широкий круг вопросов междисциплинарного знания в разноаспектной проблематике, включая теоретико-философские, исторические, социологические и арт-культурологические исследования. Мир вещей как специфическая и семантически насыщенная культурная реальность обстоятельно рассматривается в работах М. Хайдеггера [16], А.Ф. Лосева [13], Ж. Бодрийяра [2], Г. Хармана [22], В.Н. Топорова [17], О.И. Генисаретского [5], В.А. Подороги [15], М.Н. Эпштейна [21] и многих других исследователей. В настоящей статье внимание автора обращено преимущественно к идеям В. Флюссера и Н. Буррио,

которые проясняют сущность и векторы трансформации предметного мира современной культуры через новые когнитивные подходы, эстетические стратегии и креативные практики. Немецкий культуролог В. Флюссер полагает, что будущее культуры должно обратить предметный мир на службу человечеству – где «предметы пользования в меньшей степени являлись бы препятствиями и в большей степени воплощали бы в себе связь между людьми. Культуры, в которой было бы больше свободы» [Флюссер В., с. 75]. Визуализируя культуру, предметный мир вовлекается в насущную креативную практику и становится необходимым инструментом не только для социально-экономических преобразований, но и для обновления ценностей культуры. Рассматривая векторы трансформации информационного общества, французский искусствовед Н. Буррио замечает: «Складывается впечатление, что мир культурных продуктов и произведений искусства образует некий автономный инкубатор, способный предоставить средства объединения индивидов; внедрение новых форм социальности и эффективная критика практикуемых образов жизни подталкивают к поиску новой позиции перед лицом художественного наследия, требуют выработки новых отношений к культуре в целом и к произведениям искусства в частности» [Буррио Н., с. 119].

Ещё одна тенденция в репрезентации предметного мира современной культуры состоит в том, что вещи дешевеют, не-вещи дорожают. Всё больше вещей в технотронном социуме обесценивается, становится ненужными, и где над ценностями всё сильнее довлеет информация. «Наличие ненужных вещей свидетельствует о деградации вещи», – предупреждает В. Флюссер [Флюссер В., с. 115]. В повседневной жизни людей все больше вещей лишних, невостребованных, забытых. При этом на первый план выходят информационные сервисы – программы, коммуникативные средства, сетевые и навигационные аксессуары. Производство вещей начинает вытесняться производством информации и программированием. «Материальная основа информации нового типа с экзистенциальных позиций незначима – заявляет В. Флюссер. Свидетельством этому выступает тот факт, что аппаратное обеспечение – хардвер – всё дешевеет, а программное обеспечение – софт – всё дорожает. Остатки вещественности, всё еще сохраняющиеся в этих не-вещах, можно не принимать во внимание при рассмотрении новой среды обитания. Наш экзистенциальный интерес, очевидно, смещается от вещей в сторону информации. Мы всё менее заинтересованы в обладании вещами и всё более – в потреблении информации. Не в том, чтобы приобрести ещё одно платье, ещё один предмет мебели, а в том, чтобы приобрести поездку, лучшее образование для наших детей, ещё одно музыкальное событие в том месте, где мы живём» [Флюссер В., с. 113].

Здесь также встает вопрос о «демократизации» предметного мира культуры. Вещи благоприятствуют или препятствуют достижению свободы, как они соотносятся с моралью и ответственностью в поведении людей? В. Флюссер даже задаётся вопросом: «Существует ли мораль вещей?» [Флюссер В., с. 75]. Ведь вещь небезучастна к переживаниям, интересам, побуждениям и ценностям человека. Производя вещи, люди закладывают в них вполне определённые человеческие качества, социальные маркеры и установки.

Ещё один значимый аспект проблемы, который вызывает в современной культуре беспокойство – это бесконтрольный доступ к культурным предметам и ценностям, их перевод из одной культуры в другую с последующим упрощением, присвоением и использованием. Демократизация художественных форм, эстетических предпочтений и предметных ландшафтов сопровождается таким синдромом современности, как культурная апроприация. Эта весьма чувствительная и неоднозначная практика заимствования инокультурных атрибуций сегодня стала предметом острых дискуссий. Не вдаваясь в формальные оценки феномена культурной апроприации, нельзя не заметить избыточную политическую ангажированность вокруг расширяющейся практики переноса исторически сложившихся образцов из одной культуры в другую и придания им иного значения и смысла. По сути, данный процесс никогда не выпадал из культуры. Вся мировая культура основана на взаимообмене, скрещивании, синтезе и взаимопроникновении. Однако в нынешних условиях с ростом демократических амбиций всё начинает измеряться в категориях права, собственности, политической преференции и экономическом расчёте. По мнению Н. Буррио, господство информационных технологий с выраженной экспансией культурной апроприации и переработки всех прежних устоявшихся форм «установило новую мораль: произведение принадлежит всем» и где

культура «стремится к отмене собственности на формы. ...Не ждёт ли нас впереди культура коммунизм форм?» [Буррио Н., с. 142].

Результаты исследования. Вещь может как разделять людей, так и объединять их. Одни предметы притягивают, другие отталкивают. Дело в том, что в современной культуре параллельно развиваются *два вектора* в диалоге человека и вещи, которые обрели в сложившейся ситуации новый смысл и особую остроту. **Первый вектор** выражает обезличенную проекцию предметного мира – когда вещи скоропалительно порождаются, клонируются и распространяются посредством новых технологий (искусственного интеллекта) без прямого участия человека. Здесь вещь прежде всего создаёт и тиражирует сама программа, софт, информационная система, и человек включается в производство материальных объектов лишь опосредовано. Проблема в том, что человек, отделённый от вещи (рукотворной), не несёт ответственность за неё. Ведь отвечать можно лишь за тот продукт, который ты сделал сам.

По мнению В. Флюссера, «в прошлом по умолчанию моральная ответственность за продукт лежала на том, кто его использовал. Если один человек закалывал другого ножом, вся ответственность за содеянное лежала на нём, а вовсе не на дизайнере, создавшим нож. Так, создание ножа являлось некой до-этической, свободной от ценностных оценок деятельностью. Однако сегодня всё изменилось. Многие продукты индустриального производства находятся в пользовании автоматизированной техники, и было бы абсурдным возлагать моральную ответственность за их использование на роботов» [Флюссер В., с. 77].

Второй вектор – это «живое» вовлечение человека в изготовление вещей, расширение и диверсификация сфер участия людей в создании собственных арт-объектов без посредников, напрямую (реди-мейд, бриколаж и пр.). Здесь каждый в меру своих способностей становится творцом и может привнести разнообразие в культуру, пусть и в рамках своего ограниченного бытового пространства. Применяя уже готовые вещи, мы создаём не только с их помощью, но и из них самих совершенно новую продукцию. Речь идёт о новом способе производства, когда сами вещи служат не столько инструментом, сколько самим объектом в конструировании новой культурной реальности. В этом процессе вещь позиционируется как персонаж, актер, участник, проектировщик актуального сценического действия. Технологии, оснащённые искусственным интеллектом, безусловно, расширяют границы этого проектирования, синтезируя и обогащая транслинейное коммуникативное пространство диалога человека с предметным миром культуры. Формотворчество в современной культуре генерирует новые арт-объекты даже с использованием и на основе уже готовых предметов. Так заявляет о себе череда всевозможных трансформаций и транспликаций предметного мира в современной культуре, где социальная, экономическая и эстетическая экспансия поступательно усиливается [Ионесов В., 2024 а), с.123, 206, 342]. Продукты инновационной технологической деятельности, сцепляясь с социальными контекстами и информационно-коммуникативными порядками, синтезируют всё более сложные межпредметные связи, расширяя границы как самой культуры, так и диалога человека и вещи. Иными словами, в этих условиях создаётся доселе неизвестный объект, именуемый Н. Буррио постпродукцией. По мнению Н. Буррио, «постпродукция сосредоточена на формах знания, порождаемых информационными сетями, иначе говоря – на способах ориентации в культурном хаосе и на возможности вывести из него новые способы производства. Основой для создания реляционных моделей чаще всего служат уже существующие произведения или формальные структуры» [Буррио Н., с. 119]. В сложившейся ситуации значимой становится роль искусства, художественных практик. Арт-проектирование и особенно такие его разновидности, как *реди-мейд* и *бриколаж*, существенно демократизируют креативную индустрию. Они приобщают к искусству, к созданию арт-объектов широкий круг людей, а не только профессионалов.

Следует также иметь в виду, что вещи могут служить знаками различия и способом притяжения к себе иных объектов материальной и духовной культуры. Важный аспект бытования вещей в современном обществе связан с расширением поля культурного разнообразия. Товары лишь тогда заметны и привлекательны, если они несут на себе знаки различия, исходящие от места их производства и этнокультурной среды. Почти каждая брендовая вещь идентифицирована своей культурной принад-

лежностью и тянет за собой историю, традицию, сложившийся художественный образ, идею или даже событие. Как замечает французский маркетолог К. Рапай, «покупая эксклюзивные вещи, мы приобретаем знаки различия» [Рапай, К., с. 137]. Различия, заложенные в вещах, позволяют также расшифровать культурные коды. Это становится возможным особенно тогда, когда вещи привносят различия через перемещение. Именно движение делает предметы различаемыми [Брабандер Л., с. 70]. Вещи, которые движутся – маркированные носители социальных посланий, ими поддерживается и расширяется не только коммуникативный обмен и порядок, но и культурное разнообразие в мире людей.

Ситуация с возрастающей значимостью культурных контекстов и контентов меняет также стоимостное измерение произведённых товаров. Если раньше ценность вещи, её цена зависели от затраченного на её изготовление труда, то в стоимость современного товара всё чаще закладывается её культурно-эстетический контент. Налицо – смещение от затраченного труда и стоимости материала к изысканному дизайну, богатой истории, захватывающему рассказу, узнаваемому бренду. Технологически вещи становятся дешевле, но их стоимость возрастает за счёт маркетингового приёма, так называемого *storytelling* – прикреплённую к вещи историю. Удельный вес культуры в отдельно взятой вещи поступательно возрастает и выгодно определяет добавленную стоимость товара.

Наглядным примером служит легендарная прямоугольная сумка Chanel 2.55 из стёганой кожи с длинной цепочкой. История данной поделки неразрывно связана с её товарным видом и задаёт культурный контекст репрезентации вещи – начиная от цифр, которые означают дату рождения вещи (февраль 1955 г.) до её устройства, фурнитуры и художественных деталей. Создатель сумки – французский модельер Габриэль (Коко) Шанель – вписала в её облик памятные моменты своей жизни. Во внутренней части сумки есть небольшой карман на молнии, в котором, по слухам, Коко носила свои любовные письма. Форма внешнего кармана вдохновлена улыбкой Моны Лизы. Подкладка бордового цвета отсылает к цвету одежды монахинь в монастыре, где провела своё детство Шанель. Цепочка на сумке также уподоблена аксессуару монахинь, которые использовали её для крепления ключей. Стёганный узор оформлен с элементами художественного стиля витражей аббатства Обазин (Aubazine), которыми Шанель восхищалась с детских лет [История Chanel...]. Становится очевидным, что именно культурно-знаковый нарратив задаёт социальную ценность и преумножает добавленную стоимость конкретного продаваемого артефакта – вещь становится не только экономически выгодным товаром, но одновременно и эстетически привлекательным и социально статусным объектом.

Влечение к вещи свойственно человеку, ибо всякий творец всегда устремлён к своему творению. Вещь рождается в руках человека или же посредством произведённых им инструментов и приборов, включая машины и компьютеры. Став вещью, предмет устремляется к человеку, будто подзывает его к себе, манит и ждёт чтобы им завладели. Обретая статус товара, к примеру, флакон духов на полке парфюмерного магазина, стремится, чтобы покупатель обратил внимание именно на него. У каждого такого продаваемого флакона есть вся необходимая культурная атрибутика, своего рода – «жилище» (упаковка), одеяние, наряд (оформление, этикетки), принадлежность и родословная (бренд), имя (название), место и дата рождения (информация о производителе), характер (описание), стойкость (устойчивость аромата), история бытования (распространение, биография), предназначение (целевая аудитория), гендерное и возрастное предпочтение (для мужчин, женщин, молодёжи или пожилых людей), дизайн (форма, рисунок, орнамент, композиция, цвет, шрифт надписи), самоназвание и сюжет («Лепесток ночи», «Госпожа», «Восточный миндаль» и пр.), наконец, главное – запах, его ноты, тона, ассоциации, аккорды (цветочный, древесный, фужерный, свежий пряный, травяной, мускусный, цитрусовый и пр.).

Действительно, «есть тонкие властительные связи меж контуром и запахом цветка» (В. Брюсов). Так, запах визуализируется через цвет и наименование: «Благородный жасмин» («Gelsomino Nobile» от *Acqua di Parma*), «Ледяная роза» («Rose Glacee» от *Armand Basi*), «Красная одежда» («Habit Rouge» от *Guerlain*), «Синяя вода» («Acqua Azzurra» от *Gianfranco Ferre*), «Изумительно зелёный» («Amazingreen» от *Comme Des Garçons*), «Истинно розовый» («Truly Pink» от *Vera Wang*), «Дух времени» («L'Air du Temps» от *Nina Ricci*) или «Возбуждающий любопытство» («Curious» от *Britney Spears*). У каждого парфюма свои посыл и нарратив, драматургия и движение чувств. Например, парфюм для женщин

«Любимый, не стесняйся» («Love, don't be shy») от парижского парфюмерного дома *Kilian Paris* или туалетная вода «Виновный» («Guilty») в прямоугольном флаконе с изображением мужчины на мчащемся мотоцикле от фирмы *Gucci*, или мужской парфюм «Самарканд» («Samarkande» от *Yves Rocher*), наполненный экзотическими ароматами, духом странствий, приключений и новых впечатлений. Во всех случаях артефакты парфюма, оказавшись на витрине магазина, включаются в коммуникативный контекст визуализации предметности, ожидания и контакта [У витрины...].

Как бы то ни было, трудно не признать, что привычные предметные формы, материальные объекты начинают смещаться на периферию цифровой культуры. По наблюдению В. Флюссера: «Одновременно с этим все большая часть общества занята производством информации, «сервисов», управлением и программированием и всё меньшая – производством вещей. Вещественная буржуазная мораль – производство, хранение, и использование вещей – уступает место новой морали. Жизнь в среде, приобретающей невещественный характер, обретает иной окрас» [Флюссер В., с. 115].

Становится очевидной также тенденция перехода вещи в разряд всё более бестелесных сущностей. В современной культуре вещь как бы разрывает свою телесную оболочку, и, вырываясь за пределы материальных предметных форм, захватывает обширные информационные пространства. В этом смысле вещь прожорлива, ненасытна и всеохватна – стоит только её поманить, выразить интерес. Она готова отказаться от предметной брэнности и стать более долговечным бестелесным информационным объектом – не-вещью. Но и став не-вещью (цифровым артефактом), не-вещь сохраняет за собой «родимые пятна» вещи. В их новом обличье люди продолжают использовать не-вещи как вещи – и это позволяет рассматривать их метаморфозу как своего рода продолжение экспансии предметного мира, но уже в ином цифровом обрамлении. Не обесценятся ли в этом случае привычные нам вещи, не сместится ли вся ценность в сторону информации? [Флюссер В., с. 115]. Беспокойство В. Флюссера о том, каким станет человек в результате перехода от диалога с «живыми» вещами к взаимодействию с их бестелесными невидимыми проекциями весьма своевременно и уместно.

В современной культуре иногда вещь предстаёт как не-вещь, и даже демонстрирует исчезновение предметности. Безусловно, новые технологии и креативные практики расширяют привычные границы восприятия вещи, которые выходят за пределы её предметной сущности. Процесс разрушения и исчезновения вещи выстраивается в самостоятельный арт-объект, иногда с ещё большей стоимостью, чем сам рукотворный предмет до момента его распада. Таким предстаёт акт публичного выставления и одновременно самоликвидации картины «Девочка с шаром» британского уличного художника Бэнкси вечером в пятницу, после того как 6 октября 2018 г. была продана на аукционе Sotheby's в Лондоне. Единственный экземпляр картины был выполнен акриловыми красками на холсте в 2006 г. И с последним ударом молотка картина, проданная за £1,04 млн (\$1,4 млн) начала «самоуничтожаться». Художник заранее встроил шредер в одну из своих картин и в нужный момент запустил механизм для измельчения бумаги. 18 октября художник опубликовал видео, где показано, как создавалась картина с секретом. При этом Бэнкси подписал ролик известной фразой художника Пабло Пикассо: «Побуждение к разрушению – это тоже творческое побуждение». В разрезанном состоянии картина получила иное название: «Любовь в мусорной корзине» (“Love Is in the Bin”), и подорожала почти вдвое. «Когда молоток опустился, а работа самоуничтожилась, я была в шоке. Но затем я осознала, что теперь мне принадлежит частичка истории искусства», – призналась новая владелица произведения¹. Вскоре самоуничтоженная картина превратилась в мем. Распространение получили арт-объекты, где полосы публично уничтоженного полотна сравнивались либо с разрезанной снизу футболкой, либо с картошкой фри, либо с разрезанным светодиффузором и т. п.

Кроме того, в современной цифровой культуре завоёвывают своё место и активно продвигаются NFT (non-fungible token) – беспредметные арт-объекты, определяемые как уникальный токен, кото-

¹ Sotheby's 'Banksy-ed' as painting 'self-destructs' live at auction. – URL: <https://www.theartnewspaper.com/2018/10/05/sothebys-banksy-ed-as-painting-self-destructs-live-at-auction> (дата обращения: 12.02.2025).

рый обладает исключительной невзаимозаменяемой спецификацией (кодом). Каждый экземпляр представляет собой криптографический сертификат цифрового объекта, включая произведения искусства, что является совершенно новым феноменом в информационном обществе. Вещь уже не совсем вещь или уже не-вещь, но при этом не лишённая своей художественной ценности. Рынок NFT-art-продуктов – один из наиболее быстро развиваемых с его невероятно высокой добавленной стоимостью. У каждой вещи свой путь к витрине и свой исторический статус.

Человек информационного общества всё глубже погружается в виртуальный мир – в мир эфемерных краткосрочных образований. Этот новый человек подменяет свою самость – свою телесность, чувственность, пронизательность, искусственным инструментарием, который позволяет быстро решать сиюминутные задачи, но малопродуктивен в долгосрочном планировании и совершенно беспомощен в мире человеческих ценностей, в создании прочных межличностных связей. Плоский и одномерный взгляд приходит на смену объёмному и, всякий раз сбивая с пути, заставляет человека ошибаться.

Эту ситуацию описывает В. Флюссер: «Этот новый человек, зарождающийся вокруг нас и внутри нас самих, в реальности попросту безрукий. Он уже не знает, как поступить с вещами, и потому уже нельзя будет сказать, что он совершает поступки. Исчезнут понятия практики, работы. Единственное, что останется такому человеку от рук – это кончики пальцев, которыми он будет нажимать на кнопки, чтобы вести игру с символами. И потому это уже более не человек действующий, а человек играющий – не *homo faber*, а *homo ludens*. Для него жизнь – уже не трагедия, а спектакль. В ней нет больше действия, одни только сенсации. Новый человек не желает действовать и обладать – он желает переживать. Он желает обрести опыт, познавать и прежде всего наслаждаться. Поскольку он не заинтересован в вещах, у него не может быть и проблем. Вместо них у него есть программы» [Флюссер В., с.117].

Оцифровывание культуры и структурный раскол обуславливает ощущение человеческой одиночества, недостаточности, отчуждает людей друг от друга, расстраивает силы социального, эстетического и этического притяжения, эмоциональную вовлечённость – любовь, соучастие, сопереживание, дружбу, солидарность, жертвенность, тягу к единению и пр. Но раскол выражает и пространственную вовлечённость людей, желание путешествовать, странствовать, преодолевать границы, любопытствовать, фиксировать связь со всем миром, фотографировать, сохранять память, делиться друг с другом воспоминаниями, знаниями, опытом, т. е. всем тем, что способствует снятию онтологической отчужденности и родовой антропологической разобщённости.

Ещё один тренд в современной культуре, как реакция на экспансию одноразовых товаров и услуг – обращение, казалось бы, к уже забытым артефактам доцифровой реальности (печатным книгам, кинотеатрам, живой музыке, антиквариату, реди-мейду и пр.). Об этом же свидетельствует распространение практики апсайклинга (от англ. *Upcycling*) – вторичного использования вещей и сопутствующих им материалов с целью создания для них обновлённого функционала и увеличения их ценности. Креативность действия позволяет вернуть в культуру давно выпавшие из неё вещи и добиться их нового прочтения. Новые технологии всё чаще преобразуют наследие в область творчества. Императивы наследия могут воплощаться в актуальные практики жизнеспособности культуры. Когда традиции становятся площадкой для креативности действия, прошлое включается в современное. По словам Д.С. Лихачёва: «Простое подражание старому не есть следование традиции. Творческое следование традиции предполагает поиск живого в старом, а не механическое подражание иногда отмершему» [Лихачев Д.С., с. 488-489].

Выводы. Артефакты культуры есть мощный ресурс визуализации памяти и творческой активности людей. Сохраняя прошлое через его сцепление с настоящим, культура решает актуальные задачи сегодняшнего дня и обеспечивает необходимые условия для поступательного движения в будущее. Предметный мир следует рассматривать как культурную реальность, в которой материальные объекты представляют собой семантически-организованную визуальную композицию. В композиционном порядке социальной репрезентации артефакты культуры предстают в своей рациональной форме, выражающей в каждом конкретном случае тот или иной текст, историю, сюжет, образ и событие. Вещи служат маркерами публичной демонстрации и продвижения социально значимых сообщений.

Коммуникативное пространство человеческой деятельности постоянно претерпевает трансформации, которые всякий раз поражают воображение. Создаются новые объекты, меняются интересы,

функции, отношения, связи, порядки. Данное обстоятельство превращает предметную среду культуры в своего рода мощную лабораторию по удержанию и ретрансляции опыта, знаний и ценностей. При этом артефакты предметного мира культуры через креативную деятельность человека вступают в отношения друг с другом – объединяются, скрещиваются, синтезируются, контаминируются, трансплотируются порождая отдельные и самостоятельные арт-объекты, в которых искусно соединяются самые разные, казалось бы, не соединимые вещи. Здесь уже изготовленные предметы служат своего рода «строительной площадкой» для дальнейшего арт-проектирования. Так заявляет о себе череда всевозможных трансформаций предметного мира в современной культуре, где социальная, экономическая и эстетическая экспансия постпродукции поступательно усиливается. Вещи выступают не только инструментом трансформации предметной среды человека, но и важными информативными носителями социальных посланий, ими поддерживается и расширяется, в том числе, культурное разнообразие в мире людей.

Визуализация объектов социальной памяти не должна быть просто наблюдением и просмотром. Здесь необходима, и в условиях нарастающих перемен особенно, креативность действия. Только тогда артефакты наследия, глядя на своих наблюдателей, способны побуждать их сопереживать, сохранять в памяти исторические события, связывать прошлое и настоящее, понимать и уважать других, реагировать на вызовы нашего времени и быть отзывчивыми на события, происходящие сегодня.

Источники:

Sotheby's 'Banksy-ed' as painting 'self-destructs' live at auction. – URL: <https://www.theartnewspaper.com/2018/10/05/sothebys-banksy-ed-as-painting-self-destructs-live-at-auction> (дата обращения: 12.02.2025).

Литература:

1. Бишоп, К. Радикальная музеология, или так ли «современны» музеи современного искусства? – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. – 96 с.
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. – Москва: Рудомино, 1995. – 168 с.
3. Брабандер, Л. де. Забытая сторона перемен. Искусство создания инноваций. – Москва: Протекст, 2010. – 203 с.
4. Буррио, Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 216 с.
5. Генисаретский, О. И. Упражнения в сути дела. – Москва: Рус. мир, 1993. – 280 с.
6. Ионесов, В. И. Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир // Креативная экономика и социальные инновации. – 2012. – Т. 2. – № 2 (3). – С. 75-94.
7. Ионесов, В. И. Люди и вещи: то, что мы создаём и то, что создаёт нас. – Самара: Самарама; Прайм, 2024. – 420 с.
8. Ионесов, В.И. Метаморфозы вещи в культуре: особенности символической коммуникации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2024. – Т. 26. – № 4 (97). – С. 59-68.
9. Ионесов, В. И. Память вещи: «Дух Армении» в образах и сюжетах забытого артефакта. – Самара: ООО «Самарама», 2021. – 322 с.
10. История Chanel 2.55 (2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://bagaholic.ru/2021/istoriya-chanel-255/> (дата обращения: 15.01.2025).
11. Классификация в археологии: терминолог. слов.-справ. / ред. В.С. Бочкарёв. – Москва: ИА АН СССР, 1990. – 156 с.
12. Лихачев, Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2022. – 544 с.
13. Лосев, А. Ф. Самое само: сочинения. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
14. Мельникова-Григорьева, Е. Безделушка, или жертвоприношение простых вещей. – Москва: Новое лит. обозрение, 2008. – 160 с.
15. Подорога, В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. – Москва: Грюндриссе, 2016. – 348 с.
16. Рапай, К. Культурный код: как мы живём, что покупаем и почему. – Москва: Альпина Паблишер, 2015. – 168 с.
17. Топоров, В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // Aequinox. – Москва, 1993. – С. 70-94.
18. У витрины: визуализация предметности, ожидания и контакта: сб. науч. ст. / под ред. В.И. Ионесова. – Самара: BEK #21, 2015. – 455 с.
19. Флюссер, В. О положении вещей. Малая философия дизайна. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 160 с.

20. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 45-66.
21. Эпштейн, М. Н. Реалогия, вещеведение // Проектный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – С. 346-350.
22. Harman, G. *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things* / Open Court Publishing, Chicago and La Salle, Illinois, 2005. – 283 p.
23. Flusser, V. *Vom Subject zum Project*. – Menschwerdung. Bollman Verlag GmbH, Bensheim und Dusseldorf, 1994. – 284 p.
24. Osborne, P. *Anywhere or Not at All: Philosophy of Contemporary Art*. – London: Verso, 2013. – 282 p.
25. Pachter, M. & Landry, Ch. *Culture at the Crossroads. Culture and Cultural Institutions at the 21st Century*. – London, Comedia, 2001. – 113 p.
26. Ritzer, G. *The Globalization of Nothing*. – Thousand Oaks, CA (USA): Pine Forge Press, 2004. – 280 p.
27. Simon, N. *The Participatory Museum*. – Santa Cruz, California: Museum 2.0, 2010. – 390 p.
28. Smith, L. *The Uses of Heritage*. – London: Routledge, 2006. – 351 p.

THE OBJECT WORLD AS A FIELD OF VISUALIZATION AND RECLASSIFICATION OF CULTURE

© 2025 V.I. Ionesov

*Vladimir I. Ionesov, Doctor in Cultural Studies, Ph.D. in History, Professor
at the Department of Culture, Museum and Art Studies*

<https://orcid.org/0000-0002-6175-5904>

E-mail: acdis@mail.ru

Samara State Institute of Culture
Samara, Russia

All social transformations in history have always relied on culture in one way or another, seeking justification and support in it. From this perspective, the objective world of society not only reflects the urgent demands of society, combining current social and ideological paradigms, but also provides a person with many real opportunities to promote and renew culture. In this article, the appeal to culture is based primarily on rethinking its material attributions, which are considered through their coupling with cultural practices and technological innovations. All this makes us look at the world of things more broadly, finding answers to many urgent questions of our time in cultural artifacts, that is, to see in the forms and articulations of objects what is hidden behind their usual material shell. A thing is not indifferent to the preferences and values of a person. In the space of social interaction, a thing acquires the status of a character, an actor, a participant, a designer of a new cultural reality. Things also serve as signs of distinction and a way to attract culture. At the same time, it is the cultural context that largely shapes the social significance of an artifact and makes it not only an economically useful object, but also an aesthetically attractive and socially status item. Information and digital technologies expand the boundaries of the world of things, and by challenging culture, enrich it with new art objects. In the process of subject transformation, things are increasingly included in communicative innovations and current cultural practices. The dialogue between a person and a thing in a changing society is positioned as an area of creativity, visualization of memory and reclassification of culture. Some aspects of subject transformation in creative practices of modern culture are considered in this article.

Key words: object world, aesthetic transformations, visualization, creativity of action, heritage, cultural diversity, art design

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-89-98

EDN: YKMGBW

References:

Sotheby's 'Banksy-ed' as painting 'self-destructs' live at auction. – URL:

<https://www.theartnewspaper.com/2018/10/05/sothebys-banksy-ed-as-painting-self-destructs-live-at-auction> (дата обращения: 12.02.2025).

1. Bishop, C. *Radikal'naya muzeologiya, ili tak li uzh "sovremenny" muzei sovremennogo iskusstva* [Radical Museology, or What's "Contemporary" in Museums of Contemporary Art?]. – Moscow: Ad Marginem Press, 2014. – 96 p.
2. Baudrillard, J. *Sistema veschey* [System of Things]. – Moscow: Rudomino, 1995. – 168 p.

3. Brabandere, L. Zabytaya Storona Peremen. Iskustvo Sozdaniya Innovatsiy / The Forgotten Side of Changes. The Art of Creation of Innovations. Achieving Greater Creativity through Changes in Perception. – Moscow: Protex, 2010. – 203 p.
4. Bourriaud, N. Relyatsionnaya estetika. Postproduksiya [Relational aesthetics]. – Moscow: Ad Marginem Press, 2016. – 216 p.
5. Genisaretskij, O.I. Uprazhneniya v suti dela [Exercise is the point]. – Moscow: Russkij mir, 1993. – 280 p.
6. Ionesov, V. I. Veschi v prostranstve kultury: predmety, menyayushchie mir [Things in the Space of Culture: Objects that Change the World] // Creative economics and Social Innovations. – 2012. – V. 2. – № 2 (3). – P. 75-94.
7. Ionesov, V.I. Ludi i veschi [People and things. What we create and what creates us]. – Samara, Samarama; Prime, 2024. – 420 p.
8. Ionesov, V.I. Metamorfozy veschi v culture: osobennosti simvolicheskoy komunikatsii [Metamorphoses of things in culture: features of symbolic communication] // Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences. – 2024. – Vol. 26. – no. 4 (97). – P.59-68.
9. Ionesov, V.I. Pamyat' veshchi: «Duh Armenii» v obrazah i syuzhetah zabytogo artefakta [Memories in a thing: “The Spirit of Armenia” in the images and stories of a forgotten artifact. – Samara: Samarama, 2021. – 322 p.
10. Istoriya Chanel 2.55 [History of Chanel 2.55]. – URL: <https://bagaholic.ru/2021/istoriya-chanel-255/> (дата обращения: 15.06.2024).
11. Klassifikatsii v arheologii [Classification in archaeology, ed. by V.S. Bochkarev]. – Moscow: Institute of archaeology of Academy of Sciences of USSR, 1990. – 156 p.
12. Likhachev, D. S. Isbrannye trudy po russkoy i mirovoy kulture [Collection of works on Russian and World Culture]. – Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburg State University of Trade Unions, 2022. – 544 p.
13. Losev, A. F. Samoe samo: Sochineniya [The very thing: Essays]. – Moscow: EKSMO-PRESS, 1999. – 1024 p.
14. Melnikova-Grigorieva, E. Bezdelushka, ili zhertvoprinoshenie prostykh veshchey [The trinket, or the sacrifice of simple things]. – Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008. – 160 p.
15. Podoroga, V. A. Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoy antropologii [Question about things. Experiments in analytical anthropology]. – Moscow: Izd-vo Gryundrisse, 2016. – 348 p.
16. Rapaille, C. Kulturnyi kod [The Culture Code]. – Moscow, Alpina Publisher, 2015. – 168 p.
17. Toporov, V. N. Veshch' v antropocentricheskoy perspektive [Thing in an anthropocentric perspective] //Aequinox. – Moscow: 1993. – P. 70-94.
18. U vitriny: vizualizatsiya predmetnosti, ozhidaniya i kontakta [At a Showcase: Visualization of Objectivity, Expectation and Contact]. Edited by Vladimir I. Ionesov. – Samara: Samara Institute “Higher School of Privatization and Enterprise”; “Samara State Institute of Culture; Samara Society for Cultural Studies. – Samara: Vek #21, 2015. – 455 p.
19. Flusser, V. O polozhenii veshchej. Malaya filosofiya dizajna [About the state of things. Small design philosophy]. – Moscow: Ad Marginem, 2016. – 160 p.
20. Heidegger, M. Vopros o tekhnike [Issue of technics] // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West]. – Moscow: Progress, 1986. – P. 45-66
21. Эпштейн, М. Реалогия, вещеведение // Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – С. 346-350.
22. Harman, G. Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things / Open Court Publishing. – Chicago and La Salle, Illinois, 2005. – 283 p.
23. Flusser, V. Vom Subject zum Project. Menschwerdung. Bollman Verlag GmbH, Bensheim und Dusseldorf, 1994. – 284 s.
24. Osborne, P. Anywhere or Not at All: Philosophy of Contemporary Art. – London: Verso, 2013. – 282 p.
25. Pachter, M. & Landry, Ch. Culture at the Crossroads. Culture and Cultural Institutions at the 21st Century. – London: Comedia, 2001. – 113 p.
26. Ritzer, G. The Globalization of Nothing. – Thousand Oaks, CA (USA): Pine Forge Press, 2004. – 280 p.
27. Simon, N. The Participatory Museum. – Santa Cruz, California: Museum 2.0, 2010. – 390 p.
28. Smith, L. The Uses of Heritage. – London: Routledge, 2006. – 351 p.

УДК 168.522 : 791.43.01 (Гуманитарные науки. Культурология / Теория и эстетика кино)

«СВОИ И ЧУЖИЕ» В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ КИРЫ КОВАЛЕНКО

© 2025 С.С. Орищенко

Орищенко Светлана Серафимовна, доктор культурологии,
кандидат педагогических наук, профессор кафедры культурологии,
музеологии и искусствоведения
E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru
Самарский государственный институт культуры
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 07.02.2025

Статья посвящена концепту «свои – чужие» и его отражению в метаязыке современного отечественного кинематографа на примере творческой мастерской Киры Коваленко, ученицы А. Сокурова. Её фильм «Софичка» посвящен сложным жизненным ситуациям абхазской девушки, которая пытается обрести опору в кругу близких родственников. Фильм «Софичка» поставлен по одноимённой повести Фазиля Искандера. Взаимоотношения в семье и размежевания в ней на «своих – чужих» – примета сегодняшнего дня. Несмотря на молодость кинорежиссёра, мы можем говорить о состоявшемся мастере, идиостиль которого требует тщательного изучения и анализа. В статье рассматриваются особенности стиля кинорежиссёра. Кира Коваленко знакомит нас с образом абхазской девушки, которая вызывает восхищение и у «своих», и у «чужих». Режиссер в данном киноповествовании совмещает географический, исторический и психологический пласты, классы совместились. Каждый из них характеризует отдельную грань в характере главной героини. Используя с этой целью разные стилистические приемы, в т.ч. «анафорический экран», лингвистический (герои говорят на национальном языке), с субтитрами – К. Коваленко добивается нужного эффекта зрительского восприятия: путь простой чечемской девушки вызывает бесспорное уважение, поскольку вмещает в себя всё лучшее, что свойственно культуре абхазского народа.

Ключевые слова: кинокультурология, «свои – чужие», ядро культуры, анафорический экран, фасцинативное притяжение, крупный план, Кира Коваленко, «Софичка»

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-99-104

EDN: YQXKRG

Введение. Концепт «свои – чужие» постоянно присутствует в современном художественном кинематографе и является фундаментальной его частью [4]. Без него не разворачивается сюжет, основанный на конфликте, не определяется жанр киноповествования, не возникает вопроса, чью сторону принять после просмотра фильма. В данном случае мы понимаем концепт как «фрагмент опыта жизни человека» [Карасик В.И., с. 31]. Киноискусство интересно тем, что состоит из опыта многих. Оно вмещает в себя опыт писателя, сценариста, художника, композитора, оператора, режиссёра, актёров, костюмеров, гримёров – всех тех, кто входит в группу кинематографистов. Каждая из групп специалистов пользуется специфическими знаками, которые могут объединяться в архетипические, традиционные, поэтические и индивидуальные символы. Не менее важен опыт зрителей, ведь именно он помогает фильму занять достойное место в системе культурных ценностей. Постоянная рефлексия по поводу увиденного на экране помогает «отделить зёрна от плевел». Кинематографический сеанс сконцентрирован: кинопространство ограничено чёткими временными рамками. Увидеть и распознать «своих – чужих» внутри кинотекста не всегда бывает легко, порой зритель до конца сомневается в своём выборе. Чем сложнее принять чью-либо сторону, тем интереснее смотреть фильм. Чем более неприятен финал истории, тем важнее решение – приятие или отрицание «чужого». «Свои – чужие» в силу своей специфики не существуют один без другого. Их ценность состоит во взаимном притяжении, столкновении, перекодировке, примирении. В хорошем сюжете киноповествования не сразу опознаёшь, кто «свой», а кто «чужой». «Чужой» может быть совсем рядом, хотя является членом семьи, как в фильме «Софичка» Киры Коваленко.

История вопроса. Творчество Киры Коваленко еще не было предметом пристального научного исследования. Кроме энциклопедических сведений в Интернет-пространстве, ей посвящен ряд рецензий, статей научно-популярного характера¹, анонсов. Настоящая статья продолжает исследование артефактов современного киноискусства в парадигме «свои-чужие» как предмета культурологического познания [Орищенко С.С. а), б)].

Методы исследования. В работе использован интегративный системно-культурологический подход с элементами герменевтики. И здесь резонно обратиться к методологии С.И. Карасика, утверждавшего: «Интерпретативный анализ – основной метод герменевтики в основе главного метода изучения концепта» [Карасик В.И., с. 121].

Результаты исследования. Часто в основе взаимоотношений «своих – чужих» «чужие» характеризуются другой культурой. Известно, насколько психологически тяжелой становится ситуация, когда «чужим» становится человек, знакомый с детства. Погружение в систему ценностей иной культуры позволяет зрителям принять или отринуть персонажей, разделяя их на героев и антигероев. Как вести себя персонажу, если «чужой» приблизился так близко? Как оценить его? Как сформировать к нему своё отношение. Юрий Арабов считает: «Человек мыслит и воспринимает по аналогии, по тому, как новое соотносится со старым. Новое будет понято тем скорее, чем оно больше совпадает со старым. Таким образом, художественный авангард будет пользоваться успехом лишь тогда, когда он создаст за собой историческую традицию, когда произведение будет сравниваться с потоком, с явлением в целом. Чем легче это единичное произведение напомнит поток, тем скорее узнается, скорее оценится аудиторией»².

«Свои – чужие» различны на всех уровнях, начиная с этимологии и заканчивая морфологией и синтаксисом. «Ядро культуры вырабатывается веками и обретает устойчивость и прочность социокультурно-генетического аппарата. Оно определяет и способ реагирования социума на инновации. Оно, следовательно, обеспечивает адаптационные механизмы, возможность приспособления к меняющимся условиям материального и духовного бытия данного общества... Ядро культуры обладает высокой устойчивостью потому, что оно окружено особым защитным культурным поясом. Он состоит из системы социальных, поведенческих, нравственных и интеллектуальных реакций на все виды аккультурации. Защитный пояс препятствует воздействию на ядро культуры со стороны внешней культурной Среды, защищает это ядро от разрушения и трансформации» [Ракитов А.И., с. 7]. Особую роль это приобретает в многонациональном государстве, где каждый народ опирается на традиции своей культуры.

В фильме «Софичка» Киры Коваленко героиня постоянно обращается к молодости: к счастливой, смеющейся юности, к тому времени, когда все были живы. Героиню играет (непрофессиональная актриса Лана Басария). Повзрослевшая и повидавшая горе на своём веку, героиня не изменила отношения к миру и людям (актриса Циала Инапшба). Доброе сердце сохранило добрые отношения с людьми на протяжении всей жизни. Героини соприсутствуют в кадре. Пожилая наблюдает за беззаботностью молодой. Её радует смех девушки, её легкость, грация, умение любить, быть общительной, нравиться всем. Кажется, что её жизнь – жизнь счастливого человека, наполненная особым смыслом, особенной дорогой, которую она разделит со зрителем и «заразит» счастьем, покажет «свой» светлый путь. Когда героини соприсутствуют в кадре, уместно сказать о роли монтажа в идиостиле Киры Коваленко. *«Здесь применяется третий вид монтажа, монтаж сходящийся, или конвергентный, когда чередуются моменты двух действий, которым предстоит соединиться. И чем больше действия сходятся, чем ближе их соединение, тем стремительнее они чередуются (ускоренный монтаж)»* [Делёз Ж., с. 47].

Очаровательное лицо Софички в молодости превратилось в лик мудрой женщины. Её лицом не устаёшь любоваться. Она прекрасна и в юности, и в старости. Морщинки только подчёркивают кра-

¹ Данилова С. Птенец гнезда Сокурова. – URL: <https://etokavkaz.ru/kavkaz-v-bolshom-mire/ptenetc-gnezda-sokurova> (дата обращения: 07.02.2025).

² Арабов Ю.Н. Кинематограф и теория восприятия. Учебное пособие / Ю.Н. Арабов. – М.: ВГИК, 2003. – С. 13.

соту этой женщины, сумевшей сохранить в себе человека, не смотря на все невзгоды и горести, которые ей пришлось пережить. Лёгкость её имени: Софичка – подчёркивает в ней врождённую способность к мудрости. Она заключается в сильном характере Софички, способной выстоять при самых сложных испытаниях: смерти мужа, потери ребёнка, отстаивании чести незамужней женщины, работы на преодолении физических сил, сопровождении свёкра и свекрови в Гулаг, и работы, работы, работы. Окружающие, наблюдая за ней, часто любят не только красотой её лица, но и фигурой. Несколько кадров в разных эпизодах демонстрируют её стройные ноги. Они быстры и легки, напоминают строки из стихотворения М.И. Цветаевой: «*Не устают мои лёгкие ноги висеть над высотой*»³. Лёгкие ноги нашей героини всегда идут навстречу тому, кто нуждается в её поддержке. Символика стройных ног, подчёркивающая женское начало в Софичке, противопоставлена силе характера героини. Хрупкая, полувоздушная, Софичка может дать отпор тому, кто посягает на её честь. Ни в одной ситуации героиня не запятнала своего честного имени. Всем, кто с нею рядом, легко с ней. Её сердце очаровывает окружающих бескорыстной помощью, пониманием, желанием поделиться душевным теплом, стремлением прийти на помощь. Кира Коваленко постоянно показывает героиню крупным планом: любит её сама и заставляет любоваться зрителя. Ученица А. Сокурова хорошо усвоила урок, как создать эмоциональную составляющую художественного образа («образ-переживание есть образ крупным планом, а крупный план – это лицо... Эйзенштейн предлагал, чтобы образ крупным планом был не просто таким же, как и остальные, но еще и способствовал эмоциональному прочтению всего фильма» [Делёз Ж., с. 110]).

Через крупный план двух актрис, исполнительниц роли Софички, видна душа этой женщины, которая прожила жизнь святого человека: в трудах и заботах о своих близких. Ни один помысел, ни одно действие не сделали её в глазах зрителей «чужой». У Жюль Делёза в книге «Кино» есть термин *анаморфический экран*, когда разные виды города снимают с разных ракурсов: вертикального, горизонтального, лежащего, вровень с ростом человека. Если прибегнуть к языку паремий, то можно ввести термин-пароним – *Анафорический экран*. Так можно назвать любое повторение в кадре. Чередование ликов Софички, молодой и старой, не раздражает. Оно подчёркивает интерес к героини киноповествования, делает её «своей». По словам Ю. Лотмана, «так возникает любопытный парадокс. Образ человека на экране предельно приближен к жизненному, сознательно ориентирован на отдаление от театральности и искусственности. И, одновременно, он предельно – значительно более, чем на сцене и в изобразительных искусствах – семиотичен, насыщен вторичными значениями, предстаёт перед нами как знак или цепь знаков, несущих сложную систему дополнительных смыслов» [Лотман Ю., с. 84].

Достоинством кинематографической работы Киры Коваленко стал пересказ повести Фазиля Искандера «Софичка». Таким образом, киноповествование, увиденное, осмысленное и пересказанное зрителями, приобрело *фасцинативное притяжение*, то есть от многократного повторения истории зритель осознаёт ценный опыт, когда понимает, как чегемская девушка стала родной, «своей», той, которая становится человеком притягательным, интересным, достойным уважения. «*Фасцинативное притяжение – тексты требуют многократного повторения и каждое повторение осознаётся как ценный опыт*» [Карасик В.И., с. 241]. По сути дела, Кира Коваленко говорит с нами языком кинематографа и через коммуникативную кинокультурологическую точность доказывает, что среди людей любой национальности встречаются «свои», те, кто становится образцом духовного подвига [Орищенко С.С. а)].

По справедливому утверждению Ю. Лотмана, «кинematограф говорит с нами, говорит многими голосами, которые образуют сложнейшие контрапункты. Он говорит с нами и хочет, чтобы мы его понимали» [Лотман Ю., с. 91]. Если мы обратимся к кинематографическим реминисценциям, то останавливаем свой выбор на персонаже фильма Владимира Хотиненко «Зеркало для героя» (1987 г.) в исполнении Сергея Колтакова. Сын запутался во взаимоотношениях с отцом, он готов «предать» отца, оставив его доживать свой век в одиночестве. Он бросает в лицо самому близкому человеку

³ Цветаева М.И. Собрание сочинений в 7 томах. Встреча с Пушкиным. Том 1. / М.И. Цветаева. Стихотворения. – М.: Эллис Лак, 1994. – С. 187.

обвинения, предъявленные к поколению родителей, которые ошиблись, не поняли, не смогли. Он готов порвать отношения с отцом и отступить от него, но случай переносит его в далёкое прошлое: 1949 год, год рождения героя фильма. Когда сын осознаёт, что произошло с ним, он продолжает скептически относиться к поколению, восстановившему мирную жизнь после Великой Отечественной войны. Единственное, к чему он привязан в новых обстоятельствах, это родительский дом, к которому сын каждый вечер приходит снова и снова, встречается свою молодую мать, беременную им, заговаривает с ней и скрывается из поля зрения при возвращении отца с работы. Не известно, как долго блуждал бы сын в прошлом, в котором он ещё даже не успел родиться, но в один из вечеров отца арестовывают и везут на допрос. Герой потрясён этим событием, он пытается докричаться до конвоя, пытаясь убедить их, что отец не виноват, и решает в итоге оговорить себя, назвавшись американским шпионом. Когда сына тоже «приняли в воронок», тот стал задавать отцу вопросы. Главный заключался в том, почему отец никогда не рассказывал об этом эпизоде из своей жизни. Когда по просьбе отца конвоиры вытолкали сына из машины, мать родила своего мальчика. Эта уникальная метафора рождения героя, заключающаяся в прозрении и подтверждающая всеобъемлющую любовь к отцу, когда сын готов ради отца жертвовать собой, отсылает нас к взаимоотношениям Отца Небесного с Сыном Человеческим. Герой смог оценить свои взаимоотношения с отцом, благодаря лишь глубокому погружению в себя. Время позволило ему оценить возможности каждого, пережить ключевые моменты из жизни отца, чтобы прийти к единственному мнению: не судите и не судимы будете. Зеркальное отражение жизни отца, матери, людей, которые их окружали, работников шахты, где трудился отец, трепетное ожидание родителей своего ребёнка – всё всколыхнуло в герое единственное верное чувство – любовь к отцу. Это погружение помогло герою признать в отце «своего», хотя совсем недавно он пытался прервать с ним отношения, хотел отдалиться, стать «чужим». Как только герой решил задачу бытия, пережив катарсис своего земного воплощения, он понял, что отец играет в его судьбе равную роль вместе с матерью, и только тогда он смог вернуться в своё время. После возвращения он наблюдал за собой и отцом через оконное стекло, видел, что прощается с отцом по-доброму, с уважением, так, как подобает сыну. Сближает эти картины то, что и герой В. Хотиненко, и Софичка Киры Коваленко постоянно находятся на грани двух времен: молодости и зрелости. Переходы в событийном ряде свободно трансформируются от одного пространственного и временного измерения к другому. Если герой В. Хотиненко ошибается в зрелом возрасте и у него есть возможность исправить события настоящего, то у Софички «счастье» отнято смолodu. Она ничего не может исправить, изменить в своей судьбе. Верность мужу и трудолюбие будут теми опорами, которые станут поддерживать её в жизни до смертного часа, раскрывая лучшее, что было в этом человеке. Софичка никогда не задавала вопроса, для чего она живёт. Никогда не сетовала на судьбу, на ту дорогу, которую ей надо было преодолеть, не растеряв душевного тепла. Свои мысли и действия она сверяла только с одним собеседником – своим мужем, на могилу которого часто ходила. С ним делилась своими горестями и радостями, у него попросила прощения за то, что простила его убийцу в конце жизненного пути.

В фильме «Софичка» трагична судьба не только главной героини. Во время Великой Отечественной войны горе накрыло весь Чегем. Родной брат Софички погиб на фронте. Шамиль, брат мужа, стал дезертиром. Женщины рода жалеют его и жертвуют собой ради сына и мужа. На долю Софички выпадет много тягот за недостойное поведение деверя. Она узнает, что такое пытки в застенках НКВД, разделит судьбу свёкра и свекрови, сосланных в лагерь на поселение.

Судьба испытывает Софичку и тогда, когда она воспитывает дочь Шамиля, утратившую семью, ведь он не выдержал груза испытаний и застрелился. Девочка выросла «чужой», несмотря на все старания героини. Софичка помогала её отцу, брату мужа, скрывала его, кормила, рискуя быть расстрелянной за содействие дезертиру. Шамиль точно знал, к кому шёл за помощью, знал, кто выручит в таких обстоятельствах. Софичка из-за отзывчивого сердца балансирует на краю пропасти. В любой момент власти могут её арестовать за пособничество предателю родины. Мать и жена, узнав о побеге с передовой Шамиля радуются, что он жив. Свёкор Софички, отец Шамиля не был рад возвращению сына с войны и постоянно просил его вернуться на фронт, предвидя, какие испытания выпадут на долю семьи из-за его трусости. Снова отец, как истина, как первопричина бытия, знает о жизни всё.

Как в этих роковых обстоятельствах разграничить «своих» от «чужих»? Как оставить любовь близкому человеку, который станет причиной твоей гибели? Где граница, отделяющая одних от других? И существует ли она при таких обстоятельствах? «Свои» и «чужие» в семье – самая сложная тема. Горько терять близкого человека, но не менее горько оставаться «своей» на протяжении всей жизни, преодолевая любые испытания приносить себя в жертву. Жертвенный путь женщины – одна из глубинных тем российского кинематографа считает Р.М. Перельштейн [Перельштейн Р.М.]. В современной России как многонациональном государстве принято с уважением относиться к культуре разных народностей, населяющих страну. Так, в центре киноповествования судьба простой абхазской девушки, воспитанной в лучших традициях своего народа.

Кинотекст Киры Коваленко сложен для интерпретации, поскольку персонажи повествования говорят на абхазском языке, частично на грузинском. «Чужую» речь сопровождают «свои», русские титры. В связи с этим, хотя зритель слышит мелодику языка, он утрачивает связь с *«собственным подязыком»* – (лексикой, фразеологией, паремиологией)», связанной с культурой абхазского народа [Карасик В.И., с. 233]. Значит восприятие истории идёт через другие важные элементы, на которых основывается кинокультурология, например, концепты. *«Концепт – это хранящаяся в индивидуальной либо в коллективной памяти значимая информация, обладающая определённой ценностью, это переживаемая информация»* [Карасик В.И., с. 107]. В Чегеме кровная месть может быть приостановлена, благодаря мнению одного из уважаемых членов семьи. Таким человеком в фильме стала Софичка. Её авторитета хватило на то, чтобы её род не мстил за убийство мужа. Клан изгнал из села убийцу, но не преследовал его, чтобы тот был наказан и расплатился кровью. Более того, в будущем изгнанный станет героем Великой Отечественной войны и прославит край, в котором родился. Он не вернётся в Чегем, но будет достоин рукопожатия своих близких. Только Софичка будет сохранять неприязнь к убийце мужа. Прощение к нему придёт в последние минуты её жизни. Простив, она отходит в мир иной, поскольку клялась мужу на смертном одре, что никогда не простит его убийцу. Она даже подумывает, что смертный час пришёл из-за того, что она нарушила обещание, данное супругу. Но это не так: Софичка не была бы сама собой, если бы поступила иначе. На пороге вечности она вновь доказывает, что достойна звания человека, достойна встречи с Богом. Мы понимаем, что *«образ человека входит в искусство кино как целый мир сложных культурных знаков»* [Лотман Ю., с. 46]. Каждый из этих знаков необходимо декодировать. В итоге зритель любит образ Софички, видя в нём «свою» при любых жизненных испытаниях.

Выводы. Кира Коваленко знакомит нас с образом абхазской девушки, которая вызывает восхищение и у «своих», и у «чужих». Режиссер в данном киноповествовании совмещает географический, исторический и психологический пласты. Каждый из них характеризует отдельную грань в характере Софички. Используя с этой целью разные стилистические приемы, в т.ч. «анафорический экран», лингвистический (герои говорят на национальном языке), с субтитрами – К. Коваленко добивается нужного эффекта зрительского восприятия: путь простой чегемской девушки вызывает бесспорное уважение, поскольку вмещает в себя всё лучшее, что свойственно культуре абхазского народа.

Литература:

1. Делёз, Ж. Кино / Пер. Б. Скуратов. – М.: Ад Маргинем – 2019. – 560 с.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс: Монография / В.А. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Лотман, Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. Лотман. – Таллинн: Изд.-во Ээсти Раамат, 1973. – 135 с.
4. Орищенко, С. С. К вопросу о кинокультурологии как новой отрасли гуманитарных знаний: проекции и взаимосвязи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 5 (463). – С. 52–58.
5. Орищенко, С. С. «Свои» и «чужие» как предмет культурологического познания: концепты, образы, проекции и взаимосвязи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание» в номере: Культурология. Психология. Философия. – 2022. – №3 – С. 20–26.
6. Ракитов, А. И. Цивилизация, культура, технология, рынок // Вопросы философии. – 1992. – №5. – С. 3–16.
7. Перельштейн, Р. М. Конфликт «внутреннего» и «внешнего» человека в киноискусстве / Р.М. Перельштейн. – С.-Пб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 255 с.

«FRIENDS AND STRANGERS» IN CREATIVE WORKSHOP KIRA KOVALENKO

© 2025 S.S. Orishchenko

*Svetlana S. Orishchenko, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department of Cultural Studies, Museology and Art History*

E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru

Samara State Institute of Culture

Samara, Russia

The article is devoted to the concept of "us - them" and its reflection in the metalanguage of modern Russian cinema using the example of the creative workshop of Kira Kovalenko, a student of A. Sokurov. Her film "Sofichka" is dedicated to the difficult life situations of an Abkhaz girl who tries to find support in the circle of close relatives. The film "Sofichka" is based on the story of the same name by Fazil Iskander. Relationships in the family and the divisions in it into "us - them" are a sign of today. Despite the youth of the film director, we can talk about an accomplished master, whose idiostyle requires careful study and analysis. The article examines the features of the film director's style. Kira Kovalenko introduces us to the image of an Abkhaz girl who evokes admiration from both "us" and "them". The director in this film narrative combines geographical, historical and psychological layers - classes are combined. Each of them characterizes a separate facet in the character of the main character. Using for this purpose different stylistic devices, including "anaphoric screen", linguistic (the characters speak the national language), with subtitles - K. Kovalenko achieves the desired effect of viewer perception: the path of a simple Chegem girl evokes unquestionable respect, since it contains all the best that is characteristic of the culture of the Abkhaz people.

Keywords: film culture, «friends and strangers», the core of culture, anaphoric screen, fascinate attraction, close-up, Kira Kovalenko, «Sofichka»

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-99-104

EDN: YQXKRG

References:

1. Delez, Zh. Kino (Cinema) / Per. B. Skuratov. – M.: Ad Marginem – 2019. – 560 s.
2. Karasik, V. I. Iazykovoï krug: lichnost', kontsept, diskurs: Monografiia (Language circle: personality, concept, discourse: Monograph) / V.A. Karasik. – Volgograd: Pere-mena, 2002. – 477 s.
3. Lotman, Iu. Semiotika kino i problemy kinoestetiki (Semiotics of cinema and problems of film aesthetics) / Iu. Lotman. – Tallinn: Izd.-vo Eesti Raamat, 1973. – 135 s.
4. Orishchenko, S. S. K voprosu o kinokul'turologii kak novoi otrasli gumanitarnykh znaniï: proektsii i vzaïmosvïazi (On the issue of film culturology as a new branch of humanitarian knowledge: projections and interrelations) // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – Cheliabinsk, 2022. – № 5 (463). – S. 52–58.
5. Orishchenko, S. S. «Svoi» i «chuzhie» kak predmet kul'turologicheskogo poznaniïa: kontsepty, obrazy, proek-tsii i vzaïmosvïazi ("Ours" and "others" as a subject of cultural knowledge: concepts, images, projections and relationships) // Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia «Poznanie» v nome-re: Kul'turologiia. Psikhologiia. Filosofiia. – M., 2022. – №3 – S. 20–26.
6. Rakitov, A. I. Tsivilizatsiia, kul'tura, tekhnologiia, rynok (Civilization, culture, technology, market) // Voprosy filosofiï. – 1992. – №5. – S. 3–16.
7. Perel'shtein R.M. Konflikt «vnutrennego» i «vneshnego» cheloveka v kinoiskusstve / R.M. Perel'shtein. – S.-Pb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. – 255 s.

УДК 168.522: 73.05 (Гуманитарные науки. Культурология /Назначение и применение скульптуры)

ОБЩЕСТВЕННАЯ СКУЛЬПТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА И ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2025 А.П. Плескачевская

Плескачевская Ангелина Петровна, аспирант кафедры словесных искусств
факультета искусств

E-mail: plesangelina@gmail.com

МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 07.02.2025

Статья посвящена анализу роли общественной скульптуры в формировании эстетического опыта горожан и городской идентичности. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем методы эстетики, социологии искусства и урбанистики. Применяются методы анализа литературы, сравнительного исследования и кейс-стади. Автором рассмотрены многообразные функции общественной скульптуры: эстетическая, символическая, социальная и коммуникативная. На основе анализа теоретических работ и практических примеров ("Клауд-Гейт" в Чикаго, парк "Музеон" в Москве, "Скульптуры Гонконга", "Ворота Запада" в Сент-Луисе, ансамбль "Люди на реке" в Выксе) выявлены ключевые факторы, влияющие на восприятие общественной скульптуры: культурный контекст, художественное качество, пространственная интеграция и вовлеченность сообщества. Предложены рекомендации по эффективной интеграции скульптуры в городское пространство, включающие разработку четких процедур выбора объектов, вовлечение местных жителей, междисциплинарное сотрудничество, проведение образовательных программ и постпроектный мониторинг. Обоснована необходимость комплексного подхода, учитывающего художественные, социальные и урбанистические аспекты для усиления эстетического воздействия и укрепления городской идентичности.

Ключевые слова: общественная скульптура, городская среда, эстетический опыт, городская идентичность, восприятие, урбанистический ландшафт, интеграция искусства, социология искусства, эстетика города, междисциплинарный подход

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-105-110

EDN: YOAWTN

Введение. В условиях современной урбанизации и глобализации города стремятся сохранить свою уникальность, культурное своеобразие и привлекательность. Общественная скульптура выступает значимым элементом городской среды, способным влиять на эстетическое восприятие города и формирование его идентичности. Она служит средством коммуникации между пространством и людьми, отражая культурные ценности, исторические традиции и актуальные тенденции развития общества [Гончаренко Н.М., с. 39].

В последние годы наблюдается рост интереса к общественному искусству как инструменту преобразования и гуманизации городских пространств. По данным ЮНЕСКО, в период с 2015 по 2020 гг. количество крупных международных фестивалей и биеннале, посвященных публич-арту, увеличилось на 25%. Многие города, такие как Нью-Йорк, Лондон, Сингапур, активно развивают программы по созданию общественных скульптур, привлекающих миллионы посетителей ежегодно.

Яркими примерами влияния городской скульптуры на международный имидж места служат такие знаковые работы, как «Клауд-Гейт» Аниша Капура в Чикаго, «Мыслитель» Родена в Париже, «Статуя Свободы» в Нью-Йорке. В России также реализуются масштабные скульптурные проекты, формирующие новые достопримечательности - например, парк «Музеон» в Москве, арт-объекты на набережных Санкт-Петербурга, международный фестиваль «Арт-Овраг» в Выксе.

Несмотря на признание потенциала общественной скульптуры в обогащении городской среды, ее эффективная интеграция сопряжена с рядом вызовов, связанных с восприятием, интерпретацией и влиянием на идентичность города и его жителей. Это обуславливает актуальность междисциплинарного исследования роли общественной скульптуры в формировании эстетического опыта горожан и городской идентичности.

Цель данной статьи заключается в анализе влияния общественной скульптуры на эстетический опыт и идентичность современного города. Задачи исследования включают: 1) изучение теоретических подходов к общественной скульптуре в контексте городского пространства; 2) выявление факторов, определяющих восприятие общественной скульптуры; 3) определение роли общественной скульптуры в формировании городской идентичности; 4) разработку рекомендаций по эффективной интеграции общественной скульптуры в урбанистическую среду.

Методы исследования. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем методы эстетики, социологии искусства и урбанистики. Применяются методы анализа литературы, сравнительного исследования и кейс-стади.

История вопроса. Общественная скульптура как особый вид искусства, интегрированный в публичное пространство города, является предметом изучения различных научных дисциплин. В эстетике она рассматривается с позиций художественной ценности и эстетического воздействия на зрителя [Аллаяров В.А., Мухтаруллина К.А.]. Социология искусства акцентирует внимание на социальных функциях скульптуры и ее значении для общества [Иноземцев В.]. Урбанистика исследует влияние скульптуры на восприятие городского пространства и формирование идентичности места [Горелова Ю.].

Многообразие функций общественной скульптуры включает: эстетическую (визуальное обогащение городского ландшафта), символическую (отражение культурно-исторических ценностей и коллективной памяти), социальную (стимулирование социальных взаимодействий и вовлечение сообщества), коммуникативную (трансляция идей, инициирование общественного диалога) [Mitchell D., Finkelpearl T., Sharp J., Pollock V., Paddison R., Kwon, M.]. Реализация данных функций определяется комплексом факторов, связанных как с художественными качествами скульптуры, так и с особенностями ее пространственного контекста и социокультурной среды.

Восприятие общественной скульптуры городскими жителями обусловлено рядом взаимосвязанных факторов. Культурный контекст играет ключевую роль: произведения, резонирующие с локальными традициями и ценностями, вызывают более позитивный отклик [Hall T., Robertson I.]. Художественное качество, профессионализм исполнения и оригинальность замысла повышают эстетическую привлекательность скульптуры [Cartiere C., Willis S.]. Гармоничная интеграция в окружающую среду, учет пространственного и архитектурного контекста усиливают положительное восприятие [Senie H.F., Webster S.]. Вовлечение общественности в процесс выбора и создания скульптуры повышает ее принятие местным сообществом [Knight C.].

В то же время исследователи отмечают, что недостаточная коммуникация между художниками, городскими властями и общественностью может приводить к конфликтам и негативному отношению к скульптурным объектам [Phillips P.C.]. Это подчеркивает важность учета социального измерения при планировании и реализации проектов общественной скульптуры.

Общественная скульптура вносит значимый вклад в формирование идентичности города, выступая в качестве узнаваемого символа места и транслируя его уникальные характеристики [Чепурина Н.В.]. Она способна укреплять чувство принадлежности горожан, привлекать внимание туристов, создавая знаковые достопримечательности [Ball S., Richards G., Wilson J.]. Скульптурные объекты могут служить платформой для выражения общественных ценностей, представлять значимые исторические события, культурных героев или актуальные социальные темы, стимулируя рефлексию над прошлым и настоящим города [Cartiere C., Tan L., Cameron F., Kelly L.].

Результаты исследования. Вместе с тем, для реализации идентификационного потенциала общественной скульптуры необходим комплексный подход, учитывающий культурный контекст, общественное мнение и долгосрочное видение развития городского пространства. Навязывание скульптурных объектов без учета местной специфики и вовлечения сообщества может приводить к отторжению и неприятию со стороны горожан.

Приведем несколько практических примеров, иллюстрирующих роль общественной скульптуры в формировании эстетического опыта горожан и городской идентичности:

1. «Клауд-Гейт» (Cloud Gate) Аниша Капура в Чикаго. Этот масштабный арт-объект, известный также как «Боб» (The Bean), стал одним из главных символов города. Отражающая поверхность скульптуры вовлекает зрителей в интерактивное взаимодействие, позволяя по-новому взглянуть на

окружающее пространство и себя. Опрос, проведенный Чикагским институтом искусств в 2016 г., показал, что 87% жителей считают «Клауд-Гейт» позитивным вкладом в имидж города и испытывают гордость за этот арт-объект.

2. Парк скульптур «Музеон» в Москве. Созданный в 1992 г. на месте снесенных памятников советской эпохи, этот парк представляет собой уникальное общественное пространство, наполненное разнообразными скульптурами. Он не только предлагает возможность для эстетического созерцания, но и стимулирует рефлексию над историческим прошлым, демонстрируя трансформацию коллективных ценностей. По данным Мосгорпарка, «Музеон» ежегодно посещают более 2,5 млн человек, что свидетельствует о его значимости для культурной жизни города.

3. Проект «Скульптуры Гонконга» (Hong Kong Sculpture Project). В 2022 г. в рамках этой инициативы 20 публичных скульптур ведущих мировых художников были размещены в ключевых локациях города. Выставка привлекла более 1 млн. посетителей и получила положительные отзывы как от местных жителей, так и от туристов. Согласно опросу организаторов, 78% респондентов отметили, что проект улучшил их восприятие городской среды и повысил интерес к современному искусству. Это показывает, как масштабные скульптурные выставки могут обогащать эстетический опыт и укреплять культурный статус города.

4. «Ворота Запада» (Gateway Arch) в Сент-Луисе, США. Этот 192-метровый монумент, спроектированный Эро Саариненом, является символом города и его роли в освоении американского Запада. Однако первоначально многие жители скептически относились к абстрактной форме арки. Для изменения общественного мнения городские власти реализовали масштабную кампанию, включавшую образовательные программы и публичные дискуссии. В результате, как показал соцопрос 2015 г., 72% горожан гордятся тем, что «Ворота Запада» являются символом их города. Этот пример иллюстрирует важность диалога с общественностью для успешной интеграции инновационных скульптурных форм.

5. Скульптурный ансамбль «Люди на реке» в Выксе, Россия. Созданный в рамках фестиваля «Арт-Овраг», этот проект вовлек жителей в художественный процесс - с помощью 3D-сканирования были созданы скульптурные портреты более 200 горожан. Получившаяся композиция стала местом притяжения, усилив связь людей с городской средой и между собой. Согласно исследованию НИУ ВШЭ, после появления арт-объекта 56% жителей стали чаще проводить время в общественных пространствах и отмечать уникальность своего города. Это показывает социальную значимость партисипаторных художественных практик.

Эти примеры демонстрируют многообразие подходов к интеграции общественной скульптуры и подтверждают ее потенциал в формировании позитивного эстетического опыта, укреплении городской идентичности и вовлечении сообществ. При этом для достижения устойчивого эффекта необходимы стратегическое планирование, междисциплинарное сотрудничество и постоянный диалог между всеми стейкхолдерами - от художников и городских администраций до рядовых жителей.

На основе анализа теоретических подходов и практического опыта можно сформулировать ряд рекомендаций по эффективной интеграции общественной скульптуры в городское пространство:

1. Разработка четких процедур выбора и создания скульптурных объектов с участием профессионального сообщества и общественности [Doss E.].

2. Вовлечение местных жителей на всех этапах реализации проектов для учета их мнений и потребностей [Lachapelle R.].

3. Междисциплинарное сотрудничество художников, архитекторов, урбанистов, социологов для создания гармоничной и социально значимой городской среды [Mathews V.].

4. Проведение образовательных и просветительских программ для повышения культурной компетентности и эстетической восприимчивости горожан [Канавина М.В.].

5. Мониторинг и оценка влияния реализованных проектов на городское пространство и местное сообщество с целью корректировки дальнейших стратегий [Cartiere C., Zebracki M.].

Следование данным рекомендациям позволит усилить позитивное воздействие общественной скульптуры на эстетический опыт и идентичность города, превратив ее в эффективный инструмент социокультурного развития.

Выводы. Проведенное исследование демонстрирует многогранную роль общественной скульптуры в формировании эстетического облика современного города и городской идентичности. Являясь неотъемлемой частью публичного пространства, скульптура выполняет ряд значимых функций - от

эстетического обогащения среды до трансляции социально значимых смыслов и ценностей. Восприятие скульптурных объектов горожанами определяется комплексом факторов, включающих культурный контекст, художественные качества, пространственную интеграцию и вовлеченность сообщества.

Эффективность влияния общественной скульптуры на эстетический опыт и идентичность города обусловлена применением междисциплинарного подхода, учитывающего эстетические, социальные и урбанистические аспекты. Вовлечение общественности, профессиональная экспертиза, образовательные инициативы и постпроектный мониторинг выступают ключевыми условиями успешной интеграции скульптуры в городскую среду.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с углубленным изучением механизмов восприятия общественной скульптуры различными социальными группами, разработкой инновационных методов вовлечения горожан в скульптурные проекты, а также сравнительным анализом международного опыта использования общественной скульптуры в городском развитии.

Литература:

1. Аллаяров, В. А., Мухтарулли, К. А. Эстетика городской среды // История, культура, искусство: опыт прошлого, взгляд в будущее. – 2017 – С. 4-7.
2. Гончаренко, Н. М. "Общественная" скульптура в городской среде: проблемы восприятия // Искусство и образование. – 2014. – № 3. – С. 39-45.
3. Горелова, Ю. Р. Образ города в восприятии горожан : [монография] / Ю. Р. Горелова ; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Сибирский филиал. - Москва : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2019. - 152, [1] с. : ил.; ISBN 978-5-86443-282-2.
4. Иноземцев, В. Зигмунт Бауман и его "индивидуализированное общество" // Высшее образование в России. – 2004. – № 1. – С. 142-145.
5. Канавина, М. В. Интеграция объектов индустриального наследия в городское пространство // Междисциплинарные подходы в биологии, медицине и науках о Земле: теоретические и прикладные аспекты. – 2023. – С. 58-61.
6. Чепурина, Н. В. Городская скульптура как фактор формирования идентичности города // Вестник Пермского университета. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 1(7). – С. 46-53.
7. Ball, S. Is There Space for "Real Space" in British Civilisation Studies? // Revue Française de Civilisation Britannique. French Journal of British Studies. – 2019. – Т. 24. – № XXIV-1.
8. Cameron F., Kelly L. (Eds.) Hot Topics, Public Culture, Museums. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. – 290 p.
9. Cartiere, C., Tan, L. (ed.). The Routledge companion to art in the public realm. – Routledge, 2021.
10. Cartiere, C., Willis, S. The Practice of Public Art. – New York: Routledge, 2008. – 204 p.
11. Cartiere, C., & Zebracki, M. (Eds.). (2015). The Everyday Practice of Public Art: Art, Space, and Social Inclusion (1st ed.). Routledge. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781315737881> (дата обращения: 07.02.2025).
12. Doss, Erika Lee. Memorial mania [Текст] : public feeling in America / Erika Doss. - Chicago; London : Univ. of Chicago press, cop. 2010. - XVII, 457 с. : ил.; 23 см.; ISBN 978-0-226-15938-6 (cloth).
13. Finkelpearl, T. Dialogues in public Art. – MIT press, 2000. – 453 p. ISBN: 0262561484, 9780262561488.
14. Hall, T., Robertson, I. Public art and urban regeneration: advocacy, claims and critical debates. – 2001. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228807078_Public_Art_and_Urban_Regeneration_Advocacy_Claims_and_Critical_Debates (дата обращения: 07.02.2025).
15. Knight, C. Public Art: Theory, Practice and Populism. – Oxford: Blackwell Publishing, 2008. – 187 p.
16. Kwon, M. One place after another: Site-specific art and locational identity. – MIT press, 2004. – URL: https://www.researchgate.net/publication/247936397_One_Place_After_Another_Site-Specific_Art_and_Locational_Identity (дата обращения: 07.02.2025).
17. Lachapelle, R. Aesthetics on the run: The public sphere, public art, and art education // Essays on aesthetic education for the 21st century. – Brill, 2010. – С. 143-162.
18. Mathews, V. Aestheticizing Space: Art, Gentrification and the City. – London: Routledge, 2010. – 160 p.
19. Mitchell, D. Introduction: Public space and the city // Urban Geography. – 1996. – Т. 17. – № 2. – С. 127-131.
20. Phillips, P. C. Temporality and public art // Art Journal. – 1989. – Т. 48. – № 4. – С. 331-335.
21. Richards, G., Wilson, J. Tourism, Creativity and Development. – London: Routledge, 2007. – 320 p.
22. Senie, H. F., Webster, S. (Eds.) Critical Issues in Public Art: Content, Context, and Controversy. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1998. – 336 p.

23. Sharp, J., Pollock, V., Paddison, R. Just art for a just city: Public art and social inclusion in urban regeneration // Culture-Led Urban Regeneration. – Routledge, 2020. – С. 156-178.

PUBLIC SCULPTURE AS A FACTOR IN SHAPING AESTHETIC EXPERIENCE AND URBAN IDENTITY

© 2025 A.P. Pleskachevskaya

*Angelina P. Pleskachevskaya, Postgraduate Student of The Department of Verbal Arts
Faculty of Arts*

E-mail: plesangelina@gmail.com

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

The article analyzes the role of public sculpture in shaping citizens' aesthetic experience and urban identity. The research is based on an interdisciplinary approach combining methods from aesthetics, sociology of art, and urban studies. The methodology includes literature analysis, comparative research, and case studies. The author examines the diverse functions of public sculpture: aesthetic, symbolic, social, and communicative. Based on the analysis of theoretical works and practical examples ("Cloud Gate" in Chicago, "Muzeon" Park in Moscow, "Hong Kong Sculpture Project," "Gateway Arch" in St. Louis, "People on the River" ensemble in Vyksa), the key factors influencing the perception of public sculpture are identified: cultural context, artistic quality, spatial integration, and community involvement. Recommendations for effective integration of sculpture into urban space are proposed, including the development of clear selection procedures, engagement of local residents, interdisciplinary collaboration, educational programs, and post-project monitoring. The necessity of a comprehensive approach that takes into account artistic, social, and urban aspects to enhance aesthetic impact and strengthen urban identity is substantiated.

Keywords: public sculpture, urban environment, aesthetic experience, urban identity, perception, urban landscape, art integration, sociology of art, urban aesthetics, interdisciplinary approach

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-105-110

EDN: YOAWTH

References:

1. Allaiaarov, V. A., Mukhtarullina, K. A. Estetika gorodskoi sredy (Aesthetics of the urban environment) // Istoriia, kul'tura, iskusstvo: opyt proshlogo, vzgliad v budushchee. – 2017 – S. 4-7.
2. Goncharenko, N. M. "Obshchestvennaia" skul'ptura v gorodskoi srede: problemy vospriiatiia ("Public" sculpture in the urban environment: problems of perception) // Iskusstvo i obrazovanie. – 2014. – №. 3. – S. 39-45.
3. Gorelova, Iu. Obraz goroda v vospriiatii gorozhan (The image of the city in the perception of citizens). - Moskva : Rossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut kul'turnogo i prirodnogo nasledii imeni D. S. Likha-cheva, 2019. - 152, [1] s. : il.; ISBN 978-5-86443-282-2.
4. Inozemtsev, B. Zigmunt Bauman i ego "individualizirovannoe obshchestvo" (Zygmunt Bauman and his "individualized society") // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2004. – №. 1. – S. 142-145.
5. Kanavina, M. V. Integratsiia ob'ektov industrial'nogo nasledii v gorodskoe prostranstvo (Integration of Industrial Heritage Objects into Urban Space) // Mezhdistsiplinarnye podkhody v biologii, meditsine i naukakh o Zemle: teoreticheskie i prikladnye aspekty. – 2023. – S. 58-61.
6. Chepurina, N. V. Gorodskaiia skul'ptura kak faktor formirovaniia identichnosti goroda (Urban Sculpture as a Factor in the Formation of City Identity) // Vestnik Permskogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie. – 2012. – № 1(7). – S. 46-53.
7. Ball, S. Is There Space for "Real Space" in British Civilisation Studies? // Revue Française de Civilisation Britannique. French Journal of British Studies. – 2019. – T. 24. – №. XXIV-1.
8. Cameron F., Kelly L. (Eds.) Hot Topics, Public Culture, Museums. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. – 290 p.
9. Cartiere, C., Tan, L. (ed.). The Routledge companion to art in the public realm. – Routledge, 2021.
10. Cartiere, C., Willis, S. The Practice of Public Art. – New York: Routledge, 2008. – 204 p.
11. Cartiere, C., Zebracki, M. The everyday practice of public art // Abingdon: Routledge. – 2015. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781315737881> (дата обращения: 07.02.2025).
12. Doss, E. Memorial mania: Public feeling in America. – University of Chicago Press, 2012. - Chicago; London : Univ. of Chicago press, cop. 2010. - XVII, 457 с. : ил.; 23 см.; ISBN 978-0-226-15938-6 (cloth).
13. Finkelpearl, T. Dialogues in public Art. – MIT press, 2000. – MIT press, 2000. – 453 p. ISBN: 0262561484, 9780262561488.

14. Hal, I. T., Robertson, I. Public art and urban regeneration: advocacy, claims and critical debates. – 2001. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228807078_Public_Art_and_Urban_Regeneration_Advocacy_Claims_and_Critical_Debates (дата обращения: 07.02.2025).
15. Knight, C. Public Art: Theory, Practice and Populism. – Oxford: Blackwell Publishing, 2008. – 187 p.
16. Kwon, M. One place after another: Site-specific art and locational identity. – MIT press, 2004. – URL: https://www.researchgate.net/publication/247936397_One_Place_After_Another_Site-Specific_Art_and_Locational_Identity (дата обращения: 07.02.2025).
17. Lachapelle, R. Aesthetics on the run: The public sphere, public art, and art education //Essays on aesthetic education for the 21st century. – Brill, 2010. – С. 143-162.
18. Mathews, V. Aestheticizing Space: Art, Gentrification and the City. – London: Routledge, 2010. – 160 p.
19. Mitchell, D. Introduction: Public space and the city // Urban Geography. – 1996. – Т. 17. – №. 2. – С. 127-131.
20. Phillips, P. C. Temporality and public art //Art Journal. – 1989. – Т. 48. – №. 4. – С. 331-335.
21. Richards, G., Wilson, J. Tourism, Creativity and Development. – London: Routledge, 2007. – 320 p.
22. Senie, H. F., Webster, S. (Eds.) Critical Issues in Public Art: Content, Context, and Controversy. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1998. – 336 p.
23. Sharp, J., Pollock, V., Paddison, R. Just art for a just city: Public art and social inclusion in urban regeneration // Culture-Led Urban Regeneration. – Routledge, 2020. – С. 156-178.

УДК 168.522: 792.9 (Гуманитарные науки. Культурология / Особые виды театра.
Театры кукол и марионеток. Театр теней)

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕАТРАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2025 В.Н. Титова

Титова Владислава Николаевна, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой театрального искусства,
доцент кафедры театрального искусства
E-mail: lgaki_titova@mail.ru

Луганская государственная академия культуры и искусств им. Михаила Матусовского
Луганск, Россия

Статья поступила в редакцию 12.02.2025

Круг проблем театральной герменевтики основывается на соотношении различных видов интерпретации, включающихся в выявлении смысловой структуры литературного первоисточника, постановочных концепций, исполнительского формовыражения, рецепции зрителя и т. д. Историческое существование произведения характеризует ряд возможных конкретизаций. Автор в статье анализирует театральную интерпретацию, отличительной чертой которой является ее относительная свобода, что означает отсутствие конечного смысла произведения и, как следствие, спектакля. Герменевтика обосновывается автором с точки зрения театральной культуры, что позволяет рассматривать театральную интерпретацию как многоступенчатый процесс, характеризующийся синтезом различных видов интерпретаций. Доказывается, что театральный текст обнаруживает множественность смысла, а это в свою очередь обуславливает множественность равноправных интерпретаций. Принцип множественности интерпретаций, в свою очередь, реализует принцип нелинейности в организации дискурса. Такие текстовые категории, как множественность, незавершенность, нелинейность, открытость, формируют гипертекстуальность художественных текстов. Благодаря открытости произведения текст возможно использовать в качестве последовательных и неокончательных интерпретаций, что создает многообразие взаимодействий текста и сцены. Автор выделяет три уровня театральной интерпретации: 1) интерпретация литературного произведения режиссером; 2) интерпретация режиссерского замысла произведения актером; 3) зрительское прочтение-интерпретация авторского произведения.

Ключевые слова: театральная герменевтика, текст, театральный текст, театральная интерпретация, спектакль, режиссер, актер, зритель

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-111-119

EDN: YRHSCZ

Введение. На современном этапе развития театральной культуры художественно-сценическая практика ставит вопрос соотношения авторского текста и его режиссерских прочтений, обнаруживая превосходство интерпретаторской сущности постановочного творчества. Актуальность исследования заключается в необходимости теоретического осмысления театральной художественной деятельности, ставящей перед собой задачу выявления сущностных характеристик интерпретации с позиции режиссерского и исполнительского творчества как объекта, посредством которого реализуется кодирование авторского (драматургического) текста.

В дорежиссерской форме существования театра преимущественным было такое взаимоотношение текста и сцены, в котором последняя выполняла функцию иллюстратора литературного текста, осмысливаемого либо сокрытой в нем потенциальной возможностью, либо путем разыгрывания авторского текста перед публикой по персонажам и репликам. Особенно характерна такая тенденция для эпох, где значение драматурга имело влияние на сценическое воплощение пьесы при его непосредственном участии (Шекспир, Мольер, Чехов и др.).

Режиссерский же театр, напротив, обнаруживает разрыв между текстуальными и визуальными структурами спектакля. В такой позиции сцена апеллирует к диалогу с текстом, интерпретирует его, подчиняет его своим творческим амбициям.

Однако герменевтическое понимание театральной культуры свидетельствует в пользу неопровержимого факта предшествования литературного текста его сценической интерпретации. Иными

словами, можно говорить о тексте как таковом (универсальное, абстрактное понятие) и тексте в его сценическом воплощении (частное и вполне конкретное проявление) [Бентли Э.].

Методы исследования. В исследовании используется методология комплексного анализа, позволяющая рассматривать театральную культуру в сопряжении с философско-культурологической, эстетической и театроведческой мыслью, однако, ключевыми методами являются философско-культурологический и герменевтический методы, являющимися основными при анализе интерпретации театрального текста как многокомпонентной знаковой структуры.

История вопроса. Герменевтический анализ природы интерпретации обуславливает изучение текста театрального спектакля как многокомпонентной знаковой структуры. Постигание смысла такого рода текста возможно только благодаря творческому восприятию зрителя. В такой взаимосвязи спектакль рассматривается как результат актуализации (овеществления, оживления средствами собственной фантазии) смысла (литературного) текста. Как представляется, первооснова спектакля – авторский текст – с позиции герменевтики рассматривается как текст, содержащий потенциальную множественность смыслов и способный воплотиться в поливариативности режиссерского прочтения (спектакля).

Актуальной, с нашей точки зрения, для понимания проблемы театральной интерпретации является герменевтическая концепция русского мыслителя М. М. Бахтина. Для многочисленных исследований ученого в области философии языка характерным является рассмотрение языка как миропонимания. Человеческий поступок, по мнению мыслителя, есть «потенциальный текст», выступающий в качестве специфического способа словесного оформления, осмысления мира. Выявляя базисную структуру человеческого бытия, текст является средством самовыражения человека.

Теория познания, предложенная ученым, выделяет в качестве институционального условия понимания «хронотоп»: понимание представляется не чем иным, как истолкованием, соотнесением с другими текстами и переосмыслением в новом контексте, интерпретацией себя и мира посредством отождествления с Другим, а также с культурным контекстом. Следовательно, понимание есть точка пересечения «трех разных контекстов с соответствующими им хронотопами: контекста описываемого события, контекста автора и контекста исследователя» [Чистилина И.А., с. 20].

Результаты исследования. Выявление сущностных характеристик художественной интерпретации в театральной культуре с многообразием его внутривидовых жанров актуализируется в процессе изучения концептуальных положений о диалогических отношениях текста и контекста. Диалогическая концепция М.М. Бахтина заключается в том, что диалог – это процесс экзистенциальный, смысловой, незавершаемый: «...этапы диалогического движения понимания: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста» [Бахтин М. М., с. 364]. Так, между текстом и его интерпретатором рождается разговор – диалог. Диалогом, в свою очередь, является слово, данное в качестве ответа на слово, через которое и познается Другой. Слово в тексте понимается ученым как наслоение диалогических контекстов. В более широком смысле диалогическая концепция М. М. Бахтина может рассматриваться как диалог культур и традиций. Справедливым является положение, согласно которому понимание есть действие, диалог различных культур, сохраняющих за собой свою целостность и самобытность. Именно диалог обеспечивает встречное движение смысловых проекций понимающих, пересечение которых и означает событие понимания.

Осмысление проблемы интерпретации в философско-культурологическом дискурсе позволяет рассматривать театральную интерпретацию как сложный процесс, имеющий несколько уровней:

- 1) режиссерская интерпретация – интерпретация литературного произведения режиссером на основе собственного мировоззрения, понимания, художественных идей;
- 2) актерская интерпретация режиссерского замысла произведения;
- 3) зрительское прочтение-интерпретация авторского произведения.

По утверждению П. Пави, основным аспектом театральной деятельности является интерпретация текста режиссером, актером и публикой, где «представление – серия интерпретаций на всех уровнях» [Пави П., с. 51]. Характерным признаком такой иерархии театральной интерпретации является, на наш взгляд, герменевтическая функция режиссера в процессе коммуникации «автор – зри-

тель/интерпретатор», поскольку задачей режиссера является найти точки пересечения аксиологической и гносеологической системы координат авторского и зрительского мироощущения и сознания, а также добиться понимания зрителя авторского замысла. С данной точки зрения режиссер как организатор постановочного процесса по отношению к литературному тексту занимает первичную позицию читателя, вступающего в активный диалог с произведением, и вторичную позицию зрителя своих первоначальных образов, возникающих в его режиссерской фантазии в процессе восприятия произведения. Следовательно, деятельность режиссера-интерпретатора зависит от первотекста, который он впоследствии превращает в герменевтический предтекст.

Изучение проблемы интерпретации в театральной практике неизбежно обращается к вопросу традиций и новаторства (особенно актуальным становится данный вопрос в отношении интерпретации классики) в силу осмысления авторской концепции литературного первоисточника, получающего в результате интерпретаторское «перерождение» как совершенно новый текст – текст театрального представления. Следовательно, возникновение нового «текста», рождающегося в воображении зрителя, является результатом «сотворчества» автора литературного текста и реципиента. П. Пави утверждает, что одно и то же произведение получает всевозможные прочтения благодаря интерпретации. Допуская разнообразные конкретизации, интерпретация запускает механизм оценивания продуктивной работы творческого восприятия зрителя, его герменевтического отношения к спектаклю [Пави П., с. 51].

При интерпретации текста читателем или исполнителем внетекстовый контекст, по утверждению М. М. Бахтина, может быть реализован лишь частично, однако «в своих наиболее существенных и глубинных пластах остается вне данного текста как диалогизующий фон его восприятия. <...> Текст – печатный, написанный или устный = записанный – не равняется всему произведению в его целом (или «эстетическому объекту»). В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его. Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается (конечно, контекст этот меняется по эпохам восприятия, что создает новое звучание произведения)» [Бахтин М. М., с. 369]. Иными словами, читатель, «соединяя» различные тексты, интерпретируя в своем сознании различные точки зрения, открывает скрытые смыслы, чем творит свой смысл. Два высказывания, отдаленные своими смыслами и хронотопами, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, поскольку текст, по убеждению мыслителя, существует только в сопряжении с другим текстом (контекстом). В этом контексте кроется диалогический контекст между текстами.

Диалогическая концепция М. М. Бахтина получила впоследствии продолжение в трудах Ю. М. Лотмана и других ученых.

Концепция интертекстуальности как проблема взаимодействия текстов осмысливается Ю. М. Лотманом с позиции языковой системы, где текст представляется специфической системой знаков. Текст формирует систему отношений, в которой функцию «кодировщика» информации, заложенной в тексте, выполняет автор (писатель), а читатель, в свою очередь, должен ее «декодировать». Текст, согласно представлению Ю. М. Лотмана, не есть лишь литературное произведение, он может воплощаться в формах различных видов искусств. В основу понятия текста ученый вкладывает такие определения, как: выраженность (материальное воплощение текста, реализуемое посредством знаковой системы); ограниченность (текст имеет свойство противостоять знакам, не входящим в его состав, и структурам с невыделенным признаком границы, например, в театральном искусстве структура текста регламентируется хронотопом сценического действия); структурность (текст представляет собой не столько последовательность знаков в рамках своих границ, сколько внутренне художественно организованное структурное целое) [Лотман Ю. М.].

Наряду с такими характеристиками текста, как открытость, множественность, интертекстуальность, современный исследователь Т. Н. Суминова отмечает, что «текст произведения художественной культуры приобретает еще и такие свойства, как сверхсемиотичность (если «скроен» из знаков/языков различных видов искусства) и отсюда полиинформативность, поскольку каждая грань этого феномена культуры создает новую «грань», отблеск информации, каждый раз и каждым реципиентом «прочитываемый» по-новому и по-своему, в том числе и вследствие социокультурного контекста» [Суминова Т. Н., с. 47].

И. В. Цунский в статье «Театральная герменевтика и анализ театрального текста» [Цунский И.В.], анализируя структуру художественного образа спектакля как макрознака театрального текста, минимальной единицей которого, по мнению автора, является образ события, приводит в качестве примера схему, где литературный текст представлен рядом фактов воображаемой реальности, отобранных и художественно осмысленных драматургом (внешние и внутренние обстоятельства пьесы).

Театральный же текст представляется И. В. Цунскому событийным рядом, который воплощен на сцене актерами как ряд «образов событий», связанный цепью «образов действий». Понимание событийного ряда с позиции театрального текста обуславливает все компоненты спектакля, формируя единую образную систему.

Однако в качестве промежуточного звена между литературным и театральным текстом исследователь выделяет режиссерский замысел, включающий событийный ряд «второй воображаемой реальности». Воображаемая реальность – будущий спектакль, существующий только в воображении режиссера, но решенный в единой образной системе и подчиненный образному пониманию идеи. Мы предполагаем, что смысл текста превышает авторское понимание. Смысл, порожденный текстом, ориентирован своим предназначением на реципиента, а не соотнесен своим происхождением с конкретным автором. На этом этапе интерпретация не просто обнаруживает смыслы вещей, а в определенной степени производит новые смыслы и содержание, представляет собой «произведение» самого интерпретатора, а не простое воспроизведение замысла автора-драматурга.

Исследователь в диссертации «Философско-культурологический аспект режиссерского анализа художественного текста» отмечает значимость «допостановочного» этапа режиссерского анализа текста, поскольку текст не всегда имеет постановочный потенциал. Так, для «концентрированности смыслов» [Тазетдинова Р. Р., с. 8] авторского текста в спектакле, по мнению Р.Р. Тазетдиновой, необходима определенная режиссерская стратегия, выбор которой подразумевает решение постановочных задач – сохранение целостности текста, восполнение дефицита текста и др.

Следовательно, рожденные смыслы как семиотические структурные фигуры формируют композицию и организацию спектакля, описывая сцену в качестве означающей системы оппозиций, где спектакль конструируется из составляющих элементов, а его понимание – из правил функционирования данных элементов.

Понимание здесь выступает не только репродуктивным, но и конструктивным творческим процессом. Следовательно, режиссерская экспликация претендует на рассмотрение ее в качестве основополагающей постановочной интерпретации, являющейся синтезированным результатом творческих усилий режиссера, актеров, сценографа, балетмейстера, композитора и других участников творческого процесса. Подобный вид интерпретации ориентирован на последующее восприятие реципиентами целостного образа спектакля. Таким образом, для режиссерского театра в существующей триаде «автор – режиссер – зритель» видение режиссера преобладает над точкой зрения драматурга.

По нашему мнению, сценическое произведение как интертекст является такой формой литературного произведения, которая наравне с жанром открывает зрителю широкое поле возможностей интерпретации произведения в контексте зрительского «горизонта ожидания». Следовательно, интертекстуальность как основополагающая черта интертекста отвечает концепции «диалога как борьбы писателя с существующими литературными формами» (М. М. Бахтин). Данная концепция представляет процесс творчества как «наслоение», «пересечение» существующих текстов и текста, рождающегося здесь и сейчас в хронотопе театрального спектакля. Интертекстуальность несет в себе свободу выбора в толковании режиссером множества смыслов, заложенных в тексте произведения; возможность интерпретации текста привлекает режиссера. Уже на этапе анализа текста пьесы, ее режиссерского разбора, толкования труппе включаются механизмы субъективной конкретизации текста, его индивидуального прочтения, вскрываются новые горизонты смысла. В связи с этим для понимания текста художественного произведения сквозь призму интертекстуальности важна не столько субъективность воплощенных режиссером замыслов или интерпретация реципиентом заложенного смысла, сколько сам процесс производства смысла из иных текстов по отношению к другим текстам (прошлым и современным).

Говоря об интертекстуальных связях между двумя текстами в театральной культуре, П. Пави отмечает их диалектическое взаимодействие, создающее тематическое сближение, расширяющее горизонты прочтения. Драматургический и зрелищный текст создается внутри драматических композиций посредством сценических приемов. Режиссерская практика обращается к включению в архитектуру сценического произведения посторонних текстов, связанных с пьесой лишь тематически (иногда с целью разъяснения), в результате чего возникает синтез текстов, ассоциативно привязанных к главному произведению. В таком случае происходит диалог цитируемого произведения и текста оригинала: «...поиск интертекста трансформирует текст оригинала как в плане означаемых, так и в плане означающих; он взрывает линейную фабулу и театральную иллюзию, сопоставляет два, нередко противоположных, ритма и типа письма, остранивает текст оригинала, настаивая на его материальности» [Пави П., с. 125].

На наш взгляд, герменевтический аспект театрально-художественной деятельности обусловлен конкретизацией литературного произведения, обретающего значимость в контексте предшествующих и последующих режиссерских интерпретаций. Иначе говоря, «артефактом» театральной культуры являются только те тексты, которые благодаря режиссерской практике встраиваются в ряд уже существующих интерпретаций.

Следовательно, актуализация интертекстуальных связей влечет за собой кардинальные режиссерские трансформации авторского текста/литературной основы. В связи с этим современный театр, с нашей точки зрения, является сугубо режиссерским, поскольку в основе его заложена идея интерпретации как источника смыслопорождающих возможностей. В подтверждение можно привести точку зрения современного исследователя О.О. Рогинской: «В основе прочтения авторского текста лежит, как правило, режиссерская метафора, которая и определяет решение сценического пространства, музыкальное сопровождение и собственно тип актерского взаимодействия. Этот тип театрального высказывания ориентирован на литературоцентричного зрителя, для которого главными являются фундированные отношения режиссера с текстом. Принципиальной оказывается и установка на выражение вневременных (антиисторичных), универсальных смыслов и на выработку катарсических эмоций, освобождающих зрителя от «шелухи» повседневности» [Рогинская О.О., с. 284].

Герменевтическая теория как наука толкования текстов позволяет нам анализировать современную художественную коммуникацию и особенности ее интерпретации. Межсубъектные отношения театральной коммуникации, выстроенные по обозначенному нами принципу «автор – зритель/интерпретатор», расцениваются нами как равноправные, поскольку каждый из субъектов равнозначен. Однако, как было отмечено, связующим звеном в системе конструирования данного рода коммуникации выступает режиссер, осознанно или бессознательно, но непременно интерпретирующий авторский текст. Текст спектакля конструируется режиссером через овеществление идеи, заложенной автором. На этом этапе интерпретация показывает, как текст, поставленный на сцене, выходит за структурные рамки, «как выполняет свой долг по отношению к миру и меняет о нем наше представление» [Пави П., с. 317]. Режиссерская интерпретация включает в себя и сценографическую интерпретацию, поскольку последняя всегда подчинена режиссерской трактовке спектакля. Театральный художник как интерпретатор стиля (Г. Г. Шпет) переносит авторский текст в пространственно-временную конструкцию сценического произведения.

При этом одним из механизмов конкретизации текста в театральной культуре выступает актер, который своим психофизическим аппаратом и игрой конкретизирует персонаж авторского текста, т. е. воплощает образ в сценическом пространстве. Так, правомерно говорить об актерской интерпретации, имеющей место в искусстве театра, однако в практике современной театральной культуры интерпретаторская деятельность актера является вторичной по отношению к режиссерской концепции спектакля. Характерно, что целью актерской интерпретации становится оживление образа, превращаемого на сцене в персонаж. Посредством интерпретации актером персонаж индивидуализируется, ему придается особая выразительность, правдоподобие, характерность. Актуальной для современного театра становится интерпретация, построенная на актерских «находках», подчеркнута индивидуализированная, демонстрируемая зрителю как оригинальный прием актерской игры.

П. Пави определяет два полюса актерской интерпретации: 1) «марионеточная» интерпретация, где игра актера определена и предусмотрена автором и постановщиком, т. е. происходит «стушевание» интерпретации как таковой в пользу режиссерской трактовки, а артист не берет на себя пол-

номочия ни транслирующего сообщения, ни трансформирующего его для передачи; 2) собственная интерпретация, самостоятельное переложение с целью созидания смысла, полное перевоссоздание произведения актером на основании средств, находящихся в его распоряжении [Пави П., с. 317].

Российский философ, теоретик искусства Г. Г. Шпет отмечает, что суть актерской интерпретации заключается в претворении текста в игру. Текст для актера – это задача, направление, идея, некий смысловой текст, имеющий форму литературного произведения. По мнению ученого, невозможно отождествлять текст с материалом актера. Драма как текст сценического произведения разворачивается на сцене благодаря «своему собственному» материалу актера, подвергнутому творческому осмыслению [Шпет Г.Г., с.405- 408 б)]. Таким образом, заданная актеру идея может воплощаться посредством его материала во множестве конкретизаций. Интерпретированная в сфере применения своего материала актером идея обнаруживает разрыв с литературным текстом, получая новое, творчески самостоятельное, конститутивное значение.

Однако Г. Г. Шпет оставляет за актером право интерпретации в равной степени с режиссерской интерпретацией. В этой тесной творческой взаимосвязи философ называет актера психологическим интерпретатором, а режиссера – вещным, материальным [Шпет Г.Г., с. 425-427 а)].

Приходим к выводу, что истинно созидательная актерская интерпретация кроется в производстве знаков, которые являются не столько результатом заранее существующей системы, сколько структурированием и производством этой системы. Так, в режиссерском театре, констатирующем отказ от следования авторскому тексту в его единственном значении, актерская интерпретация может быть равнозначной режиссерской.

Как было отмечено, интерпретация в театральном творчестве проявляется в многообразии конкретизаций одного и того же литературного произведения. В театре зритель, в отличие от других видов искусств, является включенным в структуру произведения. Несмотря на это, зритель не наделен полномочиями, в отличие от актера, моделировать хронотоп спектакля [4]. Интерпретация является одним из механизмов оценивания продуктивной работы творческого восприятия зрителя, его герменевтическое отношение к спектаклю. Российский театральный режиссер и теоретик театра Б. Е. Захава отмечал, что зритель отнюдь не пассивно наблюдает театральное действие, а, напротив, воспринимая его, в определенной степени участвует в создании спектакля. Эмоциональный контакт, возникающий в процессе сотворчества актера и зрителя, не только стимулирует процесс восприятия, но и формирует сам продукт театрального творчества – спектакль¹.

Спектакль апеллирует к критическому вмешательству зрителя, способного интерпретировать действие, разворачиваемое в пространстве сцены, опираясь на свой прошлый опыт. Зрительская интерпретация строится на субъективном восприятии спектакля зрителем, поскольку отношение к спектаклю может быть двусмысленным, лишенным определенности. Зритель через серию знаков спектакля, посредством выявления сходства и различий между означаемыми разного рода определяет смысл сценического произведения. Спектакль, выделяя фрагмент бытия, структурирует его реальность, зритель же своим сознанием должен «развернуть» эту реальность. Таким образом, зритель интерпретирует текст спектакля, не добиваясь осмысления, но присутствуя при рождении смысла.

Кризис интерпретации обнаруживается в постдраматическом театре, основным постулатом которого является осознанный разрыв между литературой и театром, где сцена прекращает быть проекцией авторского текста, подменяя режиссерско-постановочные тропы механизмами структурирования словесного текста.

Освобождаясь от диктата драматурга, заставлявшего театр быть линейным, навязывая композиционную структуру произведения, миропостижения, театр уже не видит себя текстоцентрическим. Линейное построение драматургического текста ограничивает интерпретационные возможности современного театра, стремящегося транслировать идею ирреальности, конгломерата бесструктурной композиции.

¹ Захава Б. Е. Мастерство актера и режиссера: учебное пособие [Текст] / Б. Е. Захава; под ред. П. Е. Любимцева. – 5-е изд. – М.: ГИТИС, 2008. – 432 с.

Так, по мнению Х.-Т. Лемана, в постдраматическом театре, наделенном чертами перформативности и визуальной драматургии, текст спектакля формируется за счет реорганизации театральных знаков. Выступая в качестве нового способа использования знаков, постдраматический театр представляется Х.-Т. Леману процессом, а не результатом, где театральный текст – энергетический импульс, а не информация [Леман Х.-Т., с. 137-138]. Следовательно, целью постдраматического театра становится перенесение акцента с авторского текста, характерного для драматического театра, на перформативность театрального текста, обусловленного его оригинальностью и эфемерностью.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что отличительной чертой интерпретации в театральной культуре является ее относительная свобода, что означает отсутствие конечного смысла произведения и, как следствие, спектакля. Историческое существование произведения характеризует ряд возможных конкретизаций.

Проблема театральной интерпретации в современной науке раскрывается в различных аспектах: структурном, содержательном и пр. Круг проблем театральной герменевтики основывается на соотношении различных видов интерпретации, заключающихся в выявлении смысловой структуры литературного первоисточника, постановочных концепций, исполнительского формовыражения, рецепции зрителя и т. д.

Результаты исследования. Интерпретация с точки зрения театрального творчества – сложный процесс, имеющий несколько уровней:

1) режиссерская интерпретация – интерпретация литературного произведения режиссером на основе собственного мировоззрения, понимания, художественных идей. Спектакль как интертекст является режиссерским переосмыслением авторского текста. Режиссерская интерпретация произведения характеризуется, с одной стороны, субъективной конкретизацией текста, с другой – поливариативностью прочтения, вскрывающей новые горизонты смысла;

2) актерская интерпретация режиссерского замысла произведения заключается в трансляции сообщения, заложенного в произведении автором и актуализированного режиссером. Высшим проявлением актерской интерпретации является перевоссоздание смысла на основании находящихся в арсенале артиста средств художественной выразительности;

3) зрительское прочтение-интерпретация авторского произведения основывается не столько на осмыслении, сколько на интерпретации текста спектакля, созданного режиссером и актером. Иными словами, зрительская интерпретация является своеобразным результатом понимания авторского замысла, транслируемого режиссером.

Выводы: «Герменевтический круг» театральной интерпретации актуализируется при условии дискурса элементов спектакля. В связи с этим в процессе спектакля происходит подтверждение/опровержение знаков. Следовательно, спектакль является открытой системой, обращающейся одновременно к смыслу и значению сцены. Театральный текст обнаруживает множественность смысла, что обуславливает множественность равноправных интерпретаций. Принцип множественности интерпретаций, в свою очередь, реализует принцип нелинейности в организации дискурса. Такие текстовые категории, как множественность, незавершенность, нелинейность, открытость, формируют гипертекстуальность художественных текстов. Благодаря открытости произведения текст можно использовать в качестве последовательных и неокончательных интерпретаций, что создает многообразие взаимодействий текста и сцены.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Бентли, Э. Жизнь драмы [Текст] / Э. Бентли; пер. с англ. В. Воронина; предисл. И. В. Минакова. – М.: Айрис Пресс, 2004. – 416 с.
3. Котович, Т. В. Хронотоп театрального произведения / Т. В. Котович. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. – 178 с. [Текст: электронный]. – URL: <https://lib.vsu.by/jspui/bitstream/123456789/2573/5/T.B.%20Котович.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).
4. Леман, Х.-Т. Постдраматический театр [Текст] / Х.-Т. Леман; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. Н. Исаевой. – М.: ABCdesign, 2013. – 312 с.
5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб, 1998. – С. 14–285.

6. Пави, П. Словарь театра [Текст] / П. Пави; пер. с фр. под ред. К. Разлогова. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
7. Рогинская, О. Классика и классики в российском театре 2000-х годов [Электронный ресурс] / О. Рогинская // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 270–288 [Текст: электронный]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassika-i-klassiki-v-rossiyskom-teatre-2000-h-godov> (дата обращения: 25.01.2025).
8. Суминова, Т. Н. Интертекст и гипертекст текста произведения художественной культуры: сущность и проблемы взаимодействия / Т. Н. Суминова // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 3 (65). – С. 45–52.
9. Тазетдинова, Р. Р. Философско-культурологический аспект режиссерского анализа художественного текста: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Тазетдинова Руфина Ринатовна. – Казань, 2008. – 18 с.
10. Цунский, И. В. Театральная герменевтика и анализ театрального текста / И. В. Цунский // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 161–171.
11. Чистилина, И. А. Герменевтическая концепция М. М. Бахтина: от идеи диалога к проблеме понимания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Чистилина Ирина Александровна. – Краснодар, 2006. – 22 с.
12. Шпет, Г. Г. Дифференциация постановки театрального представления [Текст] / Г. Г. Шпет // Философия и психология культуры. – М.: Наука, 2007. – С. 425–427.
13. Шпет, Г. Г. Театр как искусство [Текст] / Г. Г. Шпет // Философия и психология культуры. – М.: Наука, 2007. – С. 394–411.

PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS OF THEATRICAL INTERPRETATION

© 2025 V.N. Titova

*Vladislava N. Titova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Theatrical Art,
Associate Professor of the Department of Theatrical Art
E-mail: lgaki_titova@mail.ru*

**Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky
Lugansk, Russia**

The range of problems of theatrical hermeneutics is based on the correlation of various types of interpretation, which consist in identifying the semantic structure of the literary source, staging concepts, performing expression, audience reception, etc. The historical existence of the work is characterized by a number of possible concretisations. The author analyzes the theatrical interpretation in the article, the distinctive feature of which is its relative freedom, which means the absence of the final meaning of the work and, as a result, the performance. Hermeneutics is justified by the author from the point of view of theatrical culture, which allows us to consider theatrical interpretation as a multi-stage process characterized by the synthesis of various types of interpretations. It is proved that the theatrical text reveals a multiplicity of meaning, which determines the multiplicity of equal interpretations. The principle of multiple interpretations, in turn, implements the principle of non-linearity in the organization of discourse. Text categories such as multiplicity, incompleteness, non-linearity, and openness form the hypertextuality of literary texts. Due to the openness of the work, the text can be used as sequential and inconclusive interpretations, which creates a variety of interactions between the text and the scene. The author identifies three levels of theatrical interpretation: 1) interpretation of a literary work by the director; 2) interpretation of the director's idea of the work by the actor; 3) spectator reading-interpretation of the author's work.

Key words: theatrical hermeneutics, text, theatrical text, theatrical interpretation, performance, director, actor, spectator

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-100-111-119

EDN: YRHSCZ

References:

1. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Tekst] / M. M. Bakhtin; sost. S. G. Bocharov, primech. S. S. Averintsev i S. G. Bocharov. – М.: Iskuststvo, 1979. – 423 s.
2. Bentli, E. Zhizn' dramy [Tekst] / E. Bentli; per. s angl. V. Voronina; predisl. I. V. Minakova. – М.: Airis Press, 2004. – 416 s.
3. Kotovich, T. V. Khronotop teatral'nogo proizvedeniia / T. V. Kotovich. – Vitebsk: UO «VGU im. P. M. Masherova», 2011. – 178 s. [Tekst: elektronnyi]. – URL: <https://lib.vsu.by/jspui/bitstream/123456789/2573/5/T.V.%20Kotovich.pdf> (data obrashcheniia: 25.01.2025).

4. Leman, Kh.-T. Postdramaticheskii teatr [Tekst] / Kh.-T. Leman; per. s nem., vstup. st. i komment. N. Isaevoi. – M.: ABCdesign, 2013. – 312 s.
5. Lotman, Iu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta [Tekst] / Iu. M. Lotman // Ob iskusstve. – SPb.: Iskusstvo – SPB, 1998. – S. 14–285.
6. Pavi, P. Slovar' teatra [Tekst] / P. Pavi; per. s fr. pod red. K. Razlogova. – M.: Progress, 1991. – 504 s.
7. Roginskaia, O. Klassika i klassiki v rossiiskom teatre 2000-kh godov [Elektronnyi resurs] / O. Roginskaia // Logos. – 2012. – № 1 (85). – S. 270–288. [Tekst: elektronnyi]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassika-i-klassiki-v-rossiyskom-teatre-2000-h-godov> (data obrashcheniia: 25.01.2025).
8. Suminova, T. N. Intertekst i gipertekst teksta proizvedeniia khudozhestvennoi kul'tury: sushchnost' i problemy vzaimodeistviia / T. N. Suminova // Vestnik MGUKI. – 2015. – № 3 (65). – S. 45–52.
9. Tazetdinova, R. R. Filosofsko-kul'turologicheskii aspekt rezhisserskogo analiza khudozhestvennogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01 / Tazetdinova Rufina Rinatovna. – Kazan', 2008. – 18 s.
10. Tsunskii, I. V. Teatral'naia germenevtika i analiz teatral'nogo teksta / I. V. Tsunskii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2000. – № 3. – S. 161–171.
11. Chistilina, I. A. Germenevticheskaia kontseptsiiia M. M. Bakhtina: ot idei dialoga k probleme ponimaniia: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.01 / Chistilina Irina Aleksandrovna. – Krasnodar, 2006. – 22 s.
12. Shpet, G. G. Differentsiatsiia postanovki teatral'nogo predstavleniia [Tekst] / G.G. Shpet // Filosofiia i psikhologiia kul'tury. – M.: Nauka, 2007. – S. 425–427.
13. Shpet, G. G. Teatr kak iskusstvo [Tekst] / G. G. Shpet // Filosofiia i psikhologiia kul'tury. – M.: Nauka, 2007. – S. 394–411.

**Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке
Гранта губернатора Самарской области**

**The edition of the Academic journal is carried out with
Financial support Grant of the Governor of the Samara region**

**Известия Самарского научного центра Российской академии наук.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки**

Учредитель: федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ №ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: доктор культурологии Э.А. Радаева

Том 27, номер 1 (100), 28.02.2025

Индекс: 80808. Распространяется бесплатно

Адрес учредителя, издателя и редакции: 443001, Самарская область,

г. Самара, Студенческий пер., 3а. Тел. 8 (846) 340-06-20

Издание не маркируется

Сдано в набор 27.02.2025 г.

Офсетная печ.

Усл.печ.л. 13,95 Тираж 300 экз.

Формат бумаги 60x84 1/8

Зак. № 031 от 27.02.2025

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»
443070, Самарская область,
г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел.: 8 (846) 244-43-77